

АПН
БЛИОТЕЧКА
АРН

Ю. ЛИСТВИНОВ

АПОКАЛИПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА

АПОКАЛИПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА

*Этот снимок
из японской газеты «Асахата» —
символ нависшей над миром
ядерной смерти.*

Ю. ЛИСТВИНОВ
**АПОКАЛИПСИС
ИЗ ВАШИНГТОНА**

(США: ОРУЖИЕ И ПОЛИТИКА)

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1984

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Р. Ф. Иванов,
доктор исторических наук В. М. Кулиш

Листвинов Ю.

Л 63 Апокалипсис из Вашингтона
(США: оружие и политика). — М.: АПН, 1984 — 288 с.

Анализируя военную политику США в 40—80-е годы, автор показывает ее агрессивную направленность, вскрывает характер взаимозависимости между разработкой новых систем оружия и внешнеполитическими установками американских администраций. Выявляются подспудные мотивы участия США в переговорах с Советским Союзом об ограничении вооружений, убедительно разоблачаются попытки демагогически прикрыть милитаристскую политику, на фактах и цифрах показано, откуда исходит угроза миру.

0801000000

Л — 84
067(02) — 84

© Издательство Агентства печати Новости, 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость сохранить мир, предотвратить термоядерную катастрофу — это «самое главное, что волнует сегодня народы»¹

Для решения этой общечеловеческой задачи необходимо глубокое осознание миллионными массами людей на всех континентах реальной опасности ядерного уничтожения, нависшей над народами. Безответственные действия американского военно-политического руководства подталкивали и подталкивают человечество к той опасной черте, за которой уже будет невозможно сохранить мир.

Огромные достижения науки и техники первой половины XX века были материализованы США и в атомных бомбах, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. В августе 1945 г. человечество столкнулось с величайшей военно-политической проблемой двадцатого столетия — проблемой ядерного оружия. Появление этого оружия массового уничтожения наложило глубокий отпечаток на международные отношения.

Опираясь на атомную монополию и стремясь контролировать ход исторического развития, правящие круги США начали проводить политику самого неприкрытого давления и шантажа по отношению к другим государствам. Начиная с этого времени все планы развязывания войны против Советского Союза строились прежде всего в расчете на использование ядерного оружия. А их целевые установки формулировались однозначно: «положить конец Советскому государству», «раз и навсегда покончить с коммунизмом». Только героический подвиг советского народа, который в тяжелейших условиях войны и послевоенной разрухи сумел создать ядерное оружие, позволил, ликвидировав монополию США, поставить преграду на пути к третьей мировой войне.

Политика «с позиции силы», переоценка роли силы в международных отношениях, убеждение в том, что с ее помощью можно решать проблемы исторического развития мира, — вот что прежде всего характерно для внешнеполитической деятельности США.

В этой книге, предлагаемой читателю, видный советский ученый-американист Юрий Листвинов на богатом фактическом материале рассматривает в ретроспективном плане диалектику развития вооружений США в послевоенный период и ее влияние на военно-стратегические концепции американского империализма.

В книге убедительно показано, как под прикрытием самой большой лжи XX столетия — мифа о «советской военной угрозе» развернулась невиданная по своим масштабам и тяжелейшим последствиям гонка вооружений — подготовка материально-технической базы планируемой войны.

Соединенные Штаты, даже по признанию многих буржуазных военных теоретиков, на протяжении всей послевоенной истории были инициаторами в создании все новых и новых видов и систем оружия. Американские правящие круги делали и делают ставку на достижение военного превосходства над СССР под предлогом ликвидации «отставания» или так называемого закрытия «окон уязвимости». Вынужденное участие США в переговорах с Советским Союзом об ограничении ядерных вооружений, смягчение международной напряженности в семидесятые годы объяснялось целым рядом внешнеполитических и внутриполитических причин. Однако и тогда закулисная деятельность влиятельнейших политических сил в США была направлена против заключения каких-либо соглашений с СССР об ограничении гонки вооружений, а также на срыв уже достигнутых договоренностей, как это было с Договором ОСВ-2.

Большой интерес читателей, несомненно, вызовут излагаемые автором многочисленные военные программы Соединенных Штатов в области обычных вооружений, широкого использования в них новейших научных открытий.

Советский Союз, противопоставляя агрессивным устремлениям военно-политического руководства США миролюбивую внешнюю политику, еще с момента появ-

АПОКАЛИПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА

ления ядерного оружия предлагал принять реальные меры по его запрещению и уничтожению. Эта позиция не изменилась и тогда, когда СССР, ликвидировав атомную монополию США, стал обладателем атомного оружия.

Однако неоднократные предложения Советского государства, направленные на прекращение гонки ядерных вооружений, на запрещение его дальнейшего производства, сокращение запасов и постепенное изъятие из арсеналов государств, не встретили поддержки за океаном. Даже принятое на себя в одностороннем порядке обязательство СССР не применять первым ядерное оружие не побудило американскую администрацию к отказу стать инициатором применения этого оружия массового уничтожения.

Упорство Вашингтона в проведении своего милитаристского курса противоречит элементарному здравому смыслу, оно поистине чревато для человечества ядерным апокалипсисом.

«Человечество, — справедливо подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, — не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее. КПСС против того, чтобы спор идей превращался в конфронтацию между государствами и народами, чтобы мерилom потенции общественных систем становились оружие и готовность прибегнуть к нему»².

Владимир БЕЛОУС,
генерал-майор-инженер.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

...Осенью 1775 г. в Санкт-Петербурге было получено доверительное послание английского короля российской императрице. В этом документе Георг III уведомлял Екатерину II о своем желании использовать русские войска для подавления восстания английских колоний в Северной Америке. Рассчитывая на помощь российского самодержавия, англичане даже подготовили проект договора, в соответствии с которым в распоряжение военного командования Великобритании должен был поступить русский двадцатитысячный экспедиционный корпус.

Нет необходимости говорить, что в глазах Екатерины II восставшие колонисты были такими же «бунтовщиками», какими они представлялись и английской короле. И тем не менее русские войска не были посланы на помощь англичанам: императрица достаточно трезво оценила реальные возможности подавить революцию силой оружия. «От всего сердца желаю, — писала она, — чтобы мои друзья англичане поладили со своими колониями; но... боюсь, что еще при моей жизни нам придется увидеть отпадение Америки от Европы».

Совсем по-другому действовал Вашингтон, когда почти через сто пятьдесят лет уже не буржуазная, а социалистическая революция охватила одну шестую земного шара. В своем ослеплении ненавистью к этой революции американские политические руководители встали в первые ряды тех, кто собирался с оружием в руках «истребить в корне зародыш большевизма». Именно они, говоря словами В. И. Ленина, «открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие... на вооруженный поход... с целью удушения первой социалистической республики»¹.

Готовясь к походу против Советской России, Вашинг-

тон планировал развернуть его в крупномасштабную военную интервенцию. Во второй половине 1918 г. гонка вооружений приобрела особую интенсивность. На военные нужды были выделены новые крупные ассигнования, в том числе только армии — 12 млрд. долл. Была принята обширная программа строительства военно-морского флота. Президенту давалось право неограниченного увеличения численности американских вооруженных сил. Нарращивание американской военной мощи осуществлялось и непосредственно на европейском континенте. С весны 1918 г. туда ежемесячно прибывали войсковые контингенты численностью до 300 тыс. человек. К середине года в составе американского экспедиционного корпуса в Европе насчитывалось свыше 2 млн. солдат и офицеров.

Однако, несмотря на все эти обширные приготовления, уровень непосредственной вовлеченности США в интервенцию оказался все же «заниженным». На севере России — в районах Мурманска и Архангельска — общая численность американского десанта составила около 13 тыс. человек; на Дальнем Востоке — около 10 тыс. Американская армия специализировалась в основном на проведении карательных операций, или, говоря современным языком, «грязной войне». Столь же ограниченно использовались и боевые корабли военно-морского флота: крейсер «Олимпия» прикрывал высадку союзных войск в Мурманске и Архангельске, крейсер «Бруклин» пытался помешать установлению Советской власти во Владивостоке, а позднее — прикрывал высадку во владивостокском порту отрядов японских и английских интервентов.

Чем же можно объяснить относительно невысокий уровень военной интервенции США против Советской России? Может быть, как это делают американские историки, «самоограничением» Вашингтона в использовании силы? Конечно же нет! Действия американской администрации ограничивали совсем другие факторы, и прежде всего — нарастание революционных настроений как в собственной стране, так и в экспедиционных вооруженных силах. Организованное неповиновение приказам, требования прекратить интервенцию и вернуться домой принимали, с точки зрения американского военного ко-

мандования, настолько серьезный характер, что вызывали у него страх перед «всеобщим восстанием», создавали «опасную и чреватую взрывом» обстановку во всей Европе, делая там «положение всех правительств шатким»². Совместная комиссия конгресса и военного министерства, обследовавшая на месте положение дел, свидетельствовала в своем докладе, что не существует более способов принудить воевать находящихся за океаном солдат³. Выступая в Верховном Совете Парижской мирной конференции в середине января 1919 г., президент Вильсон вынужден был заявить, что американские войска отказываются принимать участие в антисоветской интервенции⁴. В конце марта на заседании Совета четырех он говорил уже о своих опасениях, что «большевизм может заразить армии, которым приказано сражаться против него»⁵. Предпринятая американским военным ведомством в мае того же года попытка набрать для интервенции в Россию добровольцев окончилась полнейшим фиаско: на этот призыв откликнулось лишь 14 человек.

Не менее существенное влияние оказывали организация массового вооруженного сопротивления интервентам и быстрое усиление советского военного потенциала. Общий численный состав Красной Армии уже к весне 1919 г. приблизился к 1,8 млн. человек, а к концу 1920 г. достиг 5,5 млн. человек. Завораживающее воздействие собственной военной мощи вначале мешало Вашингтону увидеть в этих еще плохо вооруженных, плохо обученных, плохо экипированных бойцах и командирах достойных противников. Однако при столкновениях с частями Красной Армии американские интервенты терпели одно поражение за другим, и в донесениях военного командования в Вашингтон не раз высказывались опасения нарастающей угрозы уничтожения экспедиционного корпуса.

Эта недооценка советской военной силы и в послевоенные годы привела к тому, что США, не считая возможным по ряду причин возложить на себя бремя нового «крестового похода» против коммунизма, не видели причин, почему бы им не следовало «передоверить» эту работу другим капиталистическим державам. Особые надежды в этом плане возлагались на германский фашизм и японский милитаризм.

США не только финансировали реорганизацию и вос-

становление германской военной промышленности, но и оказывали дипломатическую поддержку все более нагло демонстрировавшимся Германией агрессивным устремлениям в Европе накануне второй мировой войны.

Предпринимались и прямые провокации. В начале 1941 г. германский посол в Вашингтоне был ознакомлен с «совершенно секретной» информацией, из которой явствовало, что СССР якобы готовится напасть на Германию, как только она окажется связанной в своих действиях крупными вооруженными операциями на Западе. Лишь впоследствии стало известно, что эта «информация», а вернее дезинформация, была любезно подброшена гитлеровцам Федеральным бюро расследований США. Можно не сомневаться, что его руководитель Гувер не решился бы провести подобную акцию без согласия или даже прямой санкции высшего американского политического руководства.

Ожидая нападения Японии на СССР, США не только не прекратили снабжать ее важнейшими видами стратегического сырья и военных материалов, но продолжали безлимитную продажу ей даже нефти и нефтепродуктов, которых не хватало самой американской военной промышленности. Были приняты и некоторые другие меры предосторожности, чтобы не «спугнуть» Токио. В день нападения Германии на СССР английский посол в Вашингтоне получил от государственного департамента доверительное предупреждение, что Англия может оказаться в трудном положении, если она надумает вступить хотя бы в формальный союз с СССР, так как в этом случае японцы рано или поздно нападут на нее, и тогда Лондон автоматически окажется вовлеченным в военные действия на Дальнем Востоке.

Вооруженное нападение фашистской Германии на СССР откровенно приветствовалось в Вашингтоне многими из тех, кто мог позволить себе это по своему «неофициальному» положению. История навсегда сохранит выражение циничных восторгов сенатора и будущего президента Гарри Трумэна, которого привела в восторг перспектива разрастания кровавой бойни на просторах России. «Если мы увидим, — говорил Трумэн, — что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия — то Германии, и таким

образом пусть они убивают как можно больше!»⁶ Слишком хорошо памятно и то, что, когда просчеты планов «канализировать» германскую агрессию исключительно против СССР стали очевидными и США оказались вынужденными искать с ним военного союза, в вашингтонских «коридорах власти» не было недостатка в требованиях вести дело так, чтобы победа досталась России ценой ее полнейшего военного и экономического ослабления.

Несмотря на то что в ряде кардинальных вопросов, например открытии второго фронта, такая политика и была принята за основу, президенту Рузвельту не удалось избежать впоследствии упреков в «недалековидности», неспособности воспользоваться богом данной «величайшей возможностью» повернуть дело таким образом, чтобы в конце войны СССР оказался фактически не в лагере победителей, а в лагере побежденных.

С приходом к власти Трумэна США, правда, приняли кое-какие срочные меры. Уже через день после подписания фашистской Германией безоговорочной капитуляции президент Трумэн отдал распоряжение полностью прекратить поставки Советскому Союзу по ленд-лизу. Капитаны находившихся в море и направлявшихся к советским берегам кораблей получили приказ лечь на обратный курс; погрузка судов в американских портах была прекращена, а уже уложенные в трюмы грузы — вновь выгружены. Но все это не могло вернуть «упущенных возможностей». Комитет начальников штабов вооруженных сил США в своем меморандуме еще от 16 мая 1944 г. вынужден был признать, что в соотношении военной силы государств произошли необратимые изменения и советский оборонительный потенциал возрос «феноменально». Любая попытка в этих условиях начать войну против СССР, подчеркивалось в меморандуме, может повести только к катастрофе.

Для американского империализма это предупреждение прозвучало как удар похоронного колокола. Казалось, рушились все надежды...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«ТОТАЛЬНАЯ» ЯДЕРНАЯ

Глава I

ВОСТОРГИ СИЛЫ

1

Шестого августа 1945 г. над японским городом Хиросимой появились три американских бомбардировщика «Б-29». На высоте восьми с половиной тысяч метров, когда на перекрестья их прицелов начали наплывать центральные районы города, у ведущего — «Энолы Гэй» — открылись створки бомбового люка. От самолета отделилась и начала падать вниз бомба. Было 8 часов 15 минут.

Через сорок три секунды на шестисотметровой высоте бомба взорвалась, превратившись в гигантский огненный шар, который вобрал в свое испепеляющее чрево город, а затем поднялся над ним невиданным грибообразным облаком. Взрывная волна настигла и успевшие подняться к тому времени на высоту двенадцати тысяч метров бомбардировщики. Но крен удалось выправить, и они избежали опасности быть ввергнутыми в разверзшийся внизу ад...

2

История создания Соединенными Штатами атомной бомбы имела свои характерные особенности. Сама идея использовать ядерную энергию в целях создания принципиально новых средств поражения была сначала весьма скептически встречена американским военным руководством. Во многом это объяснялось традиционно консервативным, пренебрежительным отношением высшего военного командования США к результатам фундаментальных научных исследований. Достаточно привести один пример: когда президенту Трумэну сообщили о завершении работ по созданию атомной бомбы, то находившийся в то время в его кабинете адмирал У. Леги счел это «наглым надувательством» и утверждал с полной уверен-

ностью, что такая бомба просто не способна взорваться.

Попытки эмигрировавших из Европы ученых-физиков привлечь в конце 30-х годов внимание американского правительства к огромному значению атомных исследований, возможностям использования их результатов для создания совершенно новых средств ведения войны долго не завершались успехом. Только высокий научный авторитет Эйнштейна, согласившегося поставить свою подпись под письмом к президенту Рузвельту с предупреждением, что фашистская Германия может раньше Соединенных Штатов овладеть новым страшным оружием, помог сдвинуть дело с мертвой точки. Потребовалось, однако, немало дополнительных усилий, прежде чем по прошествии еще более двух лет — 6 декабря 1941 г., то есть всего за день до нанесения Японией удара по Пирл-Харбору, — в Вашингтоне было принято решение начать разработку серьезной программы по созданию атомной бомбы. В соответствии с этим решением — и опять же после достаточно длительной паузы — в августе 1942 г. начала действовать организация, получившая кодовое название «Проект Манхэттен». Административным руководителем проекта был назначен полковник Гроувс, получивший одновременно с этим и заветное генеральское звание. Но новая высокая должность не помогла Гроувсу избавиться от невежества, и он находил своеобразное удовольствие, «уличая» своих подопечных, то есть всемирно известных ученых, в «некомпетентности». Зато феноменальная подозрительность генерала, оголтелый антисоветизм и бесспорное трудолюбие снискали ему высокую оценку и доверие в среде высшего военного начальства.

3

На первом этапе работ по «Проекту Манхэттен» их напряженные темпы поддерживались существовавшими опасениями, что фашистская Германия создаст ядерное оружие раньше, чем США. Герберт Йорк, принимавший активное участие в этих работах, подтверждает, что все его коллеги были уверены в реальности этой угрозы и предполагали, что заявление Гитлера о подготовке «тай-

ного» оружия имеют в виду именно атомную бомбу. Вплоть до высадки в Нормандии сил вторжения союзников неоднократно высказывались немало беспокоившие американское военное командование опасения, что «ФАУ-2» могут нести на себе ядерные заряды.

Однако еще задолго до конца войны становится очевидным, что для ряда влиятельных группировок в США серьезным движущим мотивом в завершении работ по созданию атомной бомбы начинает выступать идея использования ядерного оружия для оказания военного давления на СССР. Тот же генерал Гроувс, обладавший прекрасно развитой способностью чутко улавливать настроения в высших сферах, нисколько не ошибался, когда он, по его собственным словам, с некоторого времени полностью перестал сомневаться в том, что для многих в Вашингтоне основным врагом является Россия. И это не было его собственным домыслом. Среди записей бывшего военного министра Г. Стимсона можно найти упоминания о высказывавшихся в ходе его бесед с президентом Рузвельтом предположениях о возможностях опоры США на некую таинственную «С-1» в целях воздействия на Москву и возвращения таким образом России в лоно «христианской цивилизации»¹. А если вспомнить, что под кодовым наименованием «С-1» в то время фигурировала атомная бомба, то не так уж трудно понять смысл этих замечаний.

С нетерпением ожидая окончания работ по «Проекту Манхэттен», сменивший Рузвельта в конце второй мировой войны президент Трумэн считал, что, опираясь на новое оружие, США легко смогут поставить русских «на свое место» и взять на себя руководство движением мира по тому пути, по которому его «следует вести»². На переговоры о послевоенном устройстве мира он хотел идти уже «с атомной бомбой за плечами» и именно поэтому дважды настоял на перенесении сроков открытия Потсдамской конференции, прибыв туда лишь накануне назначенных на следующий день испытаний атомной бомбы на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико.

Несколько последующих дней прошли в томительном ожидании. Наконец в Потсдам прибыл курьер, доставивший секретное донесение о благоприятных

результатах испытаний. В этот день участники конференции заметили разительную перемену, происшедшую в поведении президента. Он обрел недостававшую ему ранее уверенность в себе, его манера оспаривать делавшиеся советской стороной предложения стала вызывающей и безапелляционной. Еще через три дня, не в силах более хранить упоительно пьянившую его тайну, Трумэн в нарочито небрежной манере дал понять И. В. Сталину, что США располагают теперь новым оружием необычайной разрушительной силы. Но, к его удивлению и разочарованию, советский лидер не проявил к этому видимого интереса. Наблюдавший издали за разговором премьер Уинстон Черчилль объяснил впоследствии это тем, что, поскольку Трумэн не характеризовал новую бомбу как «атомную» или «ядерную», Сталин, видимо, просто не понял смысла сделанного ему сообщения. Думать так, конечно, наивно. Сталин не только прекрасно понял суть самого сообщения, но и уловил содержащуюся в нем угрозу. Вернувшись с заседания, вспоминает маршал Г. Жуков, он не преминул заметить, что И. Курчатову, руководившему советскими атомными исследованиями, придется принять это во внимание и значительно ускорить темпы работ.

4

В отличие от весьма сомнительных утверждений Черчилля, к которым он сам, надо думать, относился более чем скептически, президент Трумэн был слишком хорошо осведомлен об информированности советской стороны, чтобы понять, что проведенный им зондаж оказался разочаровывающим. Еще более раздражало президента то, что он, по его мнению, сделал большую ошибку, вообще заговорив об атомной бомбе во время Потсдамской конференции, т. е. еще до того, как неожиданной демонстрацией «тотальной» мощи нового оружия США могли бы, как предполагалось, оказать на Москву действительно устрашающее воздействие. Поэтому сразу после разговора со Сталиным Трумэн шлет в Вашингтон одну за другой секретные телеграммы, требуя скорейшей подготовки и проведения атомных бомбежек Японии. Долго-

жданная телеграмма о гибели Хиросимы была вручена ему уже на борту крейсера «Огаста», когда президент находился на пути из Европы в Америку. Сопровождавший президента близкий к Белому дому журналист Р. Донован поведал впоследствии миру, что, получив это известие через капитана корабля, Трумэн пришел в полный восторг и от избытка чувств даже пожал ему руку, воскликнув: «Ну, история еще не знала подобной штуки!» По собственному признанию Трумэна, он считал тогда, что в руках Вашингтона ядерное оружие станет тем средством, которое позволит США по своему усмотрению менять весь дальнейший ход «истории и цивилизации»³.

То, что именно эти соображения были положены в основу решения нанести ядерные удары по японским городам, подтвердилось рассекреченными в последующие годы документами, в соответствии с которыми, даже с точки зрения самого американского военного руководства, для достижения победы над Японией совершенно не требовалось использовать ядерное оружие. В беседе с учеными-атомщиками, пытавшимися протестовать против намерений правительства сбросить атомные бомбы на незащищенные японские города, государственный секретарь Бирнс также подтвердил, что для разгрома Японии в том не было необходимости. Тем не менее он, как и президент Трумэн, решительно склонялся к осуществлению этой акции, видя в ней залог подчинения Советского Союза воле США.

Предназначенная для «устрашения Москвы» наглядная демонстрация «превосходящей воображение» разрушительной силы нового, «абсолютного» оружия, от которого «не может быть защиты», оказалась по своей результативности в этом плане не менее разочаровывающей, чем демарш Трумэна во время Потсдамской конференции. Впрочем, едва ли это обстоятельство повлияло на выбор тех методов, с помощью которых Вашингтон намеревался в дальнейшем «направлять» ход истории. Опубликованные в последние годы в США документальные свидетельства убеждают, что подобное «устрашение» рассматривалось лишь как краткосрочная задача и все силы и средства тайно направлялись прежде всего на подготовку к развязыванию ядерной войны против

СССР, ликвидации его не только как социалистического, но и просто как суверенного государства.

5

Сразу же после окончания второй мировой войны комитет начальников штабов по указанию президента Трумэна разрабатывает две директивы. Первая из них — за номером 1496/2 — была принята 18 сентября 1945 г., то есть всего через две недели после подписания Японией акта о капитуляции, а вторая — за номером 1518 — лишь немногим позже, 9 октября того же года.

В первой директиве, озаглавленной «Основы формирования военной политики», была, по сути дела, обоснована концепция о желательности и даже необходимости развязывания против СССР так называемой «предупредительной», или «превентивной», ядерной войны. Основной целью такой войны, подчеркивалось во второй директиве («Стратегия и использование вооруженных сил США»), должно стать уничтожение военного потенциала СССР. А сама установка на ничем не спровоцированное военное нападение на СССР цинично оправдывалась «высшими американскими интересами», в соответствии с которыми Советская Россия любой ценой должна быть лишена не только возможности достижения в будущем одинаковой с США военной мощи, но и создания средств защиты против американского нападения⁴.

Однако, то ли еще стесняясь своей новой вседозволенности, то ли не научившись пока мыслить тотальными категориями, комитет начальников штабов в первой разработке ядерного нападения на СССР ограничился предложением нанести для начала бомбовые удары «всего» по 20 советским городам⁵.

Зато политики сразу же оказались на высоте. Рассмотрев первую директиву в координационном комитете, в состав которого наравне с военными входили также представители и государственного департамента, они полностью одобрили предложение о нанесении по СССР «превентивного» ядерного удара. Но определение целей войны как всего лишь нанесения военного поражения

СССР, ликвидации его военного потенциала представлялось уже явно недостаточным. По поручению президента Трумэна, его специальный помощник К. Клиффорд проводит серию встреч с высшими государственными руководителями, мнения которых на этот счет он систематизирует и излагает в подготовленном им к концу сентября 1946 г. докладе «Американская политика в отношении Советского Союза». А мнения эти оказываются на удивление совпадающими и требующими со стороны США самых решительных действий: война против СССР будет «тотальной», вооруженные силы должны быть готовы к ее ведению на пределе своих возможностей с использованием всех имеющихся в их распоряжении средств — от ядерных до бактериологических⁶.

В начале июня 1948 г. сенаторы с энтузиазмом одобрили предложенную их коллегой-республиканцем А. Ванденбергом резолюцию, которая одобряла политику правительства президента Трумэна. Вместе с этим одобрением Белый дом получал и двухпартийный мандат для подготовки США к военной конфронтации с Советским Союзом. Документом, подтвердившим установку Вашингтона на полную ликвидацию Советского государства, стала также разработанная по поручению Белого дома и одобренная правительственным Советом национальной безопасности директива СНБ-20/1 «Цели США в отношении России».

В отличие от стоявших за стратегическими разработками военных авторы этой директивы мыслили по-иезуитски тоньше, аргументировали изящнее, но их выводам и конечным рекомендациям первые могли только позавидовать. Фарисейски сокрушаясь в начале документа, что уже теперь, в мирное время, США «вынуждены» занимать по отношению к СССР более жесткие позиции, чем к фашистской Германии и Японии накануне войны, они высказывали, однако, робкую надежду, что все, может быть, удастся уладить и мирными способами. Почему бы Советскому Союзу не согласиться, например, на внесение «коренных изменений» в свою внешнюю политику, не воспринять спокойно возникновение такой обстановки, которая окажется «несовместимой» с сохранением советской внутривластной системы? Правда, на это можно возразить, что подобные требования равно-

сильны ультиматуму о свержении Советской власти. Не приходится спорить. Но исходя из этого вовсе нет оснований утверждать, что США стремятся к войне и вооруженному свержению этой власти. Все будет зависеть от Москвы, и «американская совесть» может оставаться спокойной, если попытки перевоспитать русских окажутся тщетными и к войне действительно придется прибегнуть.

Но и в последнем случае следует поступать «гуманно». Ведь после атомного нападения от России что-нибудь да останется. Так пусть оставшиеся живут как могут. К оккупации прибегать не имеет смысла, да и опасно: и территория слишком большая, и население будет излишне озлоблено. Важно другое — обеспечить военную беспомощность сокрушенного врага. А чтобы вытравить даже саму мысль о возможности дальнейшего сопротивления, Москве нужно предъявить и заставить ее принять не только жесткие, но и, по возможности, «самые унижительные» условия.

А несравненно лучше, если с коммунистической властью вообще будет покончено. На ее место можно поставить любое марионеточное правительство. Но и здесь следует быть твердым до конца. Как бы ни заискивало руководство подобного правительства перед Вашингтоном, как бы ни ненавидело само оно коммунизм, США следует помнить, что их основная цель — не допустить возрождения военной силы России, пусть даже России антикоммунистической. Единственно, в чем следует способствовать новым властям, так это в оказании им поддержки в истреблении до конца всех пытающихся оказать сопротивление «коммунистическим банд». А под понятие таких «банд», как цинично признавалось в документе, легко можно будет подвести все силы сопротивления народа, другими словами, весь народ⁷.

Таким образом, политики, подправляя пентагоновцев, указывали им, что целью вооруженного нападения на СССР должно стать не только уничтожение его военного потенциала, но и ликвидация его как суверенного государства, низведение его народа на положение порабощенной нации, обреченной в конечном итоге на постепенную деградацию и вымирание.

В целях большей доступности для военных, которых

могли смутить все эти тонкие рассуждения, директива СНБ-20/1 была подвергнута значительному сокращению за счет удаления из текста всех излишних демагогических красот (работу эту проделали государственный секретарь Маршалл, министр обороны Форрестал и директор ЦРУ Хилленкоттер). В своем новом варианте, обозначенном уже кодовым наименованием СНБ-20/4, директива была представлена президенту Трумэну для окончательного утверждения. Этот высокий акт государственной власти и был совершен им 23 ноября 1948 г.

6

Теперь, когда все точки над «і» были поставлены, пентагоновцы, отбросив последние опасения, что их могут обвинить в излишней кровожадности, приступили к делу всерьез. Директива СНБ-20/4 еще только гуляла в своих первоначальных вариантах по различным правительственным инстанциям, а в недрах военного ведомства среди прочих многочисленных разработок такого рода был уже подготовлен и детально разработан оперативный план атомного нападения на СССР — «Чариотир».

В соответствии с ним война должна была начаться с массированных налетов американской авиации на политические, административные и промышленные центры СССР. В первый же месяц предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, в том числе 8 — на Москву и 7 — на Ленинград. Затем, не торопясь, в течение последующих двух лет — еще до двухсот атомных бомб и до четверти миллиона тонн обычной взрывчатки на уже разрушенные, но продолжающие подавать признаки жизни крупные населенные центры⁸.

К началу сентября 1948 г. в штабы соединений вооруженных сил США было уже разослано циркулярное руководство с предложением составить оперативные планы участия этих соединений в атомном нападении на СССР. В декабре 1948 г. первый такой план командования ВВС США был уже представлен комитету начальников штабов. По-военному лаконично в плане предусматривалось: начало войны — до 1 апреля 1949 г.; атомные удары

наносятся с учетом имеющегося в наличии количества бомб; в качестве первоочередных целей намечены главные города СССР; навигационные карты для экипажей бомбардировщиков и планы-карты советских городов, по которым будут нанесены атомные удары, раздаются командирам частей к 1 февраля 1949 г.⁹

Предлагавшаяся планом скоропалительность действий озадачила даже пентагоновцев. План авиационного командования передали для рассмотрения и заключения о его практической пригодности специальному комитету, в который вошли высшие офицеры армии, авиации и флота. Руководство его работой было поручено генералу Х. Хармону. После детального обсуждения доклад комитета Хармона — «Оценка воздействия стратегического воздушного наступления на СССР» — был представлен по начальству.

Авторам доклада план авиационного командования в общем-то понравился. Они прикинули, сколько советских людей будет убито, — выходило что-то около 6,5 миллиона. Еще для 28 миллионов жизнь должна была стать «весьма осложненной». Сильно пострадала бы и советская промышленность — не говоря уже о дезорганизации ее работы, можно было ожидать, что в ходе атаки будет уничтожено от тридцати до сорока процентов ее основного потенциала.

Серьезные сомнения, однако, вызвали опасения, что авиационно-атомный удар по СССР в тех масштабах, которые предусматривались планом авиационного командования, не сможет помешать Советским Вооруженным Силам предпринять ответные решительные действия, в частности «оккупировать» страны Западной Европы. При всей нелепости этих домыслов ставить на карту судьбы капитализма на европейском континенте было совсем нежелательно. Да и не было в то время у Пентагона готового запаса атомных бомб. Поэтому члены комитета Хармона, на всякий случай еще раз подтвердив, что применение в войне против СССР атомного оружия «безусловно и безоговорочно» диктуется американскими национальными интересами, рекомендовали все же не слишком торопиться с ее развязыванием, так как сначала должны быть предприняты все «разумные» усилия по

обеспечению подготовки требуемых боевых средств в размерах, достаточных для нанесения «решающего» атомного удара¹⁰.

7

Такие «разумные» усилия и были предприняты незамедлительно. И не только в направлении наращивания численности атомных бомб и стратегических бомбардировщиков, но и выдвижения всей американской ядерной мощи на «передовые рубежи». В Вашингтоне не делали секрета, что вся его дипломатия была направлена теперь на оказание давления на правительства государств, расположенных по периметру границ СССР и в относительной близости от него. Целью этого широкомасштабного шантажа было добиться от «союзников» согласия на размещение на их территории американских военно-воздушных баз, с которых стратегические силы США могли бы уверенно наносить удары по советским городам и промышленным центрам. В те годы, как признавал позднее Г. Киссинджер, США оценивали создаваемые ими военные блоки и союзы прежде всего с точки зрения предоставляемых ими возможностей по созданию таких авиационных баз¹¹.

В огромную американскую военную базу, предназначенную для нанесения с нее ядерных ударов по СССР, была превращена Англия; американские авиабазы появились в Гренландии, Исландии, Марокко, Италии, Греции, Турции, Испании, на Азорских островах. На Дальнем Востоке стратегическая авиация базировалась на оккупированном острове Окинава и ряде других военных аэродромов, расположенных на территории Японии. Оставалось, как считали тогда многие в Вашингтоне, лишь завершить программу развертывания американской авиационно-ядерной мощи, чтобы, по выражению командующего американскими ВВС в Европе генерала К. Лимэя, приступить к «очистке от населения громадных пространств территории России»¹².

Охватившая милитаристов эйфория приближалась уже к апогею, когда в сентябре 1949 г. по всем этим в высшей степени старательным усилиям американской

дипломатии и военщины был нанесен неожиданный удар. Третьего числа этого месяца установленные в США, Канаде и Великобритании приборы регистрировали атомный взрыв, произведенный в СССР. Это подтвердил и анализ проб воздуха, взятых американским патрульным бомбардировщиком вблизи северных границ СССР. И если до этого американское руководство могло еще игнорировать опубликованное ранее заявление Советского правительства о том, что секрета атомной бомбы больше не существует, то теперь приходилось признать, что атомная «дубинка» США потеряла свою исключительность. Неудивительно поэтому, что повторенное всеми информационными агентствами мира краткое заявление ТАСС от 25 сентября 1949 г. было воспроизведено на страницах американских изданий, судя по сопутствующим ему комментариям, чуть ли не как траурное сообщение.

8

Как бы странно ни выглядели сегодня подобные оценки, многие американские руководители и военные специалисты не сомневались до этого, что США будут оставаться монопольным обладателем атомного оружия относительно длительное время. Во всяком случае, настолько длительное, чтобы его оказалось достаточно для основательной подготовки и развязывания атомной войны против СССР еще до создания им собственного ядерного потенциала. Так, полковник Д. Рейнхарт в книге «Атомный век и американская стратегия» свидетельствовал, что все эксперты сходились во мнении о невозможности для Советского Союза создать атомную бомбу ранее второй половины 50-х годов, а многие даже считали, что ему для этого потребуется, вероятнее всего, лет двадцать. Именно последний срок был назван в качестве сколько-нибудь реального в специальном меморандуме комитета начальников штабов, направленном президенту в конце января 1946 г.

Высказывались и более крайние мнения. Некоторые американские специалисты были, например, убеждены, что проблема создания атомного оружия может быть решена СССР только при жизни последующих поколе-

ний. Сам президент Трумэн, отвечая на вопрос журналистов, не собирается ли американское правительство поделиться со своим бывшим военным союзником секретом атомной бомбы, пренебрежительно заметил, что, по его мнению, и говорить-то об этом преждевременно, поскольку СССР, даже обладая подобным знанием, едва ли окажется в состоянии создать свое собственное ядерное оружие: для этого надо как минимум иметь в своем распоряжении необходимую промышленную основу и специалистов «определенного уровня». Один из близких к президенту сенаторов рассказывал Герберту Йорку, что Трумэн был настолько убежден в этом, что даже тогда, когда взрыв советской атомной бомбы стал свершившимся и не вызывающим сомнения фактом, он все равно не мог поверить в случившееся и продолжал твердить, что «эти азиаты» ну никак, просто никак не могли совершить ничего подобного¹³.

Конечно, наряду с ошибочными оценками возможностей создания ядерного оружия СССР высказывались и более здравые мнения. Военный министр Стимсон в меморандуме на имя президента Трумэна писал в апреле 1945 г., что монопольное положение США в области атомного оружия не может сохраняться сколько-нибудь длительное время¹⁴. И в определенных сферах подобные мнения не могли не учитываться. В ряде более поздних американских исследований отмечалось, например, что именно осознание недолговечности монопольного владения США ядерным оружием несомненно послужило основой для выступления ряда ведущих американских деятелей с призывами начать войну против Советского Союза, «не теряя времени».

Но даже и эти «реалисты» были в немалой степени поражены столь быстрым осуществлением их пророчеств. Именно поэтому трудно переоценить силу того потрясения, которое вызвала во всех эшелонах американского руководства неожиданно обрушившаяся на США «катастрофа». Одним ударом, констатировали в своей книге «Оружие и государство» видные американские военные теоретики У. Миллс, Х. Мэнсфилд, Х. Стейн, вся военно-политическая ситуация подверглась «резким и страшным» изменениям¹⁵. Потенциальная возможность «тотального» уничтожения противника, на которую Ва-

шингтон все более привычно полагался как на основной фактор, позволяющий планировать «превентивное» нанесение атомного удара по СССР, теряла теперь привлекательную односторонность. Стремительное овладение Советским Союзом секретом производства атомной бомбы, отмечал государственный секретарь Даллес, вызвало поистине гигантские изменения в соотношении стратегических возможностей США и СССР. Способность США нанести атомный удар по СССР в значительной мере нейтрализовалась теперь его способностью к ядерному возмездию как в отношении США, так и их западных союзников¹⁶.

Зрелище разваливавшегося «карточного домика» американского военного «превосходства» повлияло на некоторых недавних сторонников «превентивной» войны против СССР в такой степени, что они совершили буквально поворот на сто восемьдесят градусов. Например, известный ранее своими воинственными настроениями председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил Ч. Тайдингс, опасаясь, что в ходе войны США могут стать объектом «неприемлемого» советского удара возмездия, теперь призывал своих коллег покончить с губительной игрой в атомное оружие, прежде чем она приведет к непоправимой катастрофе.

9

Но число таких «паникеров» было невелико и они не могли оказать заметного влияния на милитаристский внешнеполитический курс США. Более того, с потерей Соединенными Штатами атомной монополии, а следовательно, и иллюзорной уверенности в существовании свободы временного выбора для нанесения ядерного удара по СССР адвокаты «превентивной» войны начинают проявлять еще большую одержимость в стремлении не упустить «последних рубежей». Расчеты, в частности, делались на то, что США в будущей войне смогут опереться на свой флот стратегических бомбардировщиков и многочисленные военно-воздушные базы за океаном, а советская авиация, вынужденная действовать с собственной территории, не будет в состоянии преодолеть огромные расстояния до американского континента и прорваться

через комбинированный авиационно-истребительный и зенитный пояс американской противовоздушной обороны.

Все это позволяло американской пропаганде поддерживать самый оптимистический тон. Достаточно, например, вспомнить, что один из номеров весьма популярного в те годы журнала «Кольерс» был выпущен в обложке, изображавшей карту СССР, перечеркнутую жирной надписью: «Оккупировано. Поражение России. 1952 — 1960 гг.» Нарисованный тут же симпатичный парень в форме американской военной полиции и с винтовкой наперевес ухмылялся с издевочкой. Было видно, что вся эта возня по завоевыванию России настроения ему не испортила. Но в Белом доме напряженность нарастала. В ставших недавно достоянием гласности личных записях Трумэна можно найти ошеломляющие, по признанию самой американской прессы, откровения. Из них следует, что к концу своего пребывания на посту президента, то есть в начале 50-х годов, он уже терял голову и был почти готов, не ожидая дальнейшего накапливания необходимой для этого ядерной мощи, отдать приказ об атомной бомбардировке советских городов — Москвы, Ленинграда, Владивостока, Одессы, Сталинграда...

10

Между тем, несмотря на болезненно нараставшее в высших сферах американского руководства нетерпение начать атомную войну против СССР, приходилось ждать. Срочно подготовленный сразу после появления советской атомной бомбы новый вариант плана развязывания такой войны «Тройан», предусматривавший нанесение атомного удара по СССР не позднее 1 января 1950 г., вновь оказался непродуманной авантюрой. Когда по поручению комитета начальников штабов он был теоретически «проигран» группой пентагоновских офицеров во главе с генералом Хэллом, оказалось, что предусматривавшееся им нанесение «решающего» военного поражения СССР представляется по-прежнему более чем сомнительным. В ходе «игры» многие советские города были «разрушены», но и американские системы стратегического оружия также полностью выбывали из строя:

авиация — вследствие огромных потерь, вызванных ответными действиями советских средств ПВО, а большинство американских авиационных баз в странах Западной Европы — в результате контрударов советских военно-воздушных сил. Ясным стало также и то, что США не смогут предотвратить перенесения ядерной войны на американскую территорию.

Приходилось признать, что для организации «превентивного» ядерного нападения на СССР необходима более тщательная подготовка, и контрольную дату развязывания войны пришлось вновь перенести на этот раз на 1 января 1957 г.

На основе этого решения был разработан очередной план ядерной войны, которому, по соображениям секретности, было присвоено нарочито бессмысленное кодовое наименование «Дропшот». В соответствии с этим планом на первом этапе военных действий на города и промышленные центры СССР должно было быть сброшено 300 атомных бомб и свыше четверти миллиона тонн обычной взрывчатки. Одновременно планировалось подавить советскую систему ПВО, вывести из строя советские наземные, морские и воздушные силы, а также установить полный военный контроль над всеми морскими коммуникациями. За этим должно было последовать вторжение наземных армий НАТО в составе 164 дивизий, в том числе 69 американских, на территорию СССР, окончательное уничтожение советских вооруженных сил и установление оккупационного режима на территории капитулировавшего противника.

А затем уже — за рамками плана «Дропшот», но предусматриваемое им — сокрушительное наступление на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. И, как венец этой грандиозной программы военного разгрома всех еще не преклонивших колена перед скипетром новых властелинов мира, — фактическое установление власти Вашингтона на всем земном шаре¹⁷.

В целях политического и материального обеспечения плана «Дропшот» Совет национальной безопасности пересматривает директиву СНБ-20/4 и принимает вместо нее новую — СНБ-68. Политики подчеркивают настоятельную необходимость резко повысить темпы наращивания американской ядерной мощи. Особо оговаривается

также, что «высшие национальные интересы» требуют отказаться от каких-либо ограничений при определении военных расходов. США, утверждалось в директиве, не имеют права останавливаться на половине пути и, если это потребуется, должны быть готовы тратить на вооружение большую часть всех бюджетных поступлений страны¹⁸.

В апреле 1950 г. директива СНБ-68/2 получает предварительное одобрение президента Трумэна, а в конце сентября того же года утверждается им официально.

11

В ближайшие три года после введения в действие директивы СНБ-68 военные расходы США увеличиваются почти вчетверо. При этом, поскольку выполнение ставившихся планом «Дропшот» задач виделось прежде всего в дальнейшем наращивании способности США к «решающему» авиационно-ядерному наступлению, основное внимание военного и политического руководства в Вашингтоне сосредоточивается на материальном обеспечении именно такого удара. Наряду с резким расширением программы наращивания арсенала атомного оружия принимаются самые энергичные меры и для быстрой освоения производства еще более разрушительных — термоядерных — боезарядов. Соответствующее решение в этом плане было принято специальным комитетом по «сверхбомбе» Совета национальной безопасности 31 января 1950 г. и уже вечером того же дня утверждено президентом Трумэном.

В невиданных масштабах и невиданными темпами наращивается и авиационный потенциал. Программа строительства военно-воздушного флота расширяется более чем в три раза, а выделяемые на нее ассигнования постепенно начинают превышать все остальные военные расходы. На вооружение ВВС США поступают новые бомбардировщики «Б-47» средней дальности действия. К 1953 г. их численность достигает 500 единиц, а к 1955 г. — уже 1.400. В эти же годы начинается разработка стратегического бомбардировщика нового типа «Б-52», способного эффективно действовать непосредственно с американского континента и не нуждающегося в заокеанских или

промежуточных базах. Контракты на его строительство были подписаны Пентагоном с рядом авиационных фирм осенью 1953 г.

В военно-политическом плане устремленность к достижению ставившихся планом «Дропшот» целей находит свое выражение в принятии Вашингтоном одной из наиболее откровенных по своей агрессивной направленности доктрин — доктрины «массированного возмездия», цинично провозглашавшей готовность США к нанесению ядерного удара «в голову коммунистической силы»¹⁹. «Балансируя на грани войны», Белый дом все чаще начинает угрожать применением ядерного оружия. Под влиянием все еще продолжавшегося самогипноза ядерной силой оказываются не только правительственные учреждения, но и многие наиболее антисоветски настроенные круги американского общества, которые теперь, в свою очередь, начинают оказывать давление на правительство, требуя от него покончить с политикой «умиротворения» и «сбросить бомбы и смести с лица земли коммунистов»²⁰. Подобными призывами были буквально заполнены страницы американских газет и журналов. В Пентагоне открыто говорили о предстоящей атомной бомбежке России, как о деле уже решенном. Заявление одного из генералов: «Война — как можно скорее, сейчас!» — было подхвачено и превращено в лозунг дня всеми милитаристами независимо от того, носили ли они военный мундир или «штатское» платье.

12

Тем сильнее оказался тот глубокий шок, который после запуска в октябре 1957 г. Советским Союзом первого искусственного спутника Земли пришлось пережить воинствующим силам американского империализма. Спутник, самым фактом своего существования подтвердивший наличие у СССР мощных ракет-носителей, развеял последние иллюзии о «неуязвимости» американского континента от советского ответного удара. Крушение этого мифа превращало, по выражению «Вашингтон пост», доктрину «массированного возмездия» в своего рода «массированную чепуху». В Белом доме и государственном департаменте, как свидетельствует Даллес,

воцарилась атмосфера «бессильной злобы и унижения»²¹.

Сегодня, конечно, трудно, да, очевидно, и нет смысла пытаться ответить на вопрос, был бы или не был приведен Вашингтоном в действие план «Дропшот», если бы не новые обстоятельства. Однако в последнее время появляется все больше свидетельств того, что мир в те годы стоял на грани ядерной катастрофы. Ежеквартальный сборник Гарвардского университета «Международная безопасность» опубликовал, например, в числе других документов относящиеся к 1954 г. записи капитана У. Мора, которые были им сделаны во время сверхсекретного инструктажа для офицеров командования стратегических воздушных сил США. Мор отмечает, что разговор шел тогда о нанесении по СССР «единовременного массированного удара», который должен был превратить советскую территорию в течение двух часов (!) в «дымящиеся радиоактивные руины». В этом авиационно-ядерном налете должны были принять участие 735 бомбардировщиков «Б-47» и «Б-36», то есть значительно больше, чем предусматривалось даже первоначальными наметками плана «Дропшот». Характерно и то, что непосредственной реакцией Белого дома на создание Советским Союзом мощной баллистической ракеты стало очередное нагнетание военной истерии. По распоряжению президента Эйзенхауэра половина всего парка самолетов стратегического авиационного командования с ядерным оружием на борту переводится на режим непрерывного дежурства, а определенная часть оснащенных термоядерными бомбами тяжелых бомбардировщиков — на режим круглосуточного патрулирования вблизи советских границ. Нарастание напряженности продолжается и в дальнейшем. Начиная с 1958 г. патрульные полеты бомбардировщиков «Б-52» по периметрам «сторожевых» зон уступают место «рейдовым» вылетам, обрывающимся у северных рубежей СССР.

Провокационные угрозы нанести ядерный удар по СССР высказываются и в официальных заявлениях Белого дома. В дни берлинского кризиса 1959 г. президент Эйзенхауэр объявляет о «решимости» США, если развитие обстановки «вынудит» их к этому, пойти не только на вооруженное вмешательство в Европе, но и на осуществление военных акций непосредственно против СССР.

Командующий 2-м американским флотом адмирал Смедберг подтвердил впоследствии, что в середине мая 1959 г. он действительно получил приказ принять меры готовности к ядерному нападению на СССР. Во исполнение этого приказа военные корабли в полной боевой готовности оставались на дежурстве до конца месяца, когда из Вашингтона поступило распоряжение о его отмене.

Быстрыми темпами продолжалось наращивание стратегического авиационно-ядерного потенциала и развертывание американской системы противовоздушной обороны. Состав авиационных сил ПВО доводится до 2.000 истребителей, зенитных — до 4.000 орудийных установок. Радикально обновляется система раннего обнаружения, автоматизируется управление всеми силами и средствами ПВО.

Вашингтон получает разрешение Лондона на размещение на территории Англии баллистических ракет «Тор» средней дальности действия. Сходные по боевым характеристикам ракеты «Юпитер» вскоре начинают размещаться также на территории Италии и Турции. Одновременно предпринимаются экстраординарные усилия по созданию ракет нового поколения — межконтинентальных и морского базирования.

13

Не умолкают в эти годы и привычные призывы к «немедленному» развязыванию ядерной войны против СССР. Кое-что меняется только в аргументации ее сторонников. Типичным примером здесь может служить опубликованная в декабре 1957 г. журналом «Эйр форс мэгэзин» статья нескольких анонимных авторов, принадлежавших, как их рекомендовала редакция, к высшим кругам американского военного командования. Ссылаясь на то, что в скором времени СССР будет иметь мощный ракетно-ядерный потенциал, они утверждают, что только война в ближайшие же месяцы может дать США возможность «упредить» возникновение «катастрофической» ситуации, при которой американская ядерная мощь потеряет свое решающее значение. Сходные настроения царят и в конгрессе. В ряде докладов, подготовленных различными его комиссиями, неоднократно и настойчиво подчеркивалось, что США должны напрячь все силы,

чтобы в кратчайшие сроки добиться расширения своего наступательного потенциала до уровня, позволяющего приступить к развязыванию «превентивной» ядерной войны против СССР. Авторы вышедшей в 1961 г. книги «Новая американская стратегия» настаивали на том, что отказ Вашингтона от присвоенного им себе права «превентивного» ядерного нападения на СССР означал бы «катастрофу» не только для США, но и для всего западного мира²². Необходимо, писал и Герберт Кан, к мнению которого в то время прислушивались в Вашингтоне, пойти на риск «большой войны», первыми прибегнуть к использованию в ней стратегического ядерного оружия²³.

Этот поразительный феномен бьющего в глаза несоответствия между провозглашавшимися Вашингтоном военными целями и очевидной неспособностью США к их достижению, постепенно теряя, правда, раннюю категоричность своих очертаний, просуществовал в своем первоизданном виде вплоть до хорошо памятных дней кризиса в районе Карибского моря. Реальность происшедших в соотношении сил изменений не смогло признать не только правительство Эйзенхауэра, но и пришедшее ему на смену правительство демократов президента Кеннеди. Выдвижение Джоном Кеннеди стратегии так называемого «гибкого реагирования», заменившей собой старую стратегию «массированного возмездия», не предусматривало отказа от подготовки «большой» ядерной войны. Кеннеди неоднократно подчеркивал, что могут возникнуть такие обстоятельства, при которых США «вынуждены» будут пойти на развязывание «превентивной» ядерной войны против СССР.

Планируя новый антикубинский поход, правительство Кеннеди полностью отдавало себе отчет в возможности перерастания этой акции в мировую ракетно-ядерную войну. Достаточно, например, вспомнить, что объявление президентом Кеннеди «карантина» Кубы сопровождалось не только концентрацией США огромного числа военных судов в близлежащих от нее водах, но и приведением в боевую готовность американских ядерных сил как подводного, так и воздушного базирования.

Только осознав себя стоящим на краю пропасти мировой термоядерной войны, правительство Кеннеди ощутило холодный ужас неминуемой гибели и в страхе от-

шатнулось от нее. Именно поэтому дальнейшие действия Белого дома плохо укладываются в рамки концепции о «превентивном» нападении. На заседаниях в Овальном кабинете президента были отвергнуты все варианты таких акций, которые могли бы повести к их автоматическому перерастанию в ядерное столкновение с СССР. Вместо этого была избрана немыслимая ранее и ставшая теперь единственно возможной тактика поисков компромиссного решения конфликта политическими средствами. Достигнутая с СССР договоренность была встречена в Вашингтоне с чувством нескрываемого облегчения. Кеннеди не только не пытался представить ее в качестве некой американской «победы», но позаботился даже о принятии самых тщательных мер, чтобы не дать каким-либо случайностям сорвать переговоры. Кубинский кризис, писал близкий к президенту Т. Соренсен, оказался уроком, который позволил США уяснить себе фатальную безнадежность упований на тотальную ядерную «победу» и заставил поверить в созидательные возможности политического решения конфликтов.

Сам президент Кеннеди сформулировал основные выводы из этого урока в своем выступлении 10 июня 1963 г. в стенах Американского университета в Вашингтоне. Обращаясь к своим слушателям с призывом отказаться впредь от мысли о возможности ведения ядерных войн, он патетически говорил о долге живущих перед «еще не родившимися поколениями» не допустить превращения планеты в огромную радиоактивную свалку. Однако за всей этой патетикой четко просматривалось осознание новой реальности: «Когда великие державы располагают большими и сравнительно неуязвимыми ядерными силами, — сказал Кеннеди, — и когда их нельзя заставить сдаться без того, чтобы они не попытались прибегнуть к этим силам, тотальная война полностью лишается своего смысла»²⁴.

Эти слова американского президента могли иметь лишь одно значение: США фактически признали окончательный крах стратегии «тотального» разгрома коммунизма. Столкнувшись с существованием несокрушимой советской ракетно-ядерной мощи, они поняли, что зашли в «тупик», из которого, как им тогда не без оснований казалось, не было выхода.

Глава II

«ПЕРВЫЙ УДАР»

1

Но в американской государственной политике признание «ядерного тупика» не стало ни непреодолимым, ни всеобщим. Вернее, если старые планы развязывания против СССР ядерной войны и признавались теперь непригодными, то достижение ставившейся конечной цели все еще представлялось достаточно реальным — но при условии использования новых средств и методов ведения такой войны. На первый план выдвигалось создание таких систем наступательного ракетно-ядерного оружия, которые позволили бы США в ходе «превентивного» нападения на СССР сразу же уничтожить его ядерные средства возмездия и в дальнейшем добивать уже обезоруженного противника.

Именно эти соображения и были положены в основу новой концепции о ведении ядерной войны против СССР — методом «первого удара». Ее основные положения были сформулированы министром обороны Робертом Макнамарой. В соответствии с данной им дефиницией, под способностью к нанесению по противнику «первого удара» следовало понимать не столько способность нанести такой удар первым — это считалось само собой разумеющимся, — сколько, и прежде всего, добиться этим же первым ударом вывода из строя основных средств противника, которые могут быть использованы для ответного удара¹.

2

С появлением советского ядерного оружия и авиационных, а затем и ракетных средств его доставки в Пентагоне, конечно, не раз уже предпринимались попытки решения этой проблемы. Но американские стратегические ракеты первого поколения не обладали высокой

эффективностью поражения целей, особенно защищенных и ограниченных по площади. Как показывали расчеты, при приблизительном количественном равенстве американского и советского ракетных arsenалов нанесение «превентивного» удара по средствам ядерного воздействия СССР могло привести к выводу из строя в лучшем случае не более 70% его ракетных установок. Другими словами, указывали американские эксперты, если бы, например, США, пытаясь обезоружить противника, атаковали, скажем, тысячу его ракетных установок тысячью своих ракет, в распоряжении последнего осталось бы не менее трехсот ракет для нанесения ответного удара. Совершенно очевидно, что при таком положении дел неминуемо последовало бы, по терминологии самого Вашингтона, «неприемлемое», т. е. катастрофическое, для США ядерное возмездие.

Конечно, наиболее простой способ компенсации такого «неравенства возможностей» для нападающей стороны — это достижение ею значительного численного превосходства в ядерных средствах нападения. Действительно, если в рассмотренном выше гипотетическом случае нападения агрессора предположить, что численность его ракетного арсенала значительно превосходит численность ракетного арсенала объекта агрессии, то конечные результаты атаки будут склоняться тем более в пользу первого, чем более значимым в своем цифровом выражении окажется это превосходство.

На рубеже и в начале 60-х годов США, руководствуясь этими соображениями, пытались действовать именно таким образом. Бывший заместитель помощника президента по национальной безопасности д-р К. Кейси свидетельствует, что принимавшиеся в те годы Вашингтоном решения неизменно основывались прежде всего на стремлении добиться трех- или даже четырехкратного превосходства над СССР в стратегических ядерных средствах². Но такая тактика слишком откровенно выдавала стоявшие за ней планы подготовки к «превентивному» нападению на СССР и, естественно, парировалась последним соответствующими контрмерами. Поэтому результаты попыток добиться требуемого ядерного «превосходства» через опережающее количественное расширение американского стратегического арсенала были в

конце концов признаны несостоятельными, и США вскоре отказались — во всяком случае в то время — от надежд на их более успешное повторение в будущем.

3

Новые надежды появились с разработкой качественно усовершенствованных систем оружия, позволяющих и при наличии количественного ракетного паритета добиться для атакующей стороны многократного превосходства в средствах поражения.

Одним из направлений здесь стало переключение усилий на разработку и развертывание систем наступательных стратегических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (МИРВ), которые, как представлялось в Пентагоне, открывали новые и многообещающие горизонты.

В этом была своя доля истины. Картина ракетно-ядерного противостояния сторон на уровне систем МИРВ, даже в том случае, если они располагают равным числом ракет, во многом отличается от ситуации, существовавшей в период ракет первого поколения. Однозарядная ракета несет на себе одну ядерную боеголовку, которая в лучшем случае может поразить также лишь одну цель, скажем, ракетную установку противника. Следовательно, потери последнего в этом плане не могут ни при каких обстоятельствах превышать общего по численности расхода ракет нападающей стороной. Использование ракет МИРВ, несущих в среднем по десять боеголовок, коренным образом меняет это соотношение. Каждая боеголовка такой ракеты, будучи точно наведенной на цель, хотя и уничтожит только одну из ракет МИРВ противника, одновременно ликвидирует вместе с нею и все размещаемые на ней боеголовки. Теоретически, писала, комментируя эти особенности систем МИРВ, «Нью-Йорк таймс», какой-нибудь десяток ракет с сотней боеголовок на борту окажется способным уничтожить до ста межконтинентальных баллистических ракет противника и вместе с ними — до тысячи находящихся у них на борту боеголовок. Таким образом, при всех скидках на коэффициент эффективности ракетных систем вообще и на воз-

можные технические неполадки, с энтузиазмом заключала газета, открывающиеся перспективы «не могут не поражать воображения»³.

Совершенно очевидно, как показывают даже эти в достаточной степени упрощенные рассуждения, что, планируя перенесение гонки ракетно-ядерных вооружений на уровень систем МИРВ, США исходили из учета хорошо понимавшихся ими преимуществ, которые возникают здесь именно для агрессивно настроенной стороны. В ближайшем будущем, указывалось, например, в одном из подготовленных для конгресса Пентагоном материалов, ракетно-ядерные арсеналы США и СССР будут включать в себя приблизительно по тысяче ракет МИРВ каждый, т. е. в среднем по десять тысяч боеголовок. Если при подобном соотношении сил нанести по Советскому Союзу «превентивный» удар, скажем, всего 800 ракетами МИРВ с их 8.000 боеголовок, то на каждую из советских ракетных установок обрушится по восемь ядерных боезарядов. Достигнув благодаря этому почти полностью гарантированного уничтожения всех советских средств ответного удара, США при этом сохраняют еще в резерве до 200 ракет МИРВ с 2.000 боеголовок — достаточно высокий потенциал «возмездия», который они смогут обрушить на советские города, если противник все же рискнет ответить на нападение контрударом с помощью случайно избежавших уничтожения ракет⁴.

4

Но если простую «мирвизацию» наступательных ракетных систем и можно было поначалу считать в какой-то мере преодолением «ядерного тупика», то по мере происходившего в эти же годы повышения уровня выживаемости стратегических ракетных установок, в том числе и благодаря их размещению в так называемых «жестких», т. е. значительно более укрепленных и защищенных, шахтах, чисто количественное наращивание числа атакующих боеголовок теряло свое прежнее значение. Размеры «ограниченных по площади целей», под которыми в Пентагоне подразумевали советские ракетные установки, суживались практически до «точечных». Их пора-

жение можно было обеспечить фактически лишь при прямом попадании атакующих боеголовок. Для систем МИРВ это было тем более обязательным, т. к. увеличение числа боеголовок, размещаемых в боевой части ракеты, вынуждало идти на определенные ограничения в наращивании их мощности.

Поиски решения возникавших в связи с этим проблем привели к широкому использованию первых результатов начавшейся еще в середине 60-х годов так называемой «кибернетической революции». Внедрение в военную технику управляющих автоматов позволило перейти к комплексной автоматизации сложнейших технических процессов, обеспечивающих функционирование современных стратегических систем оружия. Важно было и то, что блоки этих систем благодаря быстро развивающейся микроминиатюризации их элементов не выходили за пределы тех чрезвычайно ограниченных объемов и весовых характеристик, которые можно было выделить для них в теле ракеты и размещаемых в ней боеголовок. В последующие годы внимание привлекают и возможности использования таких физических принципов, которые позволили бы обходиться без подвижных или трущихся элементов, обычно определяющих тот или иной уровень погрешностей в работе всей системы.

5

При всей банальности этой истины, чтобы обеспечить поражение объектов противника, даже при наличии достаточно точностных систем оружия, необходимо как минимум располагать не менее точными представлениями о географическом взаимоположении самих носителей ракетного оружия и намеченных к уничтожению целей. А, как это может показаться ни странным, существовавшие здесь традиционные возможности далеко не отвечали новым требованиям.

Начать с того, что, поскольку фигура Земли лишь приблизительно соответствует форме шара, все ее картографические модели страдают неточностями; ошибки в изображении взаимного расположения континентов достигают более полутора километров, а отдельных точек

на поверхности Земли — 12 — 16 км. Таким образом, хотя геодезическое определение координат наземных ракетных установок США не вызывало трудностей, существовавшие тогда методы и средства навигации могли дать лишь весьма приблизительное знание пространственного местоположения бомбардировщиков в полете и были еще менее пригодны для использования ракетноносными подводными лодками, которым для этого требовалось произвести всплытие и тем самым подвергнуться риску быть обнаруженными противником. Понятно, что еще большие трудности возникали при попытках точно определить расположение самих целей, т. е. советских ракетных установок.

На этапе развертывания ракетных систем МИРВ решение подобных проблем приобретает уже настолько серьезное значение, что рассматривавшиеся ранее в качестве вспомогательных картографические и навигационные средства обслуживания стратегических систем оружия начинают приравняться теперь к их важнейшим элементам. «Кибернетическая революция» и здесь оказалась в самом центре происходивших процессов рождения новых систем навигации и ориентации в пространстве. Но, возможно, еще более существенным обстоятельством, определившим появление новых горизонтов, стали открывавшиеся перспективы размещения Соединенными Штатами вспомогательных боевых систем в недоступных до этого пространственных сферах, и прежде всего в космическом пространстве.

6

Очевидные преимущества размещения в космосе геодезических и навигационных систем хорошо понимались пентагоновцами.

По свидетельству министра обороны Р. Макнамары, начиная с середины 60-х годов связанные с этим программы рассматриваются как первоочередные⁵. И возлагавшиеся на них надежды во многом оправдались.

Запуски геодезических спутников типа «Анна», которых впоследствии сменили спутники «Геос» и «Секор», а также переход к космическим методам построения меж-

континентальной и мировой геодезических сетей позволили снизить ошибки в точности определения местоположения наземных точек сначала до 20—50 м, а в последующие годы — до 10—15 м.

Задачи создания систем сверхточностной навигации для стратегических сил подводного и воздушного базирования решались в основном с помощью космических спутниковых систем, если не считать параллельно осуществлявшейся установки на дне морей и океанов так называемых «навигационных маяков» для подводных ракетноносцев.

Первые модели навигационных спутников серии «Транзит» вступили в строй оперативно действующих уже к концу первой половины 60-х годов. В инспирированных Пентагоном сообщениях американской прессы утверждалось, что эти спутники позволят подводным ракетноносцам, вооруженным ракетами «Поларис», добиться «убийственной точности» поражения целей на дальних расстояниях. Однако достижение действительно удовлетворительных результатов оказалось делом значительно более трудным, и потребовалось почти два десятилетия, прежде чем США вывели на орбиты первые спутники уже достаточно совершенной системы «Навстар». Предполагается, что с завершением развертывания этой системы в 1985 г., когда на орбиты будут запущены все ее 18 спутников, подключаемые к ней «абоненты», прежде всего подводные ракетноносцы и стратегические бомбардировщики, смогут получать непрерывную информацию не только о собственном местоположении по трем координатам в пространстве с точностью до 10 м, но и о скорости своего перемещения в этом пространстве с точностью до нескольких см/сек.

В функции «Навстар» будет входить также и обеспечение навигации не только мобильных платформ ракетного оружия, т. е. подводных ракетноносцев и бомбардировщиков, но и самих находящихся в полете баллистических ракет. Другими словами, «Навстар» практически станет системой непосредственного наведения ядерных средств поражения на цели. С помощью уже запущенных спутников испытания эффективности системы в этой плоскости ведутся по программам «Минитмен», «Посейдон» и «Трайдент».

В справедливости уже высказанного несколько ранее положения о том, что видимая банальность некоторых истин еще не отменяет действия утверждаемых ими законов, американским стратегам пришлось также — и с еще большей горечью — убедиться, когда стало очевидным, что и, получив в свое распоряжение новые системы наступательного стратегического оружия, они могут рассчитывать на достижение эффективных результатов только при том неперемennom условии, что Пентагону будет известно, где, собственно, следует искать подлежащие уничтожению цели.

Именно поэтому, готовясь к «первому удару» по СССР, США ни на что другое не затрачивали столько усилий и средств, сколько на организацию стратегической разведки, т. е. создание надежных средств обнаружения и слежения за советскими ракетно-ядерными установками ответного удара.

Кое-какие заделы в развертывании необходимых для этого систем, конечно, уже имелись. Еще во второй половине 50-х годов США получили в свое распоряжение высотный самолет-шпион «У-2». Непосредственное выполнение программы его строительства, осуществлявшегося под эгидой ЦРУ, было возложено на специальную координационную группу, возглавлявшуюся неким Р. Бисселом. От выдвижения идеи о создании самолета-шпиона до ее полного практического воплощения в металл и сверхчувствительную электронику прошло немногим более шести лет. Темпы выполнения программы особенно ускорились после того, как проект, преодолев все бюрократические препоны, был передан по контракту для исполнения компании «Локхид корпорейшн». Ровно через пятнадцать месяцев ее правление передало ЦРУ своего первенца. В течение 1956 г. были построены уже первые двадцать таких самолетов.

Использование «У-2» для ведения разведки против СССР расширило возможности военного командования США в сборе необходимой ему стратегической информации. Задачи разведывательных полетов формулировались специальным комитетом, в который, помимо чино-

вников ЦРУ, входили также представители командования всех видов вооруженных сил США и государственного департамента. На закрытых совещаниях в конгрессе по вопросу о расширении «разведывательного наступления» на СССР министр обороны Гейтс свидетельствовал, что разведка США доставляла «жизненно важную» информацию о советских аэродромах, самолетах, ракетных установках, ракетных испытательных и тренировочных полигонах, размещении специальных систем оружия, подводных лодках, предприятиях атомной промышленности⁶.

В мае 1960 г. самолет-шпион «У-2», пилотируемый летчиком Пауэрсом, был сбит в районе Свердловска. Это, однако, не привело к отказу США от использования этого самолета для сбора разведывательной информации вообще. «У-2» сыграл провокационную роль в возникновении кризиса в районе Карибского моря. Во время вьетнамской войны он систематически использовался для ведения военной разведки над территорией ДРВ. У бывшего командующего американскими экспедиционными силами во Вьетнаме генерала Уэстморленда одним из самых неприятных воспоминаний остался эпизод, связанный с гибелью «У-2» в конце 1966 г. Тогда командование и «зеленые береты» были подняты на ноги сыпавшимися из Вашингтона приказами во что бы то ни стало разыскать и изъять из рук противника «черный ящик» самолета — сверхсекретный запечатанный блок электронной разведывательной аппаратуры. Следствием этих требований стала еще одна из бесчисленных трагедий, разыгравшихся в те годы в джунглях Южного Вьетнама. Зброшенная вертолетами в район падения «У-2» ударная группа «зеленых беретов» уничтожила в поисках «черного ящика» несколько партизанских лагерей, переполненных семьями беженцев с детьми и женщинами.

В 1963 г. парк самолетов-шпионов пополнился еще одним детищем «Локхид корпорейшн» — сверхскоростным стратегическим разведчиком «СР-71», окрещенным по его абсолютно черной окраске «Блэк бёрд» («Черная птица»). На высоте 25 тыс. метров, которая является рабочим потолком самолета, его скорость почти в три раза превышает скорость звука. Разведывательное оборудование «Блэк бёрда» позволяет получать с 25-километ-

ровой высоты отчетливые снимки предметов размером приблизительно около 30 сантиметров. Самолет оборудован мощными средствами защиты против обнаружения его радарными противника. Однако, как признали в Пентагоне, это «чудо» разведывательной техники будет легко поражено при первой же попытке пересечь советские границы.

Это соображение, видимо, и определило окончательный отказ США от дальнейших попыток сконструировать разведывательный самолет, способный безнаказанно совершать полеты над территорией СССР. В середине февраля 1978 г. агентство ЮПИ сообщило, что вместо этого ЦРУ совместно с Пентагоном приняли решение начать строительство нового, модифицированного варианта самолета-шпиона, оборудованного разведывательной аппаратурой дальнего действия, специально рассчитанной на ведение стратегической разведки против СССР из воздушного пространства за пределами его территории.

8

Независимо от результатов дальнейших попыток США вернуться к ведению воздушной стратегической разведки против СССР, она давно уступила пальму первенства разведке из космоса. Само решение президента Эйзенхауэра прекратить шпионские полеты над территорией СССР мотивировалось Белым домом ссылками на то, что США вскоре смогут получить приблизительно такие же разведывательные данные с помощью своих спутников⁷.

К этому в Пентагоне и ЦРУ готовились не только и не просто заранее, но задолго до появления самого самолета-шпиона «У-2». Из цехов «Локхид корпорейшн» еще лишь готовились выкатить первые, опытные экземпляры этого самолета, а в недрах обоих этих ведомств уже понимали, что русские недолго дадут ему летать в своем небе, и делали вывод о необходимости всемерно ускорить работы по созданию его преемников.

История американской космической разведки ведет начало с того дня 1946 г., когда ВВС США, далеко заглянув в будущее, предложили молодой исследователь-

ской организации «Рэнд» изучить возможности конструирования и вывода на орбиту спутников-шпионов. К весне 1951 г. «Рэнд», превратившаяся к этому времени уже в «Рэнд корпорейшн», подготовила доклад «О пригодности спутников для их использования в целях космической стратегической разведки». Несмотря на то что работа носила еще чисто теоретический характер, она сразу же привлекла внимание ЦРУ, на дотации которого «Рэнд корпорейшн» в последующие три года и провела ряд более серьезных исследований о возможностях создания спутниковой разведки. В марте 1954 г. результаты этих изысканий в виде четырехтомного доклада «О потенциальных возможностях нетрадиционной разведки» были переданы заказчику. Приблизительно к этому же времени завершилась разработка и другого секретного проекта запуска на орбиту искусственного спутника. Над ним работала группа ученых-ракетчиков, которые в конце войны были захвачены в Германии американской разведкой и тайно ввезены в Соединенные Штаты.

С 1956 г. началось осуществление первой американской программы создания и вывода на орбиту спутников разведки. Она получила официальное название «Усовершенствованная система разведки» и кодовое наименование «УС 117Л». Выполнение основных работ по этому проекту было поручено той же «Локхид корпорейшн».

9

В сентябре 1960 г. эта программа под влиянием концепций «первого удара» значительно расширяется и получает новое официальное наименование «Спутниковая система наблюдения», или «Самос». Высокие темпы осуществления программы ускорились еще более после «приземления» Пауэрса на советской территории. По настоянию ЦРУ и Пентагона она была отнесена решением Совета национальной безопасности к категории «первоочередных национальных задач США», а лицом, ответственным за техническое исполнение входивших в нее проектов, назначен министр ВВС США, которому при этом вменялось в обязанность согласовывать все свои действия на этом поприще с руководством ЦРУ.

Осенью 1961 г., когда работа над спутником «Самос»

приближалась к завершению, президент Кеннеди отдал указание о полном засекречивании программы — вплоть до запрещения какого бы то ни было упоминания о ней в официальной прессе. Вся деятельность по созданию космической разведки объявлялась, таким образом, как бы вообще «несуществующей», и в дальнейшем о запусках спутников разведки никогда не упоминалось.

Нет возможности, да и, пожалуй, необходимости подробно рассматривать все последующие американские программы и проекты космической разведки. Важно, однако, отметить, что в 60-е и 70-е годы технические характеристики и возможности таких систем непрерывно совершенствовались. На смену обычной, хотя и обладающей чрезвычайно высокой разрешающей способностью, оптике пришли сложные приборы, позволяющие, по утверждениям американской прессы, получать с огромной высоты отчетливые и опознаваемые изображения объектов даже размерами всего лишь «чуть больше мяча для тенниса» в любое, в том числе и ночное, время суток. Сообщалось, что появилась возможность проводить съемку и выявлять цели и тогда, когда они закрыты толстым облачным покровом, тщательно закамуфлированы или размещены глубоко под землей. Добиться таких результатов удалось благодаря разработке так называемой полиспектральной съемки, при которой для получения изображения используются различные электромагнитные излучения — световые, инфракрасные, ультрафиолетовые, радарные, рентгеновские и т. д.

В западной печати отмечалось, что был достигнут также значительный прогресс в организации сбора, передачи и обработки информации, получаемой со спутников. Спутники разведки стали оснащаться телевизионными камерами для передачи экспресс-информации, что позволило перейти к поэтапным методам наблюдения. Например, при обнаружении на снимках общего, обзорного характера тех или иных представляющих интерес объектов их последующая съемка проводится с помощью дистанционного включения более мощной съемочной аппаратуры или со спутников, обращающихся на более близких к Земле орбитах. Некоторые новые спутники разведки, как, например, гигантский многоцелевой спутник «Биг бёрд», усовершенствованная модель которого под

кодовым наименованием спутник «КХ-11» была выведена на орбиту в конце 70-х годов, получили возможность маневрировать в космосе. Отснятая и обработанная на самом спутнике фотопленка сбрасывается на Землю в специальных контейнерах, представляющих собой, по сути дела, небольшие посадочные устройства, способные совершать самостоятельный полет в зону, где они еще в воздухе перехватываются дежурными самолетами.

10

На фоне этих успехов у Вашингтона бельмом на глазу оставалась неспособность спутниковых систем сколько-нибудь эффективно решать задачи по обнаружению и слежению за советскими подводными лодками-ракетоносцами. Западные специалисты отмечали, что самые сверхчувствительные датчики, устанавливаемые на спутниках, позволяют регистрировать «тепловое пятно» подводной лодки или создаваемые ею при движении в толще воды турбулентные возмущения лишь в тех случаях, когда глубина ее погружения не превышает нескольких десятков метров. Существуют предположения, что использование в космических системах противолодочной разведки лазерных устройств позволит в будущем обнаружить подводную лодку на глубине до 60—80 м по характерному «выпячиванию» водной поверхности при ее движении. Может быть также использована способность лазерного луча при соблюдении определенных условий «видеть» и на большей глубине. Но применение и этих методов не сулит, как считают в Пентагоне, радикального решения проблемы.

В связи с этим США начали энергично искать новые пути совершенствования надонных систем противолодочной разведки: повышалась дальность их действия, отдельные их элементы выдвигались на дальние подступы к североамериканскому континенту и в ключевые районы Мирового океана.

Для обнаружения подводных лодок начали создаваться так называемые «барьерные», или «замковые», линии противолодочного обнаружения, удаленные в ряде случаев на тысячу километров от береговой черты или «пере-

крывающие» проходы в те или иные водные бассейны Мирового океана. Наконец, были разработаны планы сведения всех существующих систем надонной разведки в единую глобальную систему. Один из вариантов проекта такой системы, получивший кодовое наименование «Сиспайдер», предполагалось оснастить не только традиционными гидроакустическими средствами обнаружения, но и некими «принципиально новыми» средствами такого рода.

Конечная результативность всех этих усилий, как и попыток создать противолодочную космическую разведку, оказалась все же весьма далекой от ставившихся концепцией «первого удара» целей. Причиной была не только малодоступность для наблюдения беспредельных пространств Мирового океана, но и появление новых типов подводных ракетносцев — малозумных, способных действовать на больших глубинах, несущих на себе специальные средства защиты против их обнаружения противником.

11

В дополнение к трудностям создания в сжатые сроки или вообще в предвидимом будущем отвечающих всем требованиям концепции «первого удара» многообразных систем обслуживания стратегического наступательного оружия все больше давали себя знать и некоторые более серьезные изъяны в разработках планов нанесения такого удара.

Прежде всего США приходилось считаться с тем неприятнейшим фактом, что в ответ на их действия советский ракетно-ядерный потенциал ответного удара пополнился теперь оружием подводного базирования. Неизмеримо более высоким, чем предполагалось, приходилось признать, оказался и уровень выживаемости советских шахтных установок ракет ответного удара.

Изменились также и представления о возможностях поражения таких установок в результате нанесения по ним множественных ударов. Было установлено, что неспособность уничтожить «шахту» первым же боезарядом фактически означает неспособность уничтожить ее вообще. Все последующие наводимые на нее боеголовки

МИРВ могут быть просто выведены из строя благодаря естественным результатам первого взрыва: проходя сквозь облака пыли и более крупных частиц почвы, поднятых этим взрывом, они рискуют преждевременно лишиться своего защитного противотермического экрана; они могут быть отброшены в сторону мощными воздушными потоками, которые в течение относительно длительного времени продолжают бушевать над местом ядерного взрыва; они могут, наконец, подвергнуться катастрофическому для их собственного функционирования воздействию вызванных предыдущим взрывом электромагнитных и радиационных излучений.

Наконец, с полной очевидностью выявилось, что делавшиеся ранее Пентагоном с целью их «запродажи» конгрессу рекламные оценки эффективности новых систем наступательного оружия МИРВ оказались завышенными и требуют серьезного пересмотра.

Нараставшее число непреодолимых трудностей, вставших на пути к приобретению способности нанесения по СССР «гарантированного первого удара», привело к тому, что Вашингтон вновь оказался в том самом «тупике», из которого он так старательно стремился выбраться. Даже для неспециалистов становилось очевидным, что все расчеты на фактическое обезоруживание СССР в ходе «первого удара» не имеют под собой сколько-нибудь реального основания. А из этого мог следовать лишь вывод о том, что без обеспечения себя средствами обороны от советского ответного ракетного удара, пусть даже и ослабленного «превентивным» нападением на стратегические силы СССР, любые планы нанесения Советскому Союзу «решающего» военного поражения остаются иллюзорными, и США не могут ни на йоту поколебать ненавистную им ситуацию «ядерного тупика».

«ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОРУЖИЕ»

1

Скандалный крах стратегии «первого удара» в ее первоначальном варианте вынудил политическое и военное руководство США пересмотреть свое отношение к раздававшейся и ранее в ее адрес критике — не той, конечно, критике, которая исходила из понимания катастрофичности курса на безудержное нагнетание гонки стратегических вооружений вообще, а «рациональной», не выходявшей за пределы вопросов военно-технического характера.

Основным аргументом такой критики было утверждение о невозможности подготовки «первого удара» с опорой лишь на наступательные системы стратегического оружия. В современную эпоху, писал в опубликованной в 1966 г. книге «Сила и оружие» профессор Т. Шеллинг, непременным условием успешного нападения становится способность противодействовать ответному удару или контратаке со стороны противника. В силу этого, делал он вывод, предназначенное для отражения ответного удара оружие обороны должно рассматриваться в качестве важнейшего «составного элемента» наступательной мощи США¹.

Во второй половине 60-х годов этот взгляд получил широкое распространение в вашингтонских «коридорах власти». В самом Пентагоне все более прочно утверждается убеждение в том, что модернизированные системы стратегического оружия должны обладать не только высокими наступательными, но и оборонительными характеристиками. Двуетным требованием к ним становится как способность к уничтожению основных стратегических сил противника, так и обеспечение защиты собственных сил и территории от ответного удара.

Постепенно стирались грани между понятиями «наступление» и «оборона». При тщательном анализе современных систем стратегического оружия, писал, например,

отражая эти взгляды, журнал «Ньюсуик», разница между «наступательными» и «оборонительными» типами «попросту исчезает». Теперь требовалось, чтобы системы оружия рассматривались как комплексные, наступательно-оборонительные, или «интегрированные». Если США, говорил начальник штаба ВВС генерал Макконел, смогут создать в дополнение к имеющимся у них системам стратегического наступательного оружия также и практически «непроницаемую» для советских ракет ответного удара противоракетную оборону, то они поднимутся на новый, высший уровень своих военных возможностей, сравнимый лишь с тем, который они занимали в период своего монопольного владения ядерным оружием². Другими словами, пророчествовал Г. Кан, США смогут тогда безнаказанно начать и выиграть войну против СССР³.

2

В последний год второй мировой войны, когда внимание всего мира было приковано к завершающему этапу великой антифашистской битвы народов, а в Вашингтоне все громче звучали голоса о возможном развязывании «превентивной» войны против СССР, в одном из ничем не примечательных офисов Пентагона был подписан контракт под бюрократически неудобоваримым номером «Дабл'ю 30-069-ОРД-3182». Из текста этого документа, составленного сухим канцелярским языком, следовало, что заказчик в лице артиллерийского управления армии США поручает, а подрядчик — компания «Уэстерн электрик» — обязуется произвести за соответствующую мзду необходимые исследования, научные эксперименты и технологические разработки ракеты, пригодной для использования в качестве «атакующего средства противовоздушной обороны».

Ни одна из сторон, разумеется, не рассматривала новый проект как срочный или хотя бы внеочередной. Это была рядовая сделка между представителями различных секторов военно-промышленного комплекса. В случае успеха Пентагон мог надеяться обзавестись еще одной системой оружия, в которой тогда не виделось

особой практической необходимости, а военный бизнес — неплохим дополнительным источником дохода.

Однако, по мере того как на берегах Потомака исчезала уверенность в неизбежности принадлежавшей США ядерной монополии, отношение к этому проекту начинает претерпевать заметные изменения. Призрак советского ответного авиационно-ядерного удара заставляет теперь Пентагон поторопиться с разработкой системы ракетной противовоздушной обороны. Получившая к тому времени кодовое наименование «Ника-Аякс», эта система должна была прийти на смену зенитной артиллерии, быстро устаревавшей с наступлением века стратосферных стратегических бомбардировщиков.

В ноябре 1951 г. был осуществлен первый запуск ракеты «Ника-Аякс». Но еще до полного развертывания самой системы, занявшего почти все 50-е годы, становилось все более очевидным, что наиболее вероятным средством нанесения советского ответного удара будет не столько стратегическая бомбардировочная авиация, сколько межконтинентальные баллистические ракеты.

Между тем нечего было и мечтать об использовании системы «Ника-Аякс» с целью противоракетной обороны. Обладая расчетной скоростью полета всего около двух тысяч километров в час, предельным радиусом действия в 40 км и потолком подъема в 16—20 км, ракеты «Ника-Аякс» явно не соответствовали тем новым жестким требованиям, которые предъявлялись к противоракетной системе. В равной степени это относилось к ракете «Ника-Геркулес» и к летательному аппарату «Бомарк» с воздушно-реактивным двигателем, которые во второй половине 50-х годов были также включены в систему американских сил противовоздушной обороны.

3

Огромные технические трудности создания ракетной системы оружия противоракетной обороны выглядели настолько обескураживающими, что в течение некоторого времени американские военные специалисты ограничивались лишь теоретическими изысканиями в этой области. Однако уже в 1955 г. в США предпринимаются

первые практические попытки разработок такой системы. В феврале этого года армейское руководство подписывает контракт с компанией «Белл телефон лабораторис» на проведение научно-исследовательских работ по проектированию системы противоракетной обороны «Ника-Зевс». Почти одновременно другой похожий контракт — на разработку противоракетной системы «Визард» — заключают с компанией «Дженерал дайнамикс» и военно-воздушные силы. Этот последний проект просуществовал до января 1958 г., когда министр обороны Н. Макэлрой, основываясь на заключениях экспертов, признал его малоперспективным и отдал приказ о его ликвидации.

Технически более обещающий проект «Ника-Зевс» выжил. Немалую роль в этом сыграло и то, что командование армии применило для его спасения граничивший с наглостью маневр — будучи к тому совершенно не подготовленным на деле, оно в начале 1957 г. объявило о якобы уже имеющихся практических возможностях развертывания такой системы. Блефовый характер этого жеста выявился довольно скоро, но в царившей в стране атмосфере антисоветской истерии проект «Ника-Зевс» не только не был ликвидирован, но официально отнесен к категории первоочередных. Столь же высокий статус был придан и проводившимся Пентагоном совместно с комиссией по ядерной энергии изыскательским работам по конструированию ядерной боеголовки для ракет «Ника-Зевс».

К середине июля 1962 г. удалось осуществить первую попытку имитации перехвата «вражеской» ракеты. Где-то над водами Тихого океана скрестились траектории запущенной с базы ВВС США «Ванденберг» межконтинентальной баллистической ракеты «Атлас» и направленной для ее перехвата с острова Кваджалейн ракеты «Ника-Зевс». Однако сближение ракет оказалось на пределе «смертельной» для атакующей боеголовки зоны, и результаты эксперимента можно было считать положительными лишь с большой натяжкой. До конца 1963 г. было проведено в общей сложности около полутора десятков подобных испытаний, из которых лишь две трети могли рассматриваться как относительно успешные.

Не менее разочаровывающие результаты принесли с собой и попытки создать **неракетные** системы противоракетной обороны. Немало бесплодных усилий было, например, затрачено Соединенными Штатами на разработку проектов создания на пути советских ракет ответного удара «смертельных» для них зон с помощью ядерных взрывов. Именно с этой идеей была связана проводившаяся в 1958—1959 гг. секретная операция «Аргус», в ходе которой США осуществили целую серию таких взрывов в заатмосферном пространстве. Однако полученные результаты были сочтены в то время Пентагоном «разочаровывающими», и операция «Аргус» была приостановлена.

Другой столь же недолговечный проект Пентагона по разработке неракетной системы противоракетной обороны — «Уэст-форд» — предусматривал создание вокруг Земли пояса из сотен миллионов крошечных медных иголок, или диполей. Это должно было вывести из строя или нарушить работу систем управления советских межконтинентальных баллистических ракет ответного удара. Первый запуск устройства для рассеивания диполей был произведен в последней декаде октября 1961 г. с помощью ракеты «Атлас-Агена». В целях успокоения мирового общественного мнения, выступавшего против осуществления этого проекта, который создавал реальную угрозу для других космических экспериментов, в том числе и космических пилотируемых полетов, США пытались представить проект как «научно необходимый», не слишком, правда, вдаваясь в доказательства этой «необходимости». Через некоторое время проект «Уэст-форд» был отвергнут, поскольку, с точки зрения Пентагона, он оказался такой же пустышкой, как и «Аргус».

Правительство президента Эйзенхауэра, а затем и правительство президента Кеннеди так и не дали «зеленого света» планам строительства системы противоракетной обороны. Но было бы, конечно, ошибочным утвер-

ждать, как это достаточно часто делается в самих США, что тогда политическое руководство в принципе выступало против идеи приобретения «зонтика» от ответного советского удара.

Решение президента Эйзенхауэра отказаться от развертывания системы «Ника-Зевс» было продиктовано лишь негативными экспертными оценками боевых возможностей такой системы. В действительности его правительство до самого конца своего пребывания у власти никогда не предпринимало каких-либо мер по ограничению исследовательской деятельности Пентагона в области дальнейших разработок таких систем.

Не менее мифические источники имеют под собой и широко распространяемые в США утверждения о том, что правительство президента Кеннеди принципиально не поощряло расширение гонки вооружений, направленной на создание систем противоракетной обороны. В значительной мере такое впечатление основывается на известном заявлении президента Кеннеди от 1 августа 1963 г. Выражая сомнение в осуществимости подобного предприятия, Кеннеди говорил тогда, что проблема создания обороны против стратегических ракет ответного удара выходит пока за пределы американских технических возможностей, прозрачно намекая при этом, что многие из выступающих в ее защиту действуют под влиянием корыстных побуждений, нимало не веря сами в осуществимость этой идеи. Тем не менее Кеннеди никогда не провозглашал себя принципиальным противником приобретения США средств защиты от советского ответного удара. Занимаемая им позиция свидетельствовала лишь о наличии борьбы мнений вокруг вопроса о практической осуществимости подобных проектов. Что же касается существа дела, то министр обороны Макнамара был, несомненно, прав, утверждая, что с конца 50-х годов проблема создания противоракетной обороны всегда находилась «в центре внимания» правительства. Отвечая критикам, упрекавшим правительство в якобы проявлявшемся им скопидомстве и нежелании потратить на строительство системы «Ника-Зевс» несколько десятков миллиардов долларов, Макнамара подчеркивал, что не только десятки, но и сотни миллиардов долларов, если бы они потребовались для доведения дела до конца, не оказа-

лись бы препятствием на пути строительства, будь только правительство убеждено в реальности всего предприятия⁴.

Эти высказывания Макнамары позволяют понять, почему Кеннеди, несмотря на свое отрицательное отношение к планам строительства системы противоракетной обороны, не возражал против принятия Пентагоном в январе 1963 г. решения об экспериментальной разработке нового варианта такой системы — «Ника-Х» — и отнесения программы работ по этому проекту к категории первоочередных. Именно последнее обстоятельство способствовало тому, что уже к 1965 г. министерство обороны смогло закончить основные исследовательские работы по этому проекту и провести ряд практических испытаний отдельных элементов системы «Ника-Х».

6

Не меньше внимания проявлялось к идее создания американской системы противоракетной обороны и со стороны правительства президента Джонсона, сменившего правительство Кеннеди. Особенно наглядно это проявилось в его действиях в связи с так называемым «бунтом» военных. Не желая больше считаться с техническим несовершенством поднимаемой ими на щит системы «Ника-Х», они, пожалуй, впервые в истории США нарушили освященную временем традицию воздерживаться от публичного высказывания своих взглядов и «вмешались в политику». Председатель комитета начальников штабов генерал Дж. Уилер буквально бросил перчатку своему министру, а заодно и правительству, заявив в конгрессе, что, в отличие от гражданского руководства, все члены его комитета убеждены в необходимости и возможности немедленного развертывания «непрозрачной» (т. е. непроницаемой) противоракетной обороны от советского ответного удара. Все осложнялось еще и тем, что проводившаяся и широко рекламировавшаяся в то время линия министра обороны Макнамары на «повышение эффективности» каждого вкладываемого в строительство вооружений доллара не оказалась на практике ни действительно «экономичной», ни эффективной. Осо-

бенно наглядным примером этого стала разработка и строительство многоцелевого истребителя-бомбардировщика, который, по мысли министра обороны, должен был удовлетворить запросы как ВВС, так и ВМС, несмотря на резкие различия в условиях эксплуатации самолетов, базирующихся на наземных аэродромах и на палубах авианосцев. По ядовитому замечанию сенатора Ричарда Рассела, такой самолет мог оказаться ценным для США только в том случае, если, сбитый где-то в небе Вьетнама, он был бы подобран советскими специалистами и соблазнил бы Москву на строительство подобного же ни на что не годного гибрида «летающей рыбы и коршуна».

Теперь, ссылаясь на этот просчет Макнамары в военном планировании, его критики утверждали, что излишне «бухгалтерский» подход министра обороны к оценке новых систем оружия способен принести вооруженным силам США больше вреда, чем пользы. Если США немедленно не приступят к строительству пусть даже несовершенной системы противоракетной обороны, указывали они, то, не имея временного задела и развернутой промышленной базы, они не смогут построить ее и в будущем. Военные требовали от правительства приступить к строительству хотя бы «действующего прототипа» такой системы, с тем чтобы на практике определить ее слабые стороны и наметить возможные пути ее дальнейшего совершенствования.

Подобный подход едва ли мог показаться политическому руководству достаточно убедительным. Тем не менее на «бунт» Пентагона правительство президента Джонсона отреагировало по меньшей мере неожиданно. Вместо предсказывавшегося американскими наблюдателями «жесточайшего разноса» в Пентагоне, возможно, даже смещения с занимаемых должностей ряда высших военных руководителей, оно ответило фактической капитуляцией перед требованиями военных. В очередном ежегодном докладе министра обороны конгрессу правительство отказывалось уже от критики выдвигавшихся Пентагоном планов создания системы противоракетной обороны вообще и ограничивалось лишь критикой требований военных о немедленном ее развертывании в «непроницаемом» варианте. В свою очередь комитет началь-

ников штабов и его председатель генерал Уилер, хорошо понимая истинное значение этого заявления, отнеслись к такой критике вполне благодушно, заявив, что они на первое время и не требуют ничего подобного и настаивают лишь на том, чтобы США располагали хотя бы ограниченными средствами «обороны».

7

Подобное завершение конфликта едва ли оказалось бы возможным, если к тому времени политическое руководство страны, не видя других путей к практическому осуществлению американских планов развязывания против СССР «превентивной» ракетно-ядерной войны, само не стало склоняться к точке зрения военных. Именно это и отразилось во вновь достигнутом между Белым домом и Пентагоном полном взаимопонимании. Поэтому мало кто был удивлен, когда 18 сентября 1967 г. министр обороны Макнамара, выступая в Сан-Франциско перед сотрудниками «Юнайтед пресс интернейшнл», объявил о принятом правительством решении приступить к созданию системы «ограниченной» противоракетной обороны. Смена позиций правительства оправдывалась Макнамарой ссылками на происходящие в мировой военно-политической ситуации изменения. Такая мера предосторожности, заявил он, необходима ввиду того, что и начале или середине 70-х годов Китай будет уже обладать ограниченным ракетно-ядерным потенциалом и его руководство может принять «иррациональное» решение нанести удар по США⁵.

Новая программа строительства системы противоракетной обороны — «Сентинел» — характеризовалась Макнамарой как усовершенствованный, хотя и несколько «урезанный», вариант проекта «Ника-Х». Предполагалось, что ее основным назначением станет «ограниченная» оборона от одиночных или немассированных ядерных ударов.

Попытка правительства придать «антикитайскую» аранжировку проекту «Сентинел» оказалась неудачной. Пентагон не скрывал, что он рассматривает новый проект всего лишь как первый шаг на пути создания развер-

нутой обороны от советского ответного удара и что в дальнейшем «Сентинел» будет преобразован в полностью развернутую систему «интегрированного оружия».

Комитет начальников штабов счел даже нужным направить в конгресс своего представителя, выступившего с заявлением о том, что Пентагон по-прежнему считает, что самое необходимое для укрепления «оборонь» США — это развертывание эффективной и всеохватывающей системы противоракетной обороны, ориентированной на отражение «атаки» со стороны СССР, и что «Сентинел» — это ценное начинание в создании именно такой защиты.

Медвежью услугу оказали правительству и некоторые приветствовавшие его решение конгрессмены. Сенатор Пастор, например, выступил с восхвалениями «Сентинел» как «правильного шага в правильном направлении», следуя которому США должны будут прийти в конечном итоге к развертыванию широкой системы защиты от советского ракетно-ядерного «нападения». Правительство, заявил журналистам и сенатор Рассел, пыталось выдать систему «Сентинел» как предназначенную для защиты США от Китая. Но это было по меньшей мере наивно, и гораздо лучше открыто признать, что она станет основой для развертывания всеохватывающей противоракетной системы, которая «защитит» США не от китайского, а от советского «нападения». Рассел ставил себе в заслугу, что именно он, разъяснив своим коллегам истинное назначение «Сентинел», подготовил в конгрессе почву для его надежной поддержки⁶.

Происходившая на глазах у всех скандальная метаморфоза объявленных правительством целей строительства системы «Сентинел» вынудила, наконец, Вашингтон выступить и со своими собственными, весьма, правда, двусмысленными «разъяснениями». В своем выступлении в конгрессе министр обороны Клиффорд заявил, что, хотя «Сентинел» и предназначена для защиты США от китайского ракетно-ядерного нападения, она может иметь и весьма реальную значимость в качестве «щита» американских стратегических сил на случай попыток подобного же «нападения» со стороны СССР. Таким образом, заключил Клиффорд, если кто-нибудь считает необходимым подчеркнуть именно эту особен-

ность проекта, он имеет полное право поступить таким образом. Еще через некоторое время, в ежегодном докладе конгрессу о военном бюджете, Клиффорд уже без обиняков подтвердил, что «Сентинел» будет использована Пентагоном как основа для строительства развернутой противоракетной обороны для «защиты» от советского «нападения».

Все снова становилось на круги своя. В октябре 1968 г. конгресс США утвердил законопроект об ассигнованиях на строительство системы «Сентинел», не урезав ни единого цента из запрошенных правительством фондов почти в один миллиард долларов.

Но проекту «Сентинел» в чем-то явно не везло, и тех, кто считал теперь победу окончательной, ожидало разочарование. Неожиданно для многих в ход событий вмешалось то самое «молчаливое большинство», к которому так любят подчас апеллировать в своих речах американские политики. Разработанная Пентагоном схема размещения батарей противоракет «Сентинел» предусматривала строительство их установок вблизи таких городов, как Чикаго, Даллас, Нью-Йорк, Солт-Лейк-сити, Бостон, Детройт, Олбани, Гранд-Форкс, Гонолулу. Протест общественности этих городов, принявший вскоре общенациональные формы, имел своей основой не только страх перед возможными опасными случайностями, связанными с размещением ядерного оружия вблизи крупных населенных центров. Сам факт подобной схемы размещения противоракет опровергал правительственные утверждения о том, что они предназначаются лишь для возможной защиты американских сил «возмездия» и, следовательно, для предотвращения неожиданного «разоруживающего нападения» на США со стороны СССР. Развертывание противоракетной защиты населенных центров служило более чем достаточным подтверждением того, что речь идет о подготовке самими США «превентивного» нападения на СССР в полном соответствии с концепцией «интегрированного оружия».

Оппозиционные настроения нарастали и в конгрессе, где все чаще раздавались голоса, выражавшие серьезную тревогу в отношении тех последствий, к которым может повести решение о создании даже «ограниченной» системы противоракетной обороны. Ряд влиятельных кон-

грессменов, в их числе сенаторы Фулбрайт, Мэнсфилд, Кеннеди, Саймингтон, указывали, что поскольку выступления сторонников проекта «Сентинел» не оставляют сомнений в том, что строительство этой системы направлено прежде всего на создание противоракетной обороны от ответного советского удара, то практическое осуществление проекта может повести только к втягиванию обеих сторон — США и СССР — в новый бессмысленный раунд гонки вооружений. Для Белого дома и Пентагона, однако, значительно более существенным было то, что теперь к этим старым критикам проекта примкнули и такие напуганные антимилиитаристским движением правые, как председатель комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил Мендель Риверс, давший понять министру обороны, что его комиссия не утвердит план строительства противоракетных установок вблизи крупных населенных пунктов.

Создавшаяся обстановка вынудила Вашингтон пойти на временное отступление. В начале февраля 1969 г. новый министр обороны Мелвин Лэйрд, действуя по указанию президента Никсона, отдал распоряжение прекратить строительство «Сентинел» под предлогом необходимости для нового правительства заново пересмотреть и оценить все основные американские программы развертывания систем стратегического оружия.

Полученная передышка была использована для организации нового нажима на общественное мнение и конгресс. В выступлениях президента Никсона и министра обороны Лэйрда начинают все чаще звучать заявления о том, что система противоракетной обороны США будет построена, невзирая на любую оппозицию. На состоявшейся в середине марта 1969 г. пресс-конференции Никсон, не дожидаясь продолжения мало удовлетворявших его дебатов в конгрессе, заявил, что он вынужден взять на себя в этом вопросе личную ответственность и принять окончательное решение о создании Соединенными Штатами системы «ограниченной» противоракетной защиты.

Предложенная президентом программа строительства такой системы — «Сэйфгард» — предусматривала на первом этапе ее осуществления строительство всего двух комплексов противоракетных установок. Но демонстративное уменьшение масштабов строительства не означа-

ло, однако, что Вашингтон отказывался тем самым от осуществления и более широких планов. Так, специалисты отмечали, что предусматривавшееся проектом значительное увеличение численности радарных установок с ориентируемыми по всем азимутам антеннами свидетельствовало, что «Сэйфгард» в действительности мыслится лишь как начало более всеобъемлющей, чем даже «Сентинел», системы противоракетной обороны.

Привлекавшие внимание американской общественности к этим особенностям нового проекта его критики в конгрессе подчеркивали, что система «Сэйфгард» полностью вписывается в планы Вашингтона по созданию «интегрированного оружия» и качественно ничем не отличается от тех шагов, которые предприняли бы США и при открытой постановке целей нанесения «первого удара» по СССР⁷.

9

Противоракетная ракетно-ядерная оборона предъявляет весьма специфические требования к средствам поражения, которыми она оснащается. Дело в том, что перехват атакующих боеголовок противника происходит фактически за пределами земной атмосферы — в верхних слоях стратосферы или открытом космосе. В подобных условиях взрыв ядерного боезаряда любой мощности, если его воздействие на цель мыслится лишь посредством ударной волны, превращается в бессмысленный и бесполезный «фейерверк», так как отсутствие воздушной среды ликвидирует саму возможность образования и распространения ударной волны в пространстве. Поражение цели в этих условиях возможно лишь путем вывода из строя ее наиболее важных узлов и блоков с помощью воздействия на них генерируемой взрывом энергии излучения. Считается, что лучевой энергией, достаточной для поражения цели, обладают лишь термоядерные боезаряды большой, мегатонного класса, мощности. Такими снарядами и предполагалось оснастить входившие в систему «Сэйфгард» ракеты дальнего перехвата «Спартан».

Однако, по мнению специалистов США, организация перехвата на дальних подступах сталкивается с рядом других серьезных трудностей. Достаточно, например, ска-

зять, что современные радиолокационные средства обнаружения ракетного нападения не позволяют надежно выявлять истинные боеголовки, и противоракеты могут поддаться на «приманку» их имитаторов, в изобилии сбрасываемых атакующей ракетой.

Повышение надежности системы ПРО, по заключению западных специалистов, возможно путем создания второго противоракетного барьера, с использованием ракет ближнего перехвата, предназначенных для уничтожения целей на относительно небольших высотах. Там благодаря сопротивлению атмосферы траектории полета боеголовок и их имитаторов, имеющих различные весовые и габаритные характеристики, начинают заметно отличаться друг от друга. Но применение термоядерных зарядов необходимой мощности на малых высотах неизбежно будет сопровождаться нанесением ущерба на своей же территории, и такая «оборона» едва ли приемлема.

Считается, что избежать или, во всяком случае, значительно снизить эту угрозу можно, если оснастить боеголовки противоракет ближнего перехвата нейтронными зарядами, генерирующими при взрыве потоки быстрых нейтронов. Эффективность их разрушающего воздействия на зарядное устройство атакующей боеголовки, не говоря уже о том, что они легко проникают сквозь ее противорадиационную защиту, значительно выше гамма-излучения термоядерных зарядов. А это позволяет ограничиться использованием для целей ближнего перехвата относительно маломощными боезарядами и снизить таким образом опасность радиоактивного поражения близлежащих районов.

В США уже в конце 50-х годов существовала программа создания нейтронных боезарядов, но она не пользовалась излишним вниманием. В годы, когда в американском военно-политическом мышлении доминировала стратегия «массированного возмездия», требовавшая прежде всего всемерного наращивания общей разрушительной мощи ядерного оружия, заниженное воздействие взрыва нейтронных боезарядов на физические объекты не выглядело привлекательным. Не вызывало энтузиазма и то, что их производство было сопряжено с дополнительными техническими трудностями.

Принятие программы строительства противоракетной обороны радикальным образом изменило ситуацию. С негласного одобрения Белого дома противоракеты ближнего перехвата — «Спринт» — сразу же проектировались с ориентацией на их оснащение нейтронными боезарядами. Хотя открытые источники информации дают лишь самые скудные сведения о развернувшихся событиях, очевидно, что предпринятые Пентагоном усилия для ускорения работ по созданию нейтронных боезарядов носили экстраординарный характер. В 1975 г. такими боезарядами были уже оснащены первые тридцать противоракет «Спринт» системы «Сэйфгард», размещенные на базе ВВС в районе Гранд-Форкс в Северной Дакоте. Впрочем, мир оставался в неведении о принятии США на вооружение этих боезарядов вплоть до конца апреля 1978 г., когда в целях зондажа возможной реакции мирового общественного мнения на американские планы размещения нейтронного оружия в Европе некий высокопоставленный представитель военного ведомства якобы «невзначай» поведал об этом корреспонденту японской «Иомиури».

10

Но еще до этого проекту «Сэйфгард» было суждено сыграть весьма драматическую роль в судьбе президента Никсона. В отличие от своих предшественников, которые могли позволить себе скептическое отношение к проектам создания эффективной противоракетной обороны, Никсон, приход которого в Белый дом совпал с выдвижением концепции о возможностях достижения США «решающего» военного превосходства с помощью создания «интегрированного оружия», не имел другого выбора, кроме перехода на позиции безоговорочной поддержки идеи строительства такой обороны.

Вся сложность создавшейся ситуации заключалась в том, что, кроме уже фактически ранее забракованных специалистами проектов «Ника-Х» и «Сентинел», предусматривавших перехват ядерных боеголовок стратегических ракет противника с помощью ракетно-ядерных же средств поражения, Пентагон не мог предложить никако-

го принципиально нового решения проблемы. Но другого выхода не было. Необходимо было или признать неосуществимость самой идеи создания «интегрированного оружия», или воспользоваться для попытки ее претворения в жизнь любым имевшимся шансом. А единственным таким шансом было в тех условиях строительство спорной по своим военно-техническим достоинствам системы «Сэйфгард».

Именно так и поступило правительство президента Никсона. Но, солидаризировавшись в этом вопросе с Пентагоном, оно допустило грубую ошибку, усмотрев в нарастающей волне общественного протеста против развертывания системы «Сентинел» единственное препятствие на пути осуществления подобных планов. Между тем в ходе бесконечно тянувшихся в конгрессе дебатов о противоракетной обороне негативное отношение к ней все чаще начинало проявляться и со стороны тех сенаторов и депутатов, репутация которых как признанных выразителей интересов военного лобби никогда ранее не подвергалась сомнению. Способствуя во всем другом всемерному нагнетанию гонки вооружений, в этом вопросе они расходились с Пентагоном и военно-промышленным комплексом вообще, считая недопустимым растрачивать огромные материальные и людские ресурсы на создание, по их мнению, заведомо малоэффективной или вообще бесполезной системы оружия.

По-своему это был «государственный» подход к вопросу, и он разительно отличался от позиции военного ведомства, которое, как и на каждом предыдущем этапе развертывания гонки вооружений, действовало словно под влиянием какого-то магического заклятия. Оно мешало ему освободиться от ничем не объяснимого убеждения в том, что научно-технические возможности СССР не позволят ему противодействовать очередной попытке США приобрести военное преимущество. Подобная фатальная уверенность сыграла с Пентагоном плохую шутку и на этот раз. Еще до того, как было начато развертывание системы «Сэйфгард», его руководству стало очевидно, что для советских стратегических ракет современных модификаций ее преодоление не будет представлять чрезмерно сложную задачу. Проведенные различными группами американских научных и военно-технических экспер-

тов исследования вынуждали признать, что любые системы противоракетной обороны, базирующиеся на использовании ракетных же средств поражения целей, «не имеют будущего»⁸. При наличии столь ненадежного второго элемента «интегрированного оружия» его использование для нанесения по СССР «первого удара» не выглядело безопасным.

К несчастью для него самого, президент Никсон осознал все это с непростительным запозданием, когда пути отступления были уже отрезаны. Вступив в единоборство с оппозицией в конгрессе, он, настаивая на принятии проекта «Сэйфгард», восстановил против себя как ее либеральные, так и влиятельные милитаристские группировки. А уступив впоследствии требованиям отказаться от дальнейшего развертывания этой системы до уровня «непрозрачной», — и все элементы военно-промышленного комплекса. Ему же после подписания американо-советского договора об ограничении строительства систем противоракетной обороны было поставлено в вину и нечто худшее — «размывание» тех основ антисоветской идеологии, на которых воспитывались целые поколения американцев.

А логическим завершением всего этого стал «Уотергейт».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАЧЕНИЕ МАЯТНИКА

Глава IV

«ИГРА ПО ПРАВИЛАМ»

1

По своей природе ядерная война может быть только всеобщей, неограниченной. «Все ужасы прошлых войн, все другие выпадавшие на долю людей бедствия, — указывается в преамбуле резолюции первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 26 ноября 1981 г. в поддержку внесенного СССР предложения о предотвращении ядерной катастрофы, — померкли бы перед тем, что несет с собой применение ядерного оружия, способного уничтожить земную цивилизацию».

Во время монопольного владения США ядерным оружием американским стратегам как-то даже нравилось думать именно таким образом о разрушительной силе ядерного оружия. Разрабатывая планы нанесения по СССР массированного ядерного удара, вашингтонские воители считали вполне естественным, что одним из результатов этого будет гибель десятков миллионов людей — но людей другого, «коммунистического», общества. Это было понятно, и это пытались оправдать «высокими» целями.

Но одно дело — послать ядерную смерть в чужой дом, и другое — оказаться в положении, когда посмотреть ей в глаза придется и самим. По мере роста способности СССР к нанесению по агрессору ответного ядерного удара — «неприемлемого» ядерного удара! — росло и Вашингтоне и неодолимое стремление избежать подобной участи. Ни политики, ни военные не очень-то хотели переселиться в мир иной таким неприятным способом. «Тотальная» ядерная война, как мина со взведенным спусковым механизмом, была отложена в сторону до лучших времен. С нее время от времени любовно стирали пыль, но прибегнуть к этому, по выражению американских политиков, «крайнему, катастрофическому» средст-

ву для достижения своих самых вожделенных целей все же не решались.

На протяжении многих лет, полных несбывшихся надежд и разочарований, посвященных поискам выхода из «ядерного тупика», американские лидеры, не видя здесь конца все новым препятствиям, пытались найти и альтернативное решение проблемы путем разработки и навязывания СССР «правил» войны также ядерной, но «ограниченной» ядерной, смертоносное дыхание которой не угрожало бы самим США.

2

Первые признаки такого самоограничения своих ядерных амбиций начали проявляться Вашингтоном еще в годы заката стратегии «массированного возмездия». Показательно, что начало серьезной критике этой стратегии положил профессиональный военный — генерал Дуглас Макартур, который по самому долгу своей службы должен был разбираться в ядерной стратегии, по крайней мере, несколько лучше, чем вашингтонские политики. Макарута нельзя было обвинить в вульгарном «пацифизме». Именно он в свое время требовал быстрейшего накопления «по меньшей мере тысячи» атомных бомб и развязывания ядерной войны против СССР. Он же в годы войны в Корее призывал для достижения «победы» прибегнуть к ядерному оружию. Но с тех пор многое изменилось, и вера генерала в возможность достижения победы в результате «тотального» ядерного нападения на СССР была в корне подорвана. Макарута объяснял это тем, что после появления советского атомного оружия и межконтинентальной стратегической авиации происшедшие в американо-советском балансе ядерных сил изменения обесмыслили те самые предпосылки, из которых Вашингтон мог исходить ранее, планируя использование ядерной силы для достижения своих политических целей. Неограниченная ядерная война, подчеркивал он, несет с собой теперь угрозу для существования не только противной стороны, но и самих США. Если начнется еще одна мировая война, война с неограниченным использованием ядерного оружия, то мир столкнется с такими разруши-

тельными силами и с такими разрушениями, перед лицом которых счастливыми будут чувствовать себя только мертвые.

Весьма «спорными» в изменившейся ситуации представлялись положения доктрины «массированного возмездия» также и начальнику штаба армии генералу М. Риджуэю. А сменивший его на этом посту генерал М. Тэйлор даже решился выступить в печати со статьей, в которой он высказывался за отказ от абсолютизации идеи «тотальной» ядерной войны и признавал, что в предвидимом будущем Соединенным Штатам, возможно, придется принять доктрину «ограниченного» использования ядерной силы. Ошибочность стратегии «массированного возмездия», указывали американские военные наблюдатели, заключается не в ее сути, а в том, что она была провозглашена тогда, когда США уже не могли рассчитывать на ее успешное претворение на практике.

Политическое руководство в Вашингтоне не могло, конечно, полностью игнорировать тревожные настроения в среде высшего американского офицерства. В октябре 1957 г. государственный секретарь Даллес выступил с публичным «разъяснением» якобы превратно понимаемых некоторыми лицами положений стратегии «массированного возмездия». Эта стратегия, утверждал он теперь, вовсе не предусматривает нанесения «массированного возмездия» в ответ на любую «провокацию» со стороны СССР или любой другой «коммунистической нации». США сохраняют за собой свободу рук, и решения о «массированном возмездии» будут приниматься весьма выборочно.

В хитросплетениях рассуждений Даллеса о различных подходах к «ограничению» масштабов ядерной войны просматривалась лишь одна четко выраженная идея — нужно начинать такую войну с применения ядерного оружия «ограниченной» мощности и предоставить затем ходу событий самому определять, окажется ли война эскалированной до уровня всеобщего ядерного столкновения.

Такое решение вопроса, особенно учитывая боевые характеристики ядерного оружия того времени, было, конечно, в равной мере как чрезвычайно опасным, так и

крайне беспомощным. Во что могло бы вылиться предложенное Даллесом начальное применение против СССР ядерного оружия «ограниченной» мощности? В уничтожение какого-нибудь «неважного» советского населенного центра? Или какого-нибудь также «второстепенного» промышленного комплекса? И после этого США ожидали бы, какой будет реакция Москвы?

Все это выглядело очевидной несуразицей, тем более что в Вашингтоне были прекрасно осведомлены о советских стратегических установках в отношении любого неспровоцированного ядерного нападения на СССР — на это немедленно последовал бы полностью «неприемлемый» для США мощный удар возмездия.

3

Поскольку создалось такое положение в области ядерных вооружений, в Вашингтоне возникло новое «хитроумное» решение. Можно, например, отказаться от нанесения ядерных ударов по жизненно важным или просто населенным центрам СССР, а наносить их только по его установкам стратегических ракет ответного удара. Это позволит в какой-то мере разоружить его, поставить в положение, когда он вынужден будет принять предъявленные ему политические требования. Поскольку же считалось, что США значительно опережают СССР в проводившейся ими качественной перестройке своего ракетно-ядерного арсенала, в Вашингтоне были убеждены, что Москва окажется просто несостоятельной вести военные действия на предлагаемом уровне, и советских ответных «контрсилловых» ударов не приходится, следовательно, опасаться. В то же время Москву следовало предупредить, что любая попытка нарушить предлагаемые правила «игры», ответить на нападение справедливым ударом возмездия вызовет со стороны США новую массированную и всеуничтожающую ракетно-ядерную атаку уже по советским населенным центрам. Советскому Союзу, таким образом, как бы предлагался выбор: или смириться с разрушением его потенциала ответного удара, или стать «зачинщиком» всеобщей ракетно-ядерной войны. Что же касается результатов «игры по правилам», то в Вашинг-

тоне, предпринимавшем в те годы все мыслимые и немыслимые усилия к достижению многократного ракетного превосходства над СССР, они виделись во вполне радужном свете.

Эта новая концепция — так называемая концепция «ограничения ущерба» — преподносилась публично, естественно, под соответствующим соусом «вынужденности» для США думать о принятии возможных решительных мер в случае, если они будут «спровоцированы» Москвой. Однако заявление министра обороны Р. Макнамары о том, что США могут в целях «ограничения ущерба» себе и своим союзникам прибегнуть к нанесению ядерных ударов по военным объектам СССР «еще до того, как он успеет нанести ответный удар»¹, разоблачало действительные установки Вашингтона.

Официальное объявление о принятии США концепции «ограничения ущерба» было сделано Макнамарой во время его выступления в июне 1962 г. в стенах Мичиганского университета в Энн-Арборе. Соединенные Штаты, сообщил он своим немало потрясенным слушателям, пришли к заключению, что, насколько будут позволять обстоятельства, стратегия ведения ядерной войны не должна существенным образом отличаться от стратегии войн прошлого времени: основная сила вооруженного удара должна направляться на уничтожение вооруженных сил и оружия противника, а не на уничтожение его гражданского населения. Но, ограничивая свои действия в ракетно-ядерной войне таким образом, продолжал Макнамара, США будут сохранять резервную ядерную силу, достаточную для полной ликвидации СССР, чтобы помешать Москве пойти на соблазн принятия решений, которые могли бы таить в себе «тибельные» для нее последствия².

К великому сожалению Вашингтона, стратегии «ограничения ущерба» было суждено завянуть на корню, так и не дав жизнестойких всходов. Потерпев неудачу в попытках добиться многократного численного превосходства в ракетах — а без этого Пентагон не видел возможности приобретения способности к «гарантированному» поражению целей и сохранения достаточного «резерва устрашения», — он постарался забыть и об утраченных вместе с этой стратегией надеждах.

Самым поразительным во всей этой истории было, впрочем, то, что, прекрасно отдавая себе отчет в невысокой точности наведения имевшихся тогда в распоряжении США стратегических ракет, в Вашингтоне ни разу не вспомнили о том, что, прибегая к ним, просто нельзя избежать разрушений близлежащих гражданских объектов, в том числе и населенных пунктов. А ведь уже значительно позднее, когда речь пошла о нанесении ядерных ударов по СССР с помощью несравненно более точностных ракет второго и третьего поколений, бывший председатель комитета начальников штабов адмирал Т. Мурер говорил, что он не может себе представить, как вести ядерную войну лишь в рамках уничтожения стратегических ракетных установок противника. И у Мурера были все основания для подобного заявления. По подсчетам самих же пентагоновцев, нанесение ядерного удара по одной только авиабазе противника может одновременно привести к гибели 10 и более миллионов человек гражданского населения. Последствия «контрсиловой ограниченной» войны станут на деле еще более разрушительными, так как по военным целям будут наноситься и массированные удары с использованием десятков, сотен и даже тысяч боеголовок большой мощности.

4

Переход США к строительству и разворачиванию ракетных систем МИРВ вновь возродил идеи о возможности ведения ядерной войны, в рамках которой военные действия ограничивались бы нанесением ударов по стратегическим силам ответного удара противника, иными словами, носили бы «противосиловой», или, как стало принято говорить, «контрсиловой» характер.

Ракеты МИРВ вполне отвечали невыполнимым ранее требованиям, которые предъявлялись к оружию такой войны. Сокращение радиуса рассеивания их боеголовок относительно центра цели впервые позволяло, хотя бы с видимым соответствием с реальными фактами, утверждать, что «контрсилловые» удары не приведут к нанесению незапланированных ударов также и по гражданским объектам или населенным центрам. О ведении «ограни-

ченных» ядерных войн стали говорить как-то легко и просто. До появления точностных систем стратегического ядерного оружия, утверждали теперь многие американские политические и военные авторитеты, в умах сознательно или подсознательно существовало глубоко укоренившееся представление о катастрофическом характере ядерной войны, убеждение, что такую войну начинать нельзя. Теперь же можно реалистически, без панического, лишаящего способности к логическому мышлению страха предусмотреть и подготовиться к ведению ядерной войны, пусть пока и ограниченных масштабов.

В начале января 1974 г. фактически с правительственным заявлением о происшедших «еще летом прошлого года» изменениях военной стратегии США выступил министр обороны Дж. Шлесинджер. Разъясняя смысл этого заявления, Шлесинджер подчеркнул, что Вашингтон занят поисками методов и средств, которые позволили бы США в дальнейшем более «гибко» применять свою ядерную силу, в частности путем нанесения выборочных ударов по советским ракетным установкам.

Но исходные положения новой «стратегии Шлесинджера» не замыкались только на представлении о возможности обмена с СССР ядерными ударами «по правилам игры». Если концепция «ограничения ущерба» все же милостиво как бы предоставляла противнику право на участие в такой «игре», то «ограниченная» ядерная война Шлесинджера мыслилась уже скорее как война «ограниченного первого удара», в которой Москве отводилась по преимуществу пассивная роль страдающей стороны. Ну хотя бы по той простой причине, объясняли в Пентагоне, что СССР не располагает ни ракетными системами МИРВ, ни их высокоточностными боеголовками, а следовательно, и не может претендовать на нанесение «хирургически точных» ударов по американским ракетным установкам.

В ставшем известным в последнее время секретном меморандуме президента Никсона № 242 от 17 января 1974 г. подчеркивалось, в частности, что именно это предположение должно будет обеспечить завершение войны на выгодных для США условиях. Эти расчеты с головой выдавали и авторы появившихся вслед за выступлением Шлесинджера статей в ряде наиболее солидных

американских журналов. США, писали, например, сотрудник Института Брукингса Р. Барнет и его коллега из Института внешнеполитических исследований У. Клив на страницах «Орбис», уже обладают частичной способностью к нанесению по противнику первого удара, и нет сомнений, что такая способность будет расширяться ими и в дальнейшем. С этой точки зрения доктрина министра обороны Шлесинджера не только своевременна, но и вполне перспективна³.

Существовал, наконец, и еще один аспект самого факта принятия стратегии Шлесинджера. Американские политические и военные наблюдатели единодушно отмечали, что этой акцией США впервые наносили «сокрушительный и обоснованный» удар по «фанатической вере» в то, что ядерная война — это ядерная война и ничто не может изменить этого положения. Покончив с этими взглядами, стратегия Шлесинджера развеяла нелепые предрассудки и освободила от их парализующего влияния американское стратегическое мышление. Она обосновала также ставшее отныне очевидным значение качественного совершенствования стратегических систем оружия для достижения США «решающего превосходства» в ядерной силе.

Другими словами, стратегия Шлесинджера, помимо ее проходящего значения как одного из этапов развития концепции о ведении «ограниченной» ядерной войны, создавала теоретические основы и для дальнейшей безудержной гонки вооружений, достижения с ее помощью «решающих» военно-технических «преимуществ». Приданный ею этой гонке импульс материализовался в последующие годы в принятии Соединенными Штатами беспрецедентно широкой программы создания и развертывания систем ядерного оружия нового поколения.

5

Первостепенное значение в ряду этих систем оружия придается сегодня ракетно-ядерной системе «МХ», которая, безусловно, представляет собой достаточно впечатляющий рывок вперед в осуществляемом США наращи-

вании своего стратегического потенциала. Дальность полета новой ракеты, по сравнению с ракетой «Минитмен-3», увеличивается с 9.250 км до 11.000 км, точность наведения боеголовок на цель и мощность их зарядов — вдвое. Несмотря на то что положения Договора ОСВ-2 не допускают размещения более 10 боеголовок на борту любой из межконтинентальных баллистических ракет (МБР), «МХ» будет нести до 12 ядерных боеголовок мощностью 335 кт каждая, а в перспективе и 600-килотонные боеголовки типа МАРВ, оснащаемые системами самостоятельного наведения и маневрирования на конечных отрезках траектории своего полета. Все эти особенности ракеты «МХ», и прежде всего увеличение точности наведения и мощности размещаемых на ней боезарядов, превращают ее в оружие, пригодное для нанесения ударов по наиболее укрепленным и ограниченному по площади военным целям, то есть по самым технически совершенным ракетным шахтам. По оценкам Пентагона, индекс поражающей способности ракет «МХ» в этом плане, опять же по сравнению с ракетами «Минитмен-3», поднимается со 135 до 1.800 условных единиц. Исходя из этих расчетов, многие западные специалисты поспешили даже вынести приговор, суть которого сводится к тому, что система «МХ» обеспечит США выведение из строя более 90% советских наземных ракет ответного удара.

В первый период после выдвижения программы «МХ» эта система характеризовалась как мобильная, многошахтная. Предполагалось, что каждая из 200 ракет будет смонтирована на подвижной пусковой установке, последовательно размещаемой в одном из 23 укрытий, связанных между собой специальной дорогой. Укрытия должны были строиться на определенном расстоянии друг от друга, вдоль так называемого «скакового круга». В дальнейшем всю систему намечалось превратить в аэромобильную. Была даже проведена серия экспериментов по запуску межконтинентальных баллистических ракет с борта сверхбольшегрузных транспортных самолетов типа «С-5А», которые подтвердили осуществимость этих планов.

Однако впоследствии, когда в Вашингтоне возобладало стремление к быстрейшему развертыванию системы, было решено приступить к первоначальной установке

ракет по методу так называемого «компактного базирования», с удалением пусковых и ложных шахт всего на полкилометра друг от друга. В конце ноября 1982 г. президент Рейган известил конгресс о принятом им решении разместить таким способом 100 ракет «МХ», которые в дальнейшем он предложил называть «Пискиперс» — «Хранительницами мира». Что же касается других, «перспективных» методов базирования ракет «МХ», то изучение этой проблемы было отложено на будущее. В предвидении этого, а также основываясь на твердом убеждении в том, что ОСВ-2 так никогда и не будет ратифицирован США, Пентагон наметил дальнейшее расширение программы, предложив в качестве новой возможной контрольной цифры развертывание 400 установок ракет «МХ».

Но даже отвлекаясь от этих далеко идущих планов Пентагона, следует подчеркнуть, что и размещение ракет «МХ» методом «компактного базирования» в объявленных президентом масштабах не может рассматриваться иначе, как грубое нарушение одного из центральных положений американо-советских договоренностей не создавать дополнительных стационарных пусковых установок для межконтинентальных ракет. Строительство «ложных» шахт также подпадает под категорию таких действий, так как оно направлено на запрещенное соглашениями преднамеренное затруднение контроля за развертыванием ракет национальными техническими средствами. Прямым нарушением договора по ПРО и протокола к нему станет осуществление и рассматриваемых сейчас в Вашингтоне планов возможного прикрытия района базирования ракет «МХ» системой ПРО «Сэйфгард», которую США имеют право перенести из района базы Гранд-Форкс только в район столицы.

Принято было также решение завершить еще до развертывания системы «МХ» переоснащение 300 МБР «Минитмен-3» более мощными и совершенными боеголовками типа МК-12А. В докладе Пентагона конгрессу оно мотивировалось тем, что одна эта мера должна будет обеспечить США уже в середине 80-х годов приобретение значительного потенциала поражения советских ракет ответного удара в укрепленных шахтах⁴.

С ростом appetитов и этого показалось мало, и контрольная цифра «Минитмен-3», подлежащих переоснащению новыми боеголовками, была поднята до 500.

6

Аналогичное наращивание «контрсилового» потенциала предусматривается и в отношении стратегических наступательных систем подводного базирования. Принятая в этих целях программа «Трайидент» предусматривает разработку и последовательное развертывание целого ряда элементов, в том числе подводной лодки «Трайидент», ракет «Трайидент-1» и «Трайидент-2», специальной базы обслуживания.

По своим внешним параметрам подводная лодка «Трайидент» представляет собой, как указывают в Пентагоне, скорее «самодвижущуюся глубоководную ракетную базу», чем атомную подлодку-ракетоносец в обычном понимании. Длина ее корпуса равняется почти 170 м, высота вместе с рубкой — 19 м. Водоизмещение «Трайидента» в погруженном состоянии — 18.700 т — соответствует водоизмещению надводного тяжелого крейсера. Габариты «Трайидента» позволяют разместить на ее борту 24 пусковые установки для баллистических ракет, то есть на 8 больше, чем на подводных лодках систем «Поларис» и «Посейдон».

В заявлениях министерства обороны США неоднократно отмечалось, что подлодка «Трайидент» обладает более мощной ядерной энергетической установкой, способностью погружения на значительно большие глубины, значительно меньшим шумом хода, новым звукокационным оборудованием. Все эти особенности «Трайидента», как предполагается, будут способствовать заметному повышению уровня ее «неуязвимости» по отношению к противолодочным ядерным или обычным средствам поражения.

Проектная дальность действия ракеты «Трайидент-1» — 7.200 км — в пять раз превышает дальность действия первых баллистических ракет подводного базирования «Поларис-А-1» и почти на одну треть дальность действия

ракет «Посейдон» последних модификаций. Ракета «Трайидент-1» несет на себе 8 боеголовок МК-4, оснащенных ядерными зарядами мощностью по 100 кт, в два с половиной раза превышающими мощности зарядов ракет «Посейдон». Между тем министерство обороны и командование ВМС США уже сейчас готовятся заменить эти боеголовки еще более усложненными — МАРК-500 «Эвейдер», специально рассчитанными на преодоление наиболее технически совершенных систем противоракетной обороны.

Ракета «Трайидент-2», или «Д-5», не будет уже ничем отличаться по дальности действия и точности наведения от новых межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. В ее головной части смогут разместиться 14 боеголовок МК-4 или 7 более мощных МК-12А. По некоторым сведениям, Пентагон ускоряет темпы разработки этой ракеты, и она может начать поступать на вооружение уже к концу 80-х годов.

Для обслуживания и профилактического ремонта подводных лодок «Трайидент» предусмотрено строительство специальной военно-морской базы на западном побережье США в Бангоре, штат Вашингтон. Министерство обороны сообщало также, что при развертывании системы «Трайидент» она будет обеспечиваться дополнительными средствами противолодочной и противоракетной обороны, а военно-техническое снабжение подводных лодок, смена их экипажей и т. п. будет, возможно, осуществляться с помощью специальных, «челночных», вспомогательных подводных лодок.

По мере поступления на вооружение ВМС США подводные лодки «Трайидент» будут направляться в зоны боевого патрулирования, рассредоточенные на огромных пространствах Мирового океана. Принято считать, что площадь вероятностного поражения целей баллистическими ракетами подводного базирования пропорциональна квадрату дальности их полета. Относительная ограниченность дальности действия ракет «Поларис» — «Посейдон» вынуждала американское военное командование выделять для ракетоносных подводных лодок также весьма ограниченные районы боевого патрулирования на ближних подходах к границам СССР — в Северной

Атлантике, Норвежском море, восточной части Средиземного моря, у восточного побережья Японии. Такое положение позволяло представить достаточно достоверную картину местонахождения американских носителей ракетного оружия подводного базирования, принять соответствующие меры по организации противолодочной обороны. Кроме того, необходимость дальних переходов со своих баз в зоны боевого патрулирования неизбежно должна была привести к значительному сокращению числа готовых к боевым действиям лодок, хотя в известной мере это компенсировалось путем создания передовых комплексов их базирования на территориях американских союзников по различным военным блокам.

Принятие на вооружение подводных лодок системы «Трайидент» с ракетами «Трайидент-1» и особенно «Трайидент-2» позволит США отказаться от ограничения зон их боевого патрулирования и распространить их фактически на подавляющую часть Мирового океана. Таким образом, подлодки «Трайидент» получают возможность наносить ракетно-ядерные удары по СССР практически с неограниченного числа направлений. К этому следует добавить, что если каждая подводная лодка «Поларис» могла, как считалось, в наиболее оптимальном варианте держать под прицелом до 16 объектов на территории СССР, «Посейдон» — до 160, то каждая подводная лодка «Трайидент» с ракетами «Трайидент-1» сможет, опять же в оптимальном варианте, держать под прицелом своих ракет до 192 таких объектов, а с ракетами «Трайидент-2» — до 400. Учитывая же значительно большую точность попадания и мощность зарядов новых боеголовок, боевые возможности каждой подводной лодки «Трайидент» даже с ракетами «Трайидент-1» уже сейчас превосходят боевые возможности «Поларисов» в десятикратном размере.

В последней декаде июня 1981 г. в Гротоне, штат Коннектикут, на воду была спущена первая подводная лодка системы «Трайидент» — «Огайо». В ноябре того же года, после прохождения ходовых испытаний, она поступила на вооружение ВМС США. Однотипная с ней «Мичиган» и последующие еще 13 подлодок этой системы, как планируется Пентагоном, будут поступать на воору-

жение с точностью часового механизма по одной ежегодно. Но похоже, что охватившая сейчас Вашингтон вооруженческая лихорадка внесет и здесь свои коррективы.

7

Возрождены — и на качественно более высоком уровне — «ликвидированные» ранее по соображениям внутривнутриполитической тактики проекты строительства нового стратегического бомбардировщика «Б-1».

Стратегический сверхскоростной бомбардировщик «Б-1» при полете на высоте более 10 км способен развивать скорость до 2.300 км/ч. Он значительно превосходит по мощности своих двигательных установок дозвуковой стратегический бомбардировщик «Б-52» и при этом обладает меньшими весом и размерами. Эти качества «Б-1» позволяют ему вдвое сократить длину разбега при взлете, использовать для своего базирования в несколько раз большее число аэродромов как на территории США, так и их союзников по военным блокам. Достижимая благодаря этому рассредоточенность базирования самолетов, по мнению Пентагона, делает «Б-1» менее уязвимым для ответного удара противника. Этой же цели должна служить и способность «Б-1» быстро выходить из-под удара с помощью скоростного запуска двигателей и сокращения общего времени подготовки к взлету и самого взлета до 4 минут. Наконец, относительно небольшие линейные размеры бомбардировщика позволяют планировать создание для него укрепленных укрытий, рассчитанных на выживание в ходе ядерной войны.

Еще более существенной особенностью «Б-1» считается придаваемая ему повышенная способность преодолевать зоны противовоздушной обороны противника. Если бомбардировщик «Б-52» имел возможность запускать ракеты практически лишь на дальних подходах к цели, что, естественно, снижало точность их наведения, то «Б-1», снабженный специальной автоматически действующей аппаратурой, которая позволяет ему совершать полет на предельно малых высотах, способен наносить непосредственные удары по целям. В режиме такого полета его обнаружение радиолокационными средствами системы

ПВО противника становится крайне затруднительным. Кроме того, достигаемое с помощью также специальных мер почти пятидесятикратное, по сравнению с бомбардировщиком «Б-52», уменьшение так называемого «радиолокационного сечения» самолета, которым определяется характер получаемого на экране радара сигнала, снижает вероятность его быстрого и точного опознания.

Разработка «Б-1» не приостанавливалась Пентагоном ни на один день даже в годы «несуществования» программы. Недаром же в октябре 1982 г. на очередной выставке авиационной техники в Англии на аэродроме Фарнборо «гвоздем программы» уже успел оказаться первый выпорхнувший за пределы американских границ бомбардировщик этого типа. Теперь же в соответствии с принятым решением уже имеющийся у США парк из 350 стратегических бомбардировщиков «Б-52» должен «в кратчайшее время» пополниться 100 бомбардировщиками «Б-1», вернее модернизированным вариантом последнего — «Б-1Б».

Но и это — еще не конец цепочки. Параллельно с развертыванием системы «Б-1» осуществляется разработка и конструирование стратегического бомбардировщика «будущего» — «Стелт». По широковещательному заявлению Пентагона, «Стелт», унаследовав все положительные боевые качества «Б-1», будет неизмеримо превосходить его в способности преодоления противовоздушной обороны противника, для которой он станет уже «совершенной невидимкой». Предполагается, что к 1987 г. первые опытные образцы «Стелт» будут готовы к началу летных испытаний, а в течение 90-х годов на вооружение ВВС США поступят не менее 150 таких самолетов.

8

В первых числах июня 1969 г. в стенах конгресса США была проведена специальная конференция, посвященная вопросам финансирования «первоочередных целей нации». Начиная с 50-х годов, отмечалось в принятой ею резолюции, министерство обороны исходило из предположения, что именно США будут инициаторами начала ядерной войны. В соответствии с разработанным в Пен-

тагоне сценарием американские ракеты должны были достигнуть и поразить цели на советской территории раньше, чем советские ракеты ответного удара могли бы подняться в воздух. Однако, с явным раздражением констатировалось в резолюции, Пентагон, затратив на решение этой задачи миллиарды и миллиарды долларов, оказался так и не способен предложить здесь какие бы то ни было эффективные меры или средства⁵.

Напрасные упреки. Пентагоновцы совсем не зря просиживали за своими столами, и под «медными касками» уже вызревали кое-какие идеи. Вскоре в их головах оформилась и целая концепция, получившая известность как концепция «тактики прикола» советских ракет ответного удара одновременно с нанесением по СССР «первого удара». Ее основная идея заключалась в том, что если удалось бы задержать старт советских ракет на время, необходимое для преодоления американскими МБР расстояния, отделяющего их боевые позиции от целей на территории СССР, то советские ракеты ответного удара вообще никогда не смогли бы уже подняться в воздух, так как были бы уничтожены в своих шахтах.

Для достижения этого предлагалось, чтобы одновременно с началом ракетно-ядерной атаки против СССР зоны расположения советских МБР подверглись воздействию ракетного обстрела с подводных лодок-ракетоносцев. Созданная таким образом огневая завеса и обеспечила бы желаемый эффект «прикола» советских ракет ответного удара вплоть до включения в «игру» основных сил американского стратегического командования.

Однако для претворения в жизнь подобной тактики потребовалось бы огромное количество ракет подводного базирования и, кроме того, для достижения возможно большей внезапности в постановке завесы — выдвижение подводных ракетоносцев в зоны, непосредственно прилегающие к советским территориальным водам. Но выполнение обоих этих условий, особенно передислокации подводных стратегических сил, само по себе могло бы послужить сигналом предупреждения о готовящемся нападении и повлечь со стороны СССР дополнительные меры предосторожности по сохранению своего потенциала ответного удара.

В дальнейшем к этим соображениям, подрывавшим идею «тактики прикола», прибавились и другие. Существенное повышение дальности действия, точности наведения на цель и взрывной мощи боеголовок новых систем стратегического наступательного оружия подводного базирования сделало нежелательным их использование для решения относительно второстепенных задач, а совершенствование советских противолодочных средств обнаружения и слежения — фактически невозможным скрытое выдвижение современных огромных ракетносцев на передовые рубежи. Наконец, запуск любой баллистической ракеты, даже при относительно небольших удалениях от намеченной цели, едва ли может реально претендовать на достижение фактора внезапности. И уж тем более, если речь идет о массовом запуске таких ракет.

Стремление решить все эти противоречивые трудности и было одним из основных, тщательно замалчиваемых теперь Пентагоном импульсов, которые и положили начало обширной программе США по созданию и развертыванию еще одной системы стратегического оружия — так называемых крылатых ракет всех видов базирования.

9

Строго говоря, это оружие уже имело свой прототип. Вплоть до начала 60-х годов, то есть до появления в американском стратегическом арсенале баллистических ракет, Пентагон энергично занимался строительством крылатых ракет. На территории США размещалось несколько эскадрилий крылатых ракет «Снарк», обладавших межконтинентальной дальностью действия и имевших на борту ядерные заряды. Крылатыми ракетами типа «Регулус» были вооружены американские подводные лодки. Тактические крылатые ракеты с относительно ограниченной дальностью действия — «Матадор» и «Мэйис» — размещались в европейском и дальневосточном регионах.

Но все эти далекие предшественницы современных крылатых ракет по своим боевым качествам, в частно-

сти по точности их наведения на цель, настолько уступали пришедшим им на смену баллистическим ракетам, что их сдали в архив и основательно забыли. Однако с наступлением «кибернетической революции» положение резко изменилось и появившиеся новые возможности дали повод думать, что крылатые ракеты как раз и могут оказаться той «повисающей на медведе сворой», которая удерживает его на месте, пока с ним не покончит пуля охотника.

Боевые характеристики крылатых ракет, по мнению Пентагона, как нельзя более отвечают этим требованиям. Небольшая высота полета крылатой ракеты (этим и объясняется, что она имеет небольшие крылья на фюзеляже) — всего несколько десятков метров над поверхностью воды или суши — чрезвычайно затрудняет ее обнаружение современными радиолокационными средствами. Трудности возрастают также и потому, что «радиолокационное сечение» ракеты и устанавливаемое на ней специальное оборудование придают ее изображению на экране радиолокатора видимость электронного изображения летящей птицы. Наведение крылатой ракеты на цель основывается на принципе сравнительного анализа заложенных в «памяти» ее бортовой ЭВМ данных о профиле местности на расчетном маршруте и поступающих в нее от приборов в ходе полета фактических данных. Относительная простота конструкции и сравнительно умеренная стоимость производства крылатых ракет делают возможным развертывание этой системы оружия в совершенно непредсказуемых ранее масштабах — достаточно, например, сказать, что Пентагоном, по сообщениям американской печати, уже запланировано на ближайшие годы строительство 13.000 крылатых ракет разных типов, из них более 5.000 — с ядерными зарядами. Наконец, немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что, в отличие от установок баллистических ракет, обнаружение стартовых комплексов крылатых ракет представляет практически непреодолимые трудности, их размещение на суше, надводных и подводных судах, на самолетах вблизи советских границ может быть осуществлено достаточно скрытно.

Крылатые ракеты последних модификаций несут ядерные заряды мощностью до 200 кт, то есть примерно в десять раз большей, по сравнению с зарядом сброшен-

ной на Хиросиму атомной бомбы. Они обладают также сравнимой с боеголовками МИРВ точностью наведения. Дальность их действия достигает 2.500 км, и она не является предельной. Все это позволяет рассматривать крылатые ракеты как средство непосредственного нанесения «контрсиловых» ударов.

10

Рассмотрение программ строительства и развертывания различных систем стратегического оружия нового поколения, начало которым было положено выдвижением идеи о создании американского «контрсилового» потенциала «разоруживающего» удара, невольно отвлекло нас от событий, связанных с дальнейшими метаморфозами этой идеи. Но необходимость такого отступления оправдывается хотя бы тем, что Вашингтон смог приступить к формированию здесь новых установок только после того, как эти системы оружия были в основном разработаны и настало время принимать окончательные решения.

Летом 1977 г. президент Картер поручил нескольким особо доверенным лицам, в число которых вошли министр обороны Г. Браун и помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский, разработать новую, развернутую доктрину «ограниченной» ядерной войны. Появившийся в результате этого документ — так называемый «президентский меморандум № 10» — не вышел за стены Белого дома, и в американскую прессу о нем проникли лишь разноречивые слухи.

О том, что что-то делается в этом направлении, общественность могла догадываться и по регулярным заявлениям министра обороны Брауна о насущной необходимости для США обеспечить себе возможности нанесения «выборочных» ударов по «широкому кругу» объектов противной стороны. Настораживало и то, что эти призывы были открыто поддержаны президентом Картером во время его выступления в университетском городке Уэйк-Форест, а затем и в ряде докладов различных комиссий конгресса.

На подготовленную таким образом почву вскоре были брошены и первые семена. В ежегодном докладе министра обороны конгрессу о военном бюджете на 1981 финансовый год Браун довел до сведения заседавших на Капитолийском холме законодателей, что Пентагон недавно закончил «коренной пересмотр» американской стратегии и будет отныне стремиться создать возможности для нанесения по СССР таких ядерных ударов, которые должны будут уничтожить объекты, составляющие не только военную, но и «политическую структуру» противника⁶.

Включение объектов, составляющих «военную и политическую структуру» СССР, в списки целей, подлежащих уничтожению в ходе «ограниченных» ядерных ударов, свидетельствовало, по мнению многих американских наблюдателей, о том, что руководство в Вашингтоне приняло окончательное решение готовиться к «широкой ядерной войне» против СССР и что целью новых военных программ правительства Картера является теперь приобретение способности наносить по противнику «обезоруживающие удары» таких масштабов и такого характера, которые исключали бы возможность «неприемлемого» ответного удара с его стороны.

Подтверждение этих выводов не заставило себя долго ждать. В конце июля 1980 г. Картером была подписана «президентская директива № 59» о подготовке к ведению «ограниченной» ядерной войны. Новые «правила игры» ограничивали такую войну главным образом в том, что касалось ответного удара со стороны СССР. В то же время предусматриваемые «директивой № 59» «ограничения» действий самих США выглядят более чем условными. Они, например, разрешают Вашингтону не ограничивать себя во времени ведения такой войны; нет никаких ограничений и в силе «первого разоруживающего» удара, если Пентагон сочтет за лучшее прибегнуть именно к его нанесению. Не ограничивают себя — но только себя! — США и в выборе целей. Хотя положения новой стратегии вроде бы предусматривают сдержанность в нанесении ядерных ударов по населенным центрам, эта «сдержанность» фактически теряет свое значение, если учесть, что одновременно Вашингтон считает вполне возможным наносить такие удары по советским центрам «военного и

политического управления». Наконец, авторы новой стратегии не только не ставили себе каких-либо ограничений относительно конечных целей войны, но прямо делали ставку на достижение с ее помощью решающей победы. Ведь только обладая изрядной долей ханжества, можно было всерьез утверждать, что поражение основных звеньев всего комплекса советских объектов, выведение из строя его центров политического и военного руководства планируется Вашингтоном всего лишь с целью произвести на противника «впечатление», «продемонстрировать» свою готовность противостоять «советской угрозе», а не для того, чтобы парализовать его ответные действия и вынудить к полной военной и политической капитуляции.

В плане военного строительства обеспечить достижение этих целей должен был намечавшийся выход США на такие качественно новые уровни военно-технических возможностей, которые, как обтекаемо формулировалось в директиве, позволили бы Вашингтону развязать против СССР ядерную войну с позиций «превосходящего противодействия».

11

С первых дней прихода к власти правительства президента Рейгана стало очевидным, что оно не только будет стремиться полностью унаследовать принципы «директивы № 59» по подготовке американских стратегических сил к ведению «ограниченной» ядерной войны, но и горит желанием внести свой посильный вклад в ее дальнейшее развитие. Это подтверждалось многочисленными заявлениями нового политического руководства о настоятельной необходимости овладения, наконец, Соединенными Штатами реальной способностью «применять свою военную мощь» в отношении СССР. Министр обороны К. Уайнбергер время от времени даже произносил какие-то загадочные слова о происходящем перевоплощении картеровской концепции «превосходящего противодействия» в пока еще не поддававшуюся расшифровке «стратегию противодействия превосходящей мощью». Выходило только, что эта стратегия позволит США каким-то обра-

зом, если нельзя будет сразу нанести по СССР «полностью разоруживающий первый удар», вести против него «затяжную» ядерную войну и притом так, что на всех ее стадиях за США будет сохраняться «превосходство»⁷.

Президент Рейган в своем выступлении на пресс-конференции в Белом доме 2 октября 1981 г., в ходе которой он огласил новую американскую программу гонки вооружений, подтвердил, что да, действительно Уайнбергеру было поручено заняться «оздоровлением» не только военного строительства. Но дело это, видимо, требовало незаурядных умственных усилий и, как можно предполагать, заняло все время вплоть до конца весны 1982 г. О том, что оно наконец благополучно завершилось, первым поведал миру личный друг Рейгана, помощник президента по национальной безопасности У. Кларк. Произнесенная им 21 мая того же года речь в центре стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне изобиловала намеками на то, что новая стратегия США будет состоять в том, чтобы, опираясь на «фундамент силы», использовать американскую военную мощь для достижения конкретных политических целей, в том числе и «глобального» характера. А поскольку для Кларка «главной угрозой» жизненно важных интересов США повсюду в мире является не кто другой, как СССР, становилось без слов понятным, какую силу и для достижения каких политических решений предполагалось использовать в соответствии с новой стратегией.

Вскоре, впрочем, отпала надобность и в догадках. Почти сразу вслед за выступлением Кларка в американскую прессу из Пентагона началось обильное просачивание «секретнейшей» информации. Выяснилось, например, что Кларк в своем выступлении ни в коем разе не занимался отсебятиной, а фактически излагал содержание подписанной за несколько дней до этого президентом Рейганом директивы о «национальной безопасности» США. Сообщались и другие подробности. Стало известным, что уже месяца два тому назад министр обороны Уайнбергер совместно с другими пентагоновскими стратегами сумели-таки завершить разработку новых идей о методах ведения грядущей ядерной войны против СССР.

На целых 136 страницах доклада Уайнбергера «Директива в области обороны на 1984—1988 финансовые годы» подробнейшим образом размечались действия США в преддверии и ходе такого конфликта. Конечно, отмечалось в докладе, хорошо, если ко времени принятия решения о нанесении по СССР «превентивного» ядерного удара США будут уже обладать такими наступательными возможностями, которые позволят им добиться «гарантированного» уничтожения советских сил ответного удара, а заодно и всех других Вооруженных Сил СССР. Далее предвиделось лишь сплошное ликование и установление всеобщего американского мира. Но, сурово предупреждал министр, едва ли предвидимые события будут разворачиваться именно таким образом. Скорее, ядерное нападение на СССР, не принеся США немедленной, окончательной и бескровной для них победы, выльется в «затяжную» войну «ограниченного» характера. Бояться здесь нечего, все будет идти как полагается — американские вооруженные силы «будут оставаться под эффективным управлением и контролем», они постепенно выведут из строя «всю военную и политическую структуру» СССР и «в конце концов победят»⁸.

12

Осознают ли идейные отцы всех этих планов, не будем говорить, их чудовищность, но хотя бы их неосуществимость? Если нечто подобное и не было чуждо ушедшей с политической сцены «команде Картера», то носило это по меньшей мере весьма своеобразный характер. Например, министр обороны Браун признавал, что никоим образом и никто не может быть уверенным в том, что любая, сколь угодно «ограниченная» ядерная война не поведет к ее самоэскалации до уровня неограниченной.

Но отказаться из-за этого от ядерной стратегии? Ни в коем случае! «Успокаивая» корреспондента «Вашингтон пост», другой член этой «команды» Бжезинский разъяснял ему, что если подойти к вопросу «теоретически и умозрительно», то такой исход конфликта еще нельзя представлять как конец всего человечества⁹. А президент

Картер? И он принял некоторые меры «предосторожности»: подписанные им президентские директивы № 53 и № 58 предусматривают планы эвакуации главы государства, высших правительственных и военных чиновников в вырытые глубоко в горах подземные бункеры, где, как предполагается, они смогут отсидеться во время ядерной войны. Хотя что они найдут, выйдя оттуда, в директивах не говорится.

Временами бежать в убежище, может быть, хочется и президенту Рейгану. Сидя перед телевизионной камерой в Кэмп-Дэвиде, он уже что-то говорил о невозможности выиграть ядерную войну. Все чаще он начинает повторяться и в высказываниях идеи о том, что — что там ни говори, — а лучше бы вести против СССР ядерную войну лишь в пределах, скажем, только европейского региона. «Ограничить» ее этим регионом! И для США спокойнее, и для европейских союзников тоже честь большая...

ЧУЖИМИ РУКАМИ

1

Воевать ядерным оружием в Европе или из Европы в Вашингтоне примеривались уже давно. Начиная со второй половины 70-х годов в ежегодных докладах министров обороны конгрессу все чаще выдвигается идея о том, что «ограничиваемая Европой» ядерная война вполне возможна, и она не обязательно должна повести к перерастанию конфликта до «широкого обмена» ядерными ударами между США и СССР. В «директиве № 59» президента Картера эта концепция возводится уже в ранг военной доктрины, а затем включается в качестве составной части и в «новую военную стратегию» президента Рейгана.

Имперские амбиции и гипертрофированное самомнение Вашингтона, уверовавшего в свою роль «лидера свободного мира», не располагали к размышлению о том, что эта «великолепная» идея может прийтись совсем не по вкусу западноевропейским союзникам США по НАТО. Принимая решение о размещении на их территории новых американских ядерных средств поражения, специально предназначенных для ведения «ограничиваемой Европой» войны, Вашингтон не считал необходимым даже уведомить об этом союзные правительства. Только через год, уже после того как американский конгресс успел выделить и утвердить ассигнования на строительство необходимых для размещения этого оружия военных баз в Европе, они были информированы о выпавшей на их долю высокой чести. Конечно, это создало кое-какие трудности, но в конечном итоге все обошлось вполне благополучно. В общих чертах принципиальная договоренность была уже достигнута на вашингтонском совещании стран — участниц НАТО в мае 1978 г. Проблема «довооружения» западноевропейских союзников США по НАТО подробно обсуждалась и на встрече глав государств и правительств США, Англии, ФРГ и Франции на Гваделупе. В начале

января 1979 г. было принято окончательное решение согласиться с американскими планами. В апреле того же года предложение о развертывании систем ядерного оружия средней дальности в Западной Европе было вынесено на рассмотрение группы ядерного планирования НАТО. Оно было одобрено, и «группе на высшем уровне» было поручено разработать конкретные планы размещения таких систем оружия и представить их на одобрение сессии НАТО.

В декабре 1979 г. на брюссельской сессии совета НАТО новые предложения подверглись дополнительно рассмотрению и были официально утверждены в качестве составной части планов военного строительства стран — участниц НАТО. В соответствии с ними в Западной Европе предполагается дополнительно разместить в общей сложности 572 единицы американского ядерного оружия средней дальности действия — 464 крылатые ракеты «Томагавк» и 108 баллистических ракет «Першинг-2». В качестве контрольного срока размещения этих систем оружия был утвержден декабрь 1983 г.

Однако Вашингтону и это показалось недостаточным. Под его нажимом группа ядерного планирования НАТО, собравшаяся на свое очередное заседание в конце 1980 г., приняла демонстративно вызывающее решение об официальном одобрении также и самой американской концепции «регионально ограничиваемой» ядерной войны и признании ее в качестве одной из основ стратегического планирования Североатлантического блока. Наконец, позиция США в вопросе о ядерном «довооружении» своих западноевропейских союзников была «безоговорочно» поддержана и на сессии совета НАТО в июне 1982 г., собравшейся уже на уровне глав государств и правительств.

Пентагон торопится. Еще до наступления утвержденных сроков, в первые же осенние месяцы 1983 г. началась тайная переправка по воздуху из США в ФРГ и другие западноевропейские страны частей и отдельных блоков ракет «Першинг-2» и «Томагавк». Разоткровенничавшись в интервью с корреспондентами журнала «Армд форсиз», верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Бернард Роджерс подтвердил, что так оно и должно быть:

«Я настроен оптимистически... Несмотря на все протесты, с которыми нам, возможно, еще придется столкнуться, мы и далее будем маршировать по тому пути, который прямиком ведет к осуществлению наших решений по модернизации американского оружия средней дальности в Европе».

2

Но, казалось бы, воевать ядерным оружием в Европе или из Европы США могли бы давно и без ее «довооружения». Это, конечно, если говорить только об уже накопленном там арсенале ядерного оружия. Его основу составляют размещенные на континенте и в прилегающих к нему водах ядерные средства «передового базирования» США. Сегодня США имеют в Европе около 700 самолетов, способных действовать на расстоянии до 1.000 км, имея при этом на борту в среднем по 4 ядерных боезаряда мегатонной мощности. В их составе — истребители-бомбардировщики «Ф-111» и «Ф-4» — «Фантомы», способные поражать цели на большей части европейской территории СССР. Сюда же входят средние бомбардировщики «ФБ-111», специально предназначенные для боевых действий на европейском континенте. В омывающих европейский континент водах курсируют и американские авианосцы с размещенными на них самолетами — носителями ядерного оружия «А-6» и «А-7». Европейская авиационная группировка средств передового базирования США, как не раз заявлялось американскими официальными лицами, может быть к тому же утроена в течение всего двух недель путем переброски за океан новых самолетов. Это полностью обеспечивается и многочисленными американскими военными базами в странах НАТО.

Всего, по признанию самих же пентагоновцев, США имеют в западноевропейских странах НАТО свыше 7.000 ядерных боеприпасов, в том числе 2.500 для самолетов-носителей, свыше 3.000 для атомной артиллерии, около 500 для ракет «Першинг», «Лэнс» и «Онест Джон».

Размещенные в Европе ядерные вооружения США дополняются предоставленными в распоряжение военно-

го командования НАТО американскими подводными лодками с ракетами «Посейдон», несущими на себе несколько сотен ядерных зарядов. Руководители США откровенно признавали, что всего двух таких лодок было бы достаточно для поражения более 200 крупных объектов на территории СССР.

Американский ядерный потенциал в Европе нельзя, естественно, рассматривать в отрыве и от соответствующих вооружений союзников США по НАТО на этом континенте. А к ним относятся достаточно внушительные авиационные и ракетные ядерные вооружения Великобритании и Франции. В составе вооружений первой — четыре атомные подлодки с 64 ракетами «Поларис-А-3», несущими по три боеголовки 200-килотонной мощности. В настоящее время они заменяются новыми ракетами с шестью боеголовками МИРВ каждая. Ракеты эти, как и их предшественницы, изготовлены в США, испытывались на американских полигонах американскими же специалистами. Что касается видов на будущее, то британским правительством принято решение приобрести в перспективе американские ракеты «Трайидент» с 8—10 боеголовками. Достаточно значителен ядерный потенциал и Франции. Он состоит из 18 ракет наземного базирования «С-3» и пяти атомных подводных лодок с 80 ракетами «М-20» мегатонной мощности, а также 44 бомбардировщиков «Мираж-IV-А». По заявлениям представителей министерства обороны Франции, в ближайшее время предполагается начать развертывание новых стратегических систем оружия, которые должны будут придать французской ядерной мощи сопоставимые с ядерными системами США и СССР боевые характеристики. Важным этапом модернизации французских ядерных сил будет намеченное на середину 80-х годов переоснащение всех ракет семизарядными головными частями МИРВ.

В совокупности английские и французские ядерные силы средней дальности, основными элементами которых являются ракеты наземного и морского базирования, могут уже сейчас поразить около 600 объектов на расстоянии до 4.500 км. А после их модернизации число таких объектов увеличится, и при этом в весьма значительной степени.

В этих условиях «довооружение» Европы ядерным оружием мыслится Вашингтоном не только как дополнительное наращивание своего ядерного потенциала на континенте. Это и своего рода военно-политическая акция, претендующая на утверждение новых «правил игры» ведения «регионально ограничиваемых» войн. Вся глубина положенной в ее основу идеи заключается в ошибочном представлении о том, что нанесение ядерных ударов по СССР из Европы не даст и не может дать Москве «права» нанести ответные удары вне пределов европейского региона, и уж во всяком случае, по самим США.

Между тем нелогичность подобных постулатов совершенно очевидна. С военной точки зрения, размещение в Западной Европе новых типов ядерного оружия средней дальности значительно повышает уровень существующей опасности внезапного нападения на СССР. Дело не только в том, что впервые после ликвидации во второй половине 60-х годов американских ракетных установок средней дальности типа «Тор» в Англии и «Юпитер» в Турции и Италии такое оружие — и на несколько порядков, как мы видели, более совершенное и опасное — вновь будет размещаться на европейском континенте. Но за осуществлением этой акции нельзя не видеть открыто совершающейся подготовки США к ядерному нападению на СССР. А это как раз и дает полное юридическое и моральное право Москве, в случае если такое нападение действительно будет совершено, рассматривать его как совершенное непосредственно США и принять соответствующие ответные меры.

В одиннадцатом выпуске ежегодника Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира за 1980 г. его авторы, тщательно проанализировав возможности «ограничения» ядерной войны пределами территорий СССР и западноевропейских союзников США по НАТО, пришли к весьма разумному заключению о том, что эта американская идея не имеет под собой никакой реальной основы. Любое ядерное оружие, независимо от его разрушительной силы, всегда будет не «тактическим», а стратегическим, поскольку его применение никогда не будет способно оставаться «ограничен-

ным», но неизбежно будет перерастать во всеобщее. Именно так, например, смотрел на предложение использовать ядерное оружие в пределах европейского региона президент Кеннеди. Заместитель министра обороны Гилпатрик подтвердил впоследствии существовавшее в то время убеждение в невозможности «ограничить» войну после того, как на европейском театре военных действий будет применено ядерное оружие.

Смутное понимание этого, надо полагать, тяготит души и сегодняшних вашингтонских политиков и стратегов. Иначе чем можно было бы объяснить, что при всем энтузиазме, проявляемом ими в претворении в жизнь планов подготовки «ограниченных» ядерных войн против СССР, в Вашингтоне много внимания уделяется также и возможностям ведения ядерных войн, географически «ограниченных» рамками территорий «третьих стран» — то есть союзных США и СССР стран в Европе.

На правительственном уровне признание такого варианта ведения ядерной войны в качестве одного из возможных было впервые зафиксировано в специальном докладе министра обороны Шлесинджера конгрессу в апреле 1975 г. Потребовалось всего лишь немногим более года, чтобы эта доктрина не только утвердилась в самом Вашингтоне, но была навязана им и американским союзникам по Североатлантическому блоку. Состоявшееся в конце мая 1976 г. в Осло совещание группы ядерного планирования НАТО в своих решениях полностью одобрило и эту новую доктрину.

Труднее решалась и решается задача внедрения этой идеи в сознание самих западноевропейцев — не правительств, а народов. Поэтому в кампании ее «запродажи» упор был сделан на то, что Соединенными Штатами — ради снижения до «практически незначимого» уровня опасности сопутствующего радиоактивного поражения для гражданского населения — будут созданы и размещены в странах Западной Европы новые системы ядерного оружия, оснащенные боезарядами сверхмалой взрывной силы, весьма незначительно превышающей взрывную силу обычных боезарядов. Потрясавшие континент массовые движения протеста против американских планов поставить на карту судьбы европейских народов вынудили Вашингтон заняться поисками дополнительных и «более

убедительных» аргументов. К несчастью для себя, американские стратеги не придумали здесь ничего лучшего, как заявить, что проблема будет полностью решена, если военные действия в Европе будут осуществляться с использованием еще одного нового вида ядерного оружия — так называемого «нейтронного». Но если, рекламируя это оружие в качестве абсолютно «чистого», Вашингтон считал, что он бьет козырной картой по критикам его концепции ведения «ограничиваемой региональной» войны в «несоветской зоне» Европы, то на народы этой «зоны» новые зловеющие намерения Вашингтона произвели совершенно иное впечатление.

4

Нейтронные средства ведения ядерной войны американская пропаганда очень настойчиво стремится представить даже не просто как «чистое», но и как некое идеальное оружие, способное чуть ли не облагодетельствовать человечество. При этом утверждается, что, в отличие от уже имеющихся на вооружении ядерных боезарядов, использование которых неизбежно ведет к стойкому радиоактивному заражению окружающей среды, возникающее при взрыве их нейтронных собратьев излучение может практически рассматриваться как абсолютно «чистое», обладающее лишь мгновенным действием.

Но факты говорят о другом. Ученые многих стран мира, собравшиеся в августе 1977 г. на очередную Пагуошскую конференцию, квалифицировали как заведомую ложь уверения Пентагона о том, что нейтронное излучение не ведет к возникновению остаточной радиации. Освобожденные взрывом быстрые нейтроны, будучи постепенно поглощены почвой, другими материальными объектами, находящимися в относительной близости от места взрыва, неизбежно станут источником возникновения радиации, которая долго может сохраняться в зоне поражения.

Однако это не единственное основание, не позволяющее говорить о «чистоте» нейтронного оружия. Такого оружия не может существовать уже потому, что никто еще не изобрел способа вызвать лежащую в основе нейт-

ронной бомбы реакцию «чистого» ядерного синтеза без использования для этой цели вспомогательных устройств, своего рода «детонаторов», действие которых основывается на реакции ядерного расщепления. Приведение этих устройств в действие дает эффект, как от «обычного» термоядерного взрыва, и не может не сопровождаться выпадением радиоактивных осадков.

Еще более бесчеловечным представляется непосредственное воздействие взрыва нейтронного боевого устройства. Это было уже продемонстрировано — и не только в ходе экспериментальных испытаний, но, к сожалению, и на живых людях.

5

В первые послевоенные годы никто, за исключением очень узкого круга ученых и военных в США, допущенных к совершенно секретной информации о действии ядерного оружия, не мог даже предполагать, что сброшенная на Хиросиму первая атомная бомба была одновременно и своего рода первым прототипом нейтронного боезаряда. Правда, у многих вызывало недоумение, что эта бомба, ласково окрещенная ее американскими воспреемниками «Малышом», унесла с собой в три раза большее число жизней, чем это сделала в Нагасаки вторая атомная бомба «Толстяк». За неимением других объяснений до поры до времени было принято считать, что, как утверждали эксперты Пентагона, основную роль здесь сыграли ошибки в прицеливании, различия в рельефе местностей, на которых расположены Хиросима и Нагасаки, а также разная плотность застройки этих городов.

Однако неубедительность этих объяснений стала еще более разительной, когда в конце пятидесятых годов в американскую печать просочились ранее тщательно скрываемые сведения о том, что первые атомные бомбы вовсе не были «приблизительно равны» по своей взрывной мощи, и в этом отношении «Малыш» в два раза уступал «Толстяку». Теперь уже не приходилось сомневаться, что факт гибели несравнимо большего числа людей в Хиросиме должен бы иметь какое-то иное объясне-

ние, чем ссылки на рельеф местности или плотность застройки городов.

Именно тогда обратили внимание на то, что ввиду технических особенностей конструкции бомбы «Малыш» ее взрыв должен был сопровождаться выделением значительно большего числа быстрых нейтронов, чем взрыв «Толстяка». Это предположение было подтверждено происшедшей вскоре «утечкой» информации, допущенной по вине одной американской научной лаборатории, руководство которой включило в свой очередной «чисто технический» доклад сведения о том, что взрыв «Малыша» действительно сопровождался в четыре-пять раз более мощной нейтронной радиацией, чем взрыв «Толстяка».

В свою очередь, эти данные позволили определить характерные особенности нейтронного облучения в ходе проводившихся учеными различных стран в сотрудничестве с ООН исследований по выявлению долговременных последствий атомных бомбежек Хиросимы и Нагасаки. В соответствии с выявленными ими фактами, которые были преданы гласности на Парижском конгрессе Международной ассоциации по защите от радиации в 1977 г., среди оставшихся в живых жертв атомной бомбежки Хиросимы случаи заболевания, например, лейкемией отмечались в двадцать раз чаще, чем среди переживших атомную бомбежку жителей Нагасаки. Особенно тяжело последствия нейтронного облучения сказались на детях, прежде всего тех, матери которых находились на 5—6-м месяце беременности в дни, когда на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Собранная информация показывает, что даже в тех случаях, когда облучение было весьма умеренным, дети рождались с различными уродливыми отклонениями в строении тела, в области деятельности высшей нервной системы и мозга. Так, например, семьдесят пять процентов детей, рожденных матерями, подвергшимися даже незначительному облучению при взрыве атомной бомбы над Хиросимой, появились на свет с головой меньше нормальных размеров. Многие из них оказались умственно неполноценными.

В соответствии с данными японских ученых, нейтронное излучение во много раз более вредоносно для человека, чем, скажем, сопоставимые с ним по своей интенсификации гамма-лучи.

вности гамма- или бета-излучения. Быстрые нейтроны, проникая в человеческий организм, разрушают субстанцию клеток, особенно клеток центральной нервной системы.

К этому следует добавить, что нейтронное излучение представляет для человека тем бо́льшую опасность, что от него практически не существует средств защиты. Быстрые нейтроны свободно проникают через кирпичные стены, бетонные плиты, броню танков. К тому же, не обладая электрическим зарядом, они могут распространяться на многие километры от центра взрыва.

6

Основное отличие современных ядерных боезарядов, которые принято относить к нейтронному типу, от уничтожившего Хиросиму «Малыша» заключается в том, что в них намеренно произведено перераспределение выделяющейся при взрыве энергии в пользу преимущественно нейтронной радиации, на которую утилизируется свыше восьмидесяти процентов всей внутриядерной энергии.

Основываясь на расчетах американских и других западных специалистов, можно нарисовать следующую картину воздействия нейтронного излучения на человека при взрыве, например, килотонной бомбы.

Практически мгновенно и полностью будут выведены из строя все, кто находится в радиусе 500—800 м от эпицентра взрыва. Оказавшийся в этом районе человек, едва успев осознать увиденную им ослепительную вспышку света, почувствует приступ ошеломляющей тошноты, за которым последует шоковое состояние и забвение до самой смерти, неминуемо убивающей его через день или два.

Однако погибших таким образом от нейтронного облучения ни в коем случае не следует рассматривать как самых несчастных. Гораздо худшая участь будет ожидать тех, кто окажется застигнутым взрывом за пределами первого круга действия нейтронной смерти. Дозы нейтронного облучения, полученные жертвами бомбежки, находящимися в пределах двух-трех тысяч метров от эпицентра взрыва, окажутся все еще достаточно эффек-

тивными, чтобы убить человека, но убить его медленно и мучительно. Пораженный покрывается потом, у него начинается жар, головная боль, его поведение становится непредсказуемым. В течение последующих нескольких дней или даже одной-двух недель эти видимые признаки болезни будут сопровождаться нарастанием острого поражения желудочно-кишечной и нервно-мышечной систем всего организма. Наконец наступит полный паралич конечностей, падение кровяного давления и шок.

При еще меньших дозах облучения, на уровне так называемой «скрытой смертности», болезнь затягивается на многие месяцы или годы, и человек умирает с еще большими муками. Основной причиной смерти будет разрушение костного мозга, выполняющего в организме роль своеобразного живого генератора жизненно важных клеток, входящих в состав крови. Наступающая в результате радиационного поражения неспособность костного мозга продолжать вырабатывать эти клетки проявляется в анемии, множественных внутренних кровотечениях, вызванных наступившей неспособностью крови к свертыванию, и тяжелыми поражениями иммунной системы, защищающей организм человека от воздействия болезнетворных бактерий и вирусов. В результате всего этого человек неизбежно становится жертвой непрерывных тяжело протекающих инфекционных заболеваний, изъязвления всех жизненно важных органов его организма, неостановимых кровотечений.

Если костный мозг все же сможет восстановить свои функции в той мере, в какой это требуется для поддержания жизнедеятельности иммунной системы организма, то наступление смерти лишь отодвинется на еще более долгий срок. Человек теперь становится чрезмерно предрасположенным к заболеванию лейкемией, всевозможными формами рака и инфекционных заболеваний. Его репродуктивные способности или полностью нарушаются, или могут сопровождаться возникновением неподвижных уродств в последующих поколениях.

Неудивительно поэтому, что, отвечая на вопрос, чем, по его мнению, грозит миру нейтронное оружие, такой авторитетный ученый, как президент Международного института мира в Вене профессор Г. Фукс, сказал: «Гибелью! Это чрезвычайно опасное и коварное оружие. В

случае его применения множество людей погибнет мгновенно. Для еще большего количества лиц, оказавшихся в районе взрыва, умирание растянется на месяцы и годы — под воздействием нейтронного облучения они заболеют лейкемией, раком и другими неизлечимыми болезнями. Катастрофа, кроме того, захватит длинный ряд последующих поколений. Возникнут генетические изменения, передающиеся по наследству, их последствия будут ужасными»¹.

Не менее катастрофические последствия несет с собой использование нейтронного оружия и для органической жизни вообще: на пораженной нейтронным излучением площади погибнут все животные, леса, другая растительность.

Приведенные выше факты и компетентные высказывания ученых, которых тревожат судьбы мира, с полной очевидностью подтверждают, что использование нейтронного оружия приведет прежде всего и главным образом к массовому, тотальному уничтожению населения на территории его применения, независимо от того, идет ли речь о военном персонале или гражданских лицах. Другими словами, нейтронное оружие — это оружие геноцида.

7

«Отец» термоядерной бомбы Э. Теллер мог бы, будь у него на то особое желание, с таким же успехом претендовать на «титул» если и не «отца», то как минимум «крестного отца» также и нейтронной бомбы. Во всяком случае, еще в середине 50-х годов, возглавляя Ливерморскую научно-исследовательскую лабораторию комиссии по атомной энергии, он уже зарекомендовал себя наиболее настойчивым проповедником идеи создания нейтронного оружия, предполагая добиться этого путем превращения водородной бомбы малой мощности в нейтронную.

Теллер, как впоследствии и многие американские политики и военные, исходил из предположений, что, во-первых, использование наряду с обычным оружием также и «мини-ядерных» зарядов в «малых войнах», особенно

если объектом агрессии оказались бы социалистические или дружественные СССР страны, не даст Москве достаточных оснований для применения равнозначных ответных санкций, чего, как мы увидим позднее, весьма опасались в то время в Вашингтоне. А во-вторых, в случае если эти «мини-заряды» будут к тому же и «чистыми», то это позволит применять их в таких войнах, не вызывая излишне негативной реакции общественного мнения во всем мире.

Остается прискорбным факт, что среди американских ученых Теллер не был одинок в этом отношении. Над созданием нейтронного оружия в то время с энтузиазмом работали также Г. Йорк, С. Коэн и Г. Браун, сделавший впоследствии карьеру от одного из членов директората Ливерморской лаборатории до министра обороны США. Более того, впоследствии, когда вопрос встал о размещении нейтронного оружия именно в Европе, между некоторыми из этих мужей науки вспыхнули даже пререкания о первоначальном авторстве. Так, например, Коэн, пытаясь оттеснить Теллера, стал утверждать, что не кто иной, как он, еще летом 1958 г., когда военное ведомство обратилось к нему с предложением изучить возможности использования ядерного оружия на поле боя, «отправился в одну из лабораторий» и сделал там «определенное открытие», которое и положило начало разработке нейтронного оружия.

Однако в правительственных кругах отношение к этой новой затее оставалось поначалу весьма неопределенным. Проекты создания нейтронного оружия то получали горячую поддержку — и отдавались распоряжения немедленно приступить к его созданию, то эти распоряжения снова отменялись. Впрочем, на исследовательские работы деньги всегда выдавались исправно и в требуемых размерах.

Весной 1963 г. пришла первая «победа». На подземном ядерном полигоне в Неваде было успешно испытано боевое нейтронное устройство, носившее кодовое наименование «Дабл'ю-63». Для Теллера и иже с ним эта «победа» оказалась, однако, одновременно и видимым поражением. Взрыв продемонстрировал, что при сопоставимой мощности, например, водородного и нейтронного боезарядов последний обладает намного меньшими

потенциальными возможностями нанесения общего ущерба противнику, особенно его физическим объектам. Не вызывало энтузиазма и то, что производство нейтронных боезарядов было сопряжено с дополнительными техническими трудностями.

На какой-то период все это определило охлаждение Вашингтона к нейтронному оружию. Программа не была ликвидирована, но и не предпринималось никаких усилий к ее интенсификации. За пределами лабораторий она практически перестала интересовать кого бы то ни было.

Тем более неожиданным оказалось возрождение к ней внимания со стороны как политиков, так и военных. Первыми о нейтронном оружии вспомнили в Пентагоне. И вспомнили, как об этом уже говорилось выше, не в связи с теллеровской идеей создания «тактического» ядерного оружия, а в связи с возникшими техническими трудностями в претворении в жизнь идеи «интегрированного оружия».

8

С постепенно приходившим осознанием провала планов обретения «интегрированного оружия первого удара», а в дальнейшем и с возникновением определенных сомнений в возможностях достижения «приемлемой» победы в рамках стратегии «контрсилowych» конфронтаций с СССР на уровне введения в действие основных систем стратегического оружия «достоинства» нейтронного оружия начинают привлекать уже более пристальное внимание вашингтонских стратегов «регионально ограничиваемых» ядерных войн. Ракетные системы МИРВ и «Сэйфгард» только еще подготавливались к оперативному развертыванию, а в секретных лабораториях и конструкторских бюро США с нарастающей интенсивностью уже начинаются поиски наиболее «подходящих» средств ведения таких войн.

Немалая заслуга в наращивании этих усилий принадлежит Дж. Шлесинджеру. Особое благоволение американских милитаристов к своей особе Шлесинджер приобрел еще в начале 60-х годов, когда он, молодой доктор наук, выпустил в свет работу под претенциозным назва-

нием «Политическая экономия национальной безопасности: исследование экономических аспектов современного противоборства». Поскольку главным тезисом этой книги было требование обеспечить любой ценой мировое «лидерство» США, ее автор был признан «своим» в американских военно-политических кругах. Он сразу же попадает в «Рэнд корпорейшн», а через несколько лет становится уже правительственным консультантом по военно-бюджетным и экономическим проблемам. Затем, как с рождественской елки, на него сыплются посты председателя комиссии по атомной энергии, директора ЦРУ, министра обороны. Правительственная перетасовка после избирательной кампании 1976 г., казалось бы, несколько приостановила этот взлет, но вскоре Шлесинджер вновь выныривает на поверхность руководителем министерства энергетики, в компетенцию которого входит, в частности, проведение научно-исследовательских разработок в области ядерного оружия и производство этого оружия.

На всех этих постах, за исключением кратковременного пребывания у руководства ЦРУ, Шлесинджер имел все возможности и не упускал ни одну из них для всемерной интенсификации программы по разработке и производству «тактического» нейтронного оружия. Под попечительством Шлесинджера принятая в этих целях программа «Атлантик» осуществлялась настолько успешно, что к лету 1977 г. экспериментальный период по созданию такого оружия можно было считать практически завершенным. Это подтвердили и подземные испытания нейтронных боезарядов, представлявших собой прототип нейтронной боеголовки для ракет «Лэнс».

Однако по мере расширения масштабов программы, особенно после подписания президентом Фордом в конце 1976 г. секретного документа о создании запасов нейтронных боеголовки для ракет «Лэнс» и нейтронных снарядов для восьмидюймовых орудий, становилось все труднее не привлекать внимания к нараставшим как снежный ком расходам на ее выполнение. И все же дальнейший ход событий оставляет поле для догадок относительно того, произошли ли они случайно или, что гораздо более вероятно, были запланированы военным и политическим руководством Вашингтона, которое и само

предполагало в ближайшем будущем объявить о своих планах размещения нейтронного оружия на территории союзников США по НАТО в Западной Европе.

9

Так или иначе, в начале лета 1977 г. конгресс США получил еще один повод проявить свое недовольство укоренившейся привычкой правительства далеко не всегда правдиво информировать его о назначении тех или иных бюджетных ассигнований. Некто из пожелавших остаться в тени сотрудников управления энергетических исследований доверительно сообщил сенатору М. Хэтфилду о том, что правительство готовится к производству нейтронных боезарядов, и объяснил ему их отличие от «обычных» ядерных боеголовок. А для того чтобы убедиться в правдивости его слов, он посоветовал заглянуть в некоторые статьи бюджета министерства энергетики. Обнаружилось, что крупные суммы, запрашиваемые якобы для проведения под эгидой министерства энергетики так называемых «общественных работ», предназначаются совсем не для облегчения участи безработных и будут до последнего цента истрачены на разработку нейтронных боезарядов.

Впрочем, вызванное этим обстоятельством возмущение конгресса было достаточно умеренным, и сенат даже одернул двух своих наиболее «ретивых» членов — М. Хэтфилда и Э. Кеннеди, которые позволили себе выразить слишком громкий протест. Внесенные ими поправки к законопроекту бюджета на 1977/78 финансовый год, требовавшие изъятия ассигнований на производство нейтронного оружия, были отклонены. В принятом подавляющим большинством голосов решении сенат фактически ограничился лишь тем, что обязал президента своевременно информировать конгресс о начале производства такого оружия и мотивах, которыми он руководствовался при принятии подобного решения.

И тем не менее включившегося на капитолийском светофоре «зеленого света» оказалось еще недостаточно, чтобы удалить все препятствия на пути развертывания гонки нейтронных вооружений. Реакция широкого аме-

риканского и мирового общественного мнения на эти планы оказалась резко отрицательной, и Вашингтон не мог не считаться с охватившим огромные людские массы движением против нейтронной бомбы. Властям США пришлось также начать терпеливое обходное маневрирование вокруг советского предложения договориться о взаимном отказе от производства нейтронной бомбы. Наконец, не все было ладно и в самом стане союзников по НАТО, которые начинали все больше колебаться в своей готовности следовать здесь за Вашингтоном и медлили с ответом на требование президента Картера дать согласие на размещение нейтронного оружия на своей территории. Даже те из них, кто с готовностью выскочил бы вперед, до поры до времени опасались делать это чересчур открыто.

Необходимость заняться всеми этими вопросами вынуждала президента Картера медлить с принятием решения о производстве нейтронного оружия. В апреле 1978 г. Белый дом объявил, что начало его производства откладывается.

Но, добившись таким образом успокоения мирового общественного мнения и получив нужное время для проведения новой и более тщательной кампании по «запродаже» идеи о размещении нейтронного оружия в Западной Европе, президент Картер и не думал приостанавливать выполнение самой программы. В том же апреле стало известно, что «приостановка» производства нейтронных боезарядов является не более чем фикцией, так как она «не означает» запрета на производство необходимых для их сборки «компонентов», которые могут храниться на армейских складах в странах Западной Европы или самих США. Во второй половине октября из Белого дома последовало и окончательное распоряжение приступить к производству таких «компонентов».

Будущий президент Р. Рейган, когда от него еще совершенно не зависело, начнут или не начнут США ядерную войну, по свидетельству журнала «Нейшн», просто «благоговел» перед нейтронной бомбой. Выступая по

радио в 1978 г., он объяснял это свое чувство тем, что нейтронное оружие с его «лучами смерти», о котором раньше можно было только мечтать или читать в научно-фантастических романах, пришло наконец — как чудо — и в реальную жизнь. И ведь подумать только, что это оружие, уничтожая живую силу противника, оставляет все вокруг — и сам ландшафт, и оживляющие его мирные сельские поселки и города — в полной неприкосновенности! Это так гуманно! Это ли не «моральное совершенствование» в мотивах выбора средств ведения ядерной войны?

Оказавшись у власти, Рейган с радостью принял эстафету гонки нейтронных вооружений из рук побежденного соперника. Более того, устами нового министра обороны решение президента Картера об «отсрочке» производства нейтронных боезарядов было заклеено как «неправильное», так как США, заявил Уайнбергер, вполне возможно, «захотят использовать» это оружие. Дальше все пошло как по писаному. Первого июня 1981 г. было поставлено «на поток» производство боеголовок для ракет «Лэнс». А 6 августа — в годовщину атомной бомбежки Хиросимы — на заседании группы планирования Совета национальной безопасности президент Рейган объявил уже о том, что с этого дня США приступают к производству нейтронного оружия в полном объеме.

Радостно потирали руки «ястребы». В интервью французской «Котидьен де Пари» Коэн сообщил, что теперь то уж ядерной войны следует ожидать, самое позднее, до конца столетия. «Прекрасные» сведения поступали и из научных лабораторий. Успешно разрабатывался еще один вид нейтронных боезарядов — «Дабл'ю-82», — способных, по сравнению с предшествующими устройствами такого типа, генерировать при взрыве почти в шесть раз более мощное смертоносное излучение. Завершалась, наконец, работа и по конструированию нейтронного боезаряда для 155-миллиметровых гаубиц, имеющих на вооружении натовских армий в Западной Европе. В свою очередь, это последнее достижение вдохновило Белый дом на принятие нового решения — об увеличении нейтронного арсенала дополнительно на 1.000 единиц, то есть почти вдвое, и именно в виде 155-миллиметровых снарядов, что, как вполне справедливо было от-

мечено американскими обозревателями, могло означать лишь одно — они предназначаются для использования исключительно на западноевропейском театре военных действий.

11

Одним из основных и наиболее часто выдвигавшихся аргументов военного характера в пользу производства и размещения в Европе «тактического» нейтронного оружия служат ссылки на то, что Советский Союз якобы располагает там «огромным превосходством» в танках, и это неравенство может быть уравновешено только таким способом. Именно с этих позиций оправдывал, например, свое решение о разработке нейтронного оружия президент Картер².

Оставляя в стороне искусственно раздуваемые на Западе с помощью различных манипуляций страхи перед советской «танковой мощью», попробуем на минуту представить себе воображаемую картину советского танкового вторжения в вооруженную нейтронным оружием Западную Европу.

Если смотреть на нее глазами некоторых особо ретивых западноевропейских военных экспертов, то картина эта рисуется самыми радужными красками. Западногерманская «Франкфуртер альгемайне», неоднократно возвращавшаяся к любованию будущим разгромом катящихся на Запад и изрыгающих огонь колонн «красных танков», писала, например, 25 февраля 1978 г., что лицом к лицу с нейтронным оружием эти колонны окажутся не более чем «железным ломом».

Но расправиться так легко с советскими танками можно, пожалуй, лишь на страницах «Франкфуртер альгемайне». Итальянский сенатор Нино Паста, занимавший в свое время одну из высших должностей в верховном командовании объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и поэтому способный судить о военных проблемах несколько более квалифицированно, чем «эксперты» упомянутой газеты, придерживается совершенно другой точки зрения на возможности «обороны» Западной Европы от советского танкового «нашествия» с по-

мощью нейтронного оружия. Дадим волю своей фантазии, пишет он, и предположим, как это часто делается у нас на Западе, что страны Западной Европы стали жертвами «агрессии» и советские танковые армады, прорвав границы и смятая всякое сопротивление на своем пути, неудержимо устремились вперед, чтобы остановить свой бег лишь на берегу Атлантического океана. Но в таком случае эти армады будут двигаться на больших скоростях и растянувшись в ширину всего фронта. Другими словами, придется иметь дело с далеко разбросанными и быстро меняющими свое местоположение целями. А поскольку, как считается, планируемые для размещения в Европе нейтронные боезаряды обладают способностью быстрого и эффективного выведения из строя экипажей танков в радиусе около одного километра от эпицентра их взрыва, потребуется применение не поддающегося учету количества таких боезарядов. Пойти на это было бы равносильно принятию решения странами Западной Европы о самоуничтожении, так как при таком способе борьбы с вражескими танками катастрофический ущерб понесут не столько они, сколько свое собственное население³.

Едва ли есть необходимость напоминать, что для достижения подобного эффекта совсем не обязательно обращаться к нейтронному оружию. Уже имеющихся в атомном арсенале НАТО в Европе так называемых «мини»-боезарядов вполне достаточно, чтобы попытаться провести схожий «эксперимент».

Немногого в конечном итоге стоят и надежды некоторых западноевропейских реваншистов, которые считают, что благодаря относительно меньшим сопутствующим разрушениям применение нейтронных боезарядов позволит вооруженным силам НАТО после нанесения удара быстро и глубоко вклиниться в расположение противника. Инициаторам атомной войны едва ли имеет смысл надеяться на то, что их собственная территория не окажется под воздействием ядерных ударов со стороны противника. А в подобной ситуации, надо думать, будет уже не до того, чтобы продолжать «вклиниваться» куда бы то ни было.

В то же время имеющееся в распоряжении стран — участниц НАТО в Европе обычное оружие оставляет их

АПОКАЛИПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА

далеко не «беззащитными» против мифических «танковых атак» Организации Варшавского Договора. Более того, многие американские и западноевропейские эксперты, не обязанные по своему служебному положению твердить в унисон с Вашингтоном о необходимости опоры на ядерное оружие в качестве единственной возможности противостоять советскому «вторжению», склонны считать, что современные системы обычного оружия позволяют уже теперь решать эту проблему значительно более эффективно, чем с помощью нейтронного или любого другого ядерного «тактического» оружия.

ПЕНТАГОНОВСКИЕ ПРОВИДЦЫ

1

Возврат в конце 60-х годов к ситуации «ядерного тупика» — теперь уже на уровне «интегрированного оружия» — положил начало выдвижению и обоснованию еще одного концептуального подхода к стратегическому вооружению. Его основной и наиболее характерной чертой стало стремление выйти за рамки «ядерного тупика» не с опорой на потерпевшие уже крах попытки достижения «решающего» военного превосходства при помощи дальнейшего совершенствования ядерных же систем стратегического оружия, а прибегая к созданию **неких принципиально новых, «заядерных» систем такого оружия.** Эти идеи подкреплялись и постепенно нараставшим убеждением в том, что возможности ракетно-ядерного оружия в качестве основного средства ведения «большой» войны уже исчерпали себя и что «ядерный век» должен уступить в обозримом будущем место веку грядущих и пока еще неизвестных миру систем оружия.

2

Видимые признаки формирования подобных взглядов начали проявляться еще на первом этапе возникновения «ядерного тупика». Именно в те годы в США все с большим ожесточением начинает подвергаться уничтожающей критике созданный стараниями самих же американских стратегов миф об «абсолютном» характере ядерного оружия. Сам «отец» водородной бомбы Э. Теллер оказался в числе тех, кто теперь высмеивал «пессимистов», считавших, что результатом всех усилий США по приобретению «решающих» военных преимуществ стал разочаровывающий выход на некое военно-техническое «плато», двигаясь по которому уже нельзя больше наде-

яться подняться на новые, недостижимые для противника высоты. Отвергая такие оценки, апологеты военного «прогресса» вместе с Теллером утверждали, что «плато», на которое вышли США, преодолев в течение послевоенных десятилетий крутой подъем в наращивании своих стратегических возможностей, наоборот, не может быть сколько-нибудь значительным по своей временной протяженности и оно только узкой полосой отделяет их от нового подъема.

В военной среде, где еще совсем недавно царило фанатическое убеждение в «конечности» ядерного оружия, также происходило его энергичное развенчание. Нет и не может быть, убежденно заявлял теперь начальник штаба ВВС США генерал Дж. Макконел, так называемого «конечного» оружия. Весь опыт военной истории говорит об этом. На смену существующим стратегическим системам оружия неизбежно придут новые — не просто усовершенствованные ракетно-ядерные, но принципиально новые, недоступные еще человеческому воображению, и нет никаких оснований сомневаться в том, что мир еще станет свидетелем многих поразительных свершений в этой области¹. Офицюз ВВС США «Эйр форс мэгэзин» предполагал даже, что ракетно-ядерное оружие, весьма возможно, устареет скорее, чем любая из основных стратегических систем оружия прошлого. Быть может, писал журнал, оно будет занимать место под солнцем менее длительное время, чем даже стратегическая авиация «доядерного» века². Особо подчеркивалось, что, хотя вывод о невозможности сколько-нибудь эффективной защиты от ответного ракетно-ядерного удара все еще остается в силе, научно-технический прогресс в военном деле далеко не исчерпал себя, и те, кто судит о будущем на основе существующего положения вещей, могут неожиданно обнаружить, что их утверждения «выброшены на свалку истории».

Восторженно была встречена «провидцами» этого типа вышедшая в 1970 г. книга Х. Болдуина «Стратегия завтрашнего дня». Извечная конкурентная борьба между средствами наступления и обороны, писал в ней Болдуин, не прекратится никогда. Противоракетная защита завтра может оказаться способной надежно перехватывать ядерные боеголовки ракет ответного удара противника на

срединных или даже начальных отрезках траектории их полета. Лазеры, установки, действующие по принципу использования лучевой энергии, пилотируемые космические перехватчики с электронными средствами противоракетной обороны — эти и подобные им системы приведут, возможно, к полному изменению существующих сейчас представлений об эффективности оружия обороны³.

Но и Болдуин не был здесь первооткрывателем. Он лишь публично повторил то, что еще до него, в начале 60-х годов, было высказано в конгрессе одним из организаторов операции по ядерным бомбежкам Хиросимы и Нагасаки генералом К. Лимзэм. Многие, говорил тогда генерал, выступают против идеи создания космических систем оружия, считая, что перенесение гонки вооружений в космическое пространство не изменит сложившегося на земле баланса сил. Но, поступая таким образом, они невольно абсолютизируют ядерные вооружения. Между тем будущая судьба мира будет зависеть, по всей вероятности, от развития новых — и опять же не «абсолютных»! — систем оружия. Возможно, эти системы позволят нейтрализовать все базирующиеся на земле межконтинентальные ракеты противника. Возможно, они позволят наносить удары по нему со скоростью света, по сравнению с которой скорость полета ракет выглядит до смешного малой. Нейтрализовав же ракетно-ядерные силы противника, держава-победитель сможет диктовать ему свои условия мира⁴.

3

Эти предвидения «провидцев» оставались до поры до времени без внимания. И не только потому, что «нет пророков в своем отечестве».

Были времена, и не такие уж отдаленные, когда в среде американского генералитета вообще считалось чуть ли не зазорным всерьез относиться к возможностям использования в военной области фундаментальных научных и технических разработок. Военное ведомство США, например, долгие годы игнорировало работы родоначальника американского ракетостроения Р. Годдара

и изменило свое отношение к вопросу о ракетных средствах доставки боезарядов только после появления в конце второй мировой войны немецких ФАУ-2. Не менее скептическое отношение было проявлено представителями Пентагона, как уже отмечалось выше, и к возможностям создания ядерного оружия. Казалось бы, этот консерватизм был преодолен в годы монопольного владения США этим оружием. Но, уверовав в новый идол, американская военщина мало изменилась в своей сущности. Пентагоновцы, например, не любят вспоминать, что всего за пару лет до начала войны в Корее командование ВВС США продолжало считать вертолет «полной нелепостью с точки зрения всех законов аэродинамики» и энергично сопротивлялось принятию его на вооружение, утверждая, что пытаться использовать его для придания мобильности войскам — это все равно что пытаться подняться в воздух, ухватившись за шнурки собственных ботинок. Неудивительно поэтому, что мечты о неких «заядерных» системах оружия отнюдь не вызывали у пентагоновцев энтузиазма.

Тем более что на первых порах «провидцы» действительно не могли предложить ничего, кроме «мечтаний». А если и выдвигались конкретные проекты, то они не подкреплялись соответствующими техническими возможностями. Так, первые же успехи США по проникновению в космическое пространство вдохновили некоторых наиболее ретивых милитаристов отважиться на предложение «столкнуть» из космоса на территорию СССР какой-нибудь «подходящий» астероид: такой «малыш», скажем, миль пяти в диаметре, мог бы заменить сразу до миллиона атомных бомб! Или, еще того лучше, вывести на орбиту спутник с гигантским металлическим зеркалом, чтобы, воспользовавшись им как линзой великанов, направить на советские города испепеляющий жар Солнца, «сжечь или зажарить» там все живое. Сенатор Голдуотер сорвал аплодисменты коллег, сурово и непреклонно потребовав вывести в космос такие системы оружия, которые позволили бы стереть с лица земли Советский Союз в течение считанных секунд.

Впрочем, потом появились предложения и поизощреннее.

В частности, не одна «светлая» голова оказалась за-

хваченной идеей об овладении контролем над погодой и развязывании против СССР климатологической войны. Возглавлявший в течение нескольких лет комиссию по контролю над погодой Х. Орвил считал, что результаты такого нападения могут превзойти по своим последствиям даже все ужасы ядерной войны. А выступивший по этому же вопросу перед сенатской подкомиссией по военной готовности Теллер с удовольствием отметил еще одно преимущество климатологической войны: к тому времени, когда противник поймет, что на него совершается нападение, будет уже поздно — он проиграет войну, так и не успев ни услышать и ни сделать ни одного выстрела. Контроль над погодой, мечтал вице-президент Линдон Джонсон, принесет «владыкам Вселенной» власть более неограниченную и непререкаемую, чем та, которую США надеялись добиться с помощью ядерного оружия или оккупационных войск⁵.

Привлекали перспективы и геофизической войны. Испускаемый Солнцем поток жестких ультрафиолетовых лучей не приводит к гибели живых организмов на Земле только потому, что задерживается в верхних слоях атмосферы слоем озона. Приобретение способности добиваться искусственного разрыва этого слоя над определенным участком территории может быть использовано в качестве «тотального» и безотказно действующего оружия. Некоторые из проводившихся в США исследований подтверждали, что достижение такой способности является вполне вероятным. Ряд химических соединений, которые могут быть рассеяны на громадных площадях в верхних слоях атмосферы, например, в виде отработанных продуктов работы реактивных двигателей, обладают способностью вызывать распадение молекул озона. Выброшенные в достаточных объемах, они могут привести к образованию «окон» в его слое и позволить ультрафиолетовому излучению проникнуть через них к поверхности Земли.

Прикидывались, наконец, возможности химического и бактериологического оружия. На одной из встреч группы сенаторов и конгрессменов с представителями Пентагона было подтверждено, что поражающая способность отравляющих веществ и биологических агентов приблизилась к термоядерному оружию, а запасы их достигли

таких объемов, которые во много раз превышают количество, необходимое для гарантированного «сверхубийства всех потенциальных целей». В американской печати указывалось, что, например, одной унции (28,3 г) отравляющего вещества нервно-паралитического действия может в некоторых случаях оказаться достаточно для уничтожения нескольких десятков миллионов человек, а чайной ложки ботулина — и всего человечества. Миллионы людей могут быть заражены наиболее злокачественными возбудителями эпидемических заболеваний. И если такое заражение осуществляется с помощью специально выведенных культур, то против них окажутся бессильными как естественный иммунитет человеческого организма, так и существующие медицинские методы и средства борьбы против таких заболеваний.

4

Все эти и подобные им проекты, что и говорить, выглядели, по мнению пентагоновцев, весьма «заманчиво». Но они все-таки не решали основной проблемы преодоления «ядерного тупика» — нейтрализации ответного советского ракетно-ядерного удара. Какими бы новыми способами и средствами ни попытались США осуществить «тотальное» нападение на СССР, его стратегические силы возмездия, как это было очевидно и самим «провидцам», все равно сохранили бы, по крайней мере в течение необходимого для этого времени, способность ответно нанести Соединенным Штатам колоссальные разрушения и потери. А главное, между мечтами о нанесении СССР «тотального» поражения с помощью климатологических, геофизических, химических, бактериологических или каких-либо иных подобных им средств уничтожения и практическими возможностями США овладеть такими средствами пролегалa огромная пропасть.

Осознание Вашингтоном этой истины не привело, конечно, к сокращению военных разработок на «перспективных» направлениях. Более того, их круг продолжал расширяться. К первоначальным проектам и программам добавляются новые, в том числе и такие, задачей которых ставится использование в военных целях явле-

ний аннигиляции, антигравитации, энергетических полей и излучений, разнообразных средств воздействия на мозг человека и его психику.

Однако на фоне всей этой пестрой картины в американском военно-политическом мышлении начинают вызревать и более определенные представления о том, в каких именно направлениях следует концентрировать поиски по созданию новых, «заядерных» систем стратегического оружия. И основным таким направлением становится планомерное военное освоение космического пространства.

5

О том, что такое время придет, предсказывали еще в 1958 г. авторы первого правительственного заявления о целях и задачах американских космических исследований. Космические летательные устройства, подчеркивалось в нем, могут найти «важное военное применение», и освоение космического пространства с этой точки зрения открывает принципиально новые возможности⁶. О том, что обратить взоры к космосу США заставили «неустаннные поиски» нового оружия, говорил и вице-президент Л. Джонсон⁷.

Но что именно делать и в космосе для достижения поставленных таким образом целей, духовные менторы новой программы представляли себе вначале еще очень плохо. В головах бродили лишь какие-то смутные ассоциации. Вспоминалось, например, что в прошлые времена «владычица морей» Британия правила полмиром. Может быть, теперь распространение американского военного влияния в космосе позволит США также установить свое владычество над целым миром?

Те, кто размышлял подобным образом, подходили к новому делу исподволь, не торопясь, стремясь накопить сначала достаточный опыт, прежде чем бросаться очертя голову в малоизвестные просторы. Это были все люди солидные, с достаточно «широким» кругозором. Утверждая, что только далеко идущее предвидение, отказ от сугубо прагматического подхода в военном использовании научных и технических достижений в освоении кос-

моса способны привести к реальному и значимому прогрессу в строительстве вооружений, они уже тогда фактически выступали против слепого поклонения ядерной стратегии, предвидя или предчувствуя неизбежный крах выдвигавшихся ею положений. Ими была разработана так называемая «концепция дивидендов», то есть теория о том, что приобретаемый в ходе космических исследований научный и технический «капитал» рано или поздно начнет приносить США свои военные «дивиденды». Они хорошо понимали, что между деятельностью Национального управления по авиации и использованию космического пространства (НАСА) и Пентагона в космосе не существует какой-либо непроходимой пропасти и что, по сути дела, все американские космические исследования могут быть, без лишнего афиширования, подчинены военным нуждам. Практические результаты деятельности НАСА за первое десятилетие, констатировалось, например, в выводах курировавшей его работу подкомиссии конгресса, в огромной степени способствовали и способствуют достижению конечных военных целей США. Осуществляя свою программу, НАСА разработало и создало чрезвычайно мощные ракеты-носители, технически совершенные космические корабли, испытательные и стартовые комплексы. Получены также ценные данные о жизнедеятельности и возможностях человека действовать в космосе. Все это, совершенно очевидно, внесет неоценимый вклад в создание будущих систем оружия. С этой же точки зрения следует рассматривать и проект посылки человека на Луну, который также имеет непосредственное военное значение⁸.

И это было истиной: ведь даже тот же проект полета на Луну — «Аполлон» — был и в самом деле разработан в Пентагоне. Получив соответствующие указания президента Кеннеди, министр обороны Макнамара вызвал к себе руководителя НАСА Джеймса Уэбба и еще несколько человек, которые под его руководством и разработали эту программу⁹. Она, как широко отмечалось в американской прессе, сознательно планировалась как еще один научно-технический задел по обеспечению США того «капитала», который впоследствии принес бы желаемые военные «дивиденды».

Но «концепция дивидендов» не оказала на формиро-

вание американских космических исследований ни решающего, ни продолжительного влияния. Она достигла пика своего влияния в момент принятия правительством президента Кеннеди программы «Аполлон» и вскоре, с возникновением пресловутого «ядерного тупика», начала неудержимо клониться к своему закату.

6

Нараставшая в адрес «концепции дивидендов» критика не имела ничего общего с неприятием ставившихся ею конечных целей. Она лишь отражала нетерпение тех наиболее прагматически настроенных милитаристских кругов США, которые стремились решить проблему «тупика» в наиболее сжатые сроки за счет «смелого» проникновения в космическое пространство с «открыто выраженными» военными целями.

Ставший одним из наиболее откровенных апологетов этих взглядов сенатор Голдуотер выдвигает понятие «аэрокосмического пространства», подразумевая под ним совокупность воздушного и околоземного космического пространства, и делает вывод: «Кто контролирует аэрокосмос — тот правит миром». Высадка человека на Луну, писал поддерживавший эти воззрения журнал «Эйр форс мэгэзин», приведет лишь к дальнейшему накоплению научных и технических знаний о космосе, которые, возможно, и не будут иметь никакой практической военной ценности. В то же время, сконцентрировав свои усилия на установлении американского военного контроля в аэрокосмическом пространстве, США смогут добиться непререкаемого военного господства¹⁰.

В середине 60-х годов теории «концепции дивидендов», пытаясь как-то ослабить непримиримый тон направляемой против них критики, значительно модифицируют ее положения. Раньше признавалось, что американская космическая программа должна включать в себя и некоторые «гражданские» проекты с целью приобретения научных и технических знаний, многие из которых впоследствии могут быть использованы военным ведомством при разработке конкретных систем оружия. Теперь же выдвигается и обосновывается требование так плани-

ровать космические исследования, чтобы по их завершении НАСА всегда имело бы возможность передать Пентагону уже отработанные «строительные компоненты», пригодные для их непосредственного включения в системы оружия. Именно этот принцип был положен в основу многоплановой программы НАСА — Пентагона по всемерному развитию и совершенствованию космических систем обслуживания стратегического оружия. Передаваемые при этом НАСА военному ведомству «компоненты» не только включались в качестве уже отработанных элементов в различные военные проекты, но зачастую использовались Пентагоном и как уже готовые военные системы.

Тем не менее предложенный компромисс в целом не был принят критиками «дивидендов». Они утверждали, что даже самый совершенный набор «компонентов» нельзя в короткое время превратить в конечный продукт. Потребуется месяцы, возможно, даже годы, обосновывал этот взгляд сенатор Кеннон, чтобы, скажем, превратить «компоненты» в боевые спутники или корабли и научиться их эффективно использовать. Высмеивая заявления сторонников «дивидендов» о том, что вооруженные силы всегда могут приспособить для своих целей разрабатываемые НАСА космические системы, он предлагал поступить прямо противоположным образом — сконцентрировать все усилия США на разработке и строительстве военных систем и объектов, предоставив общенаучным проектам и программам питаться за счет «остаточных компонентов» этих усилий. Правительство, с не меньшим сарказмом издевался над посулами Пентагону «компонентов» и сенатор Голдуотер, обещает, что гражданские космические проекты могут быть в любой день превращены чуть ли не в готовую систему оружия. Но это — самый настоящий обман, и правительство Кеннеди со своими разговорами о Луне само давно уже превратилось в лунатиков. «Аполлон» объявлялся «антикомпонентщиками» «ублюдком», столь же неспособным превратиться в военный корабль, как грузовик — в танк¹¹.

Значительному усилению позиций откровенных милитаристов в их наступлении на «Аполлон» и в его лице на всю «концепцию дивидендов» способствовала также из-

вестная нерешительность и инертность, которую проявило правительство президента Кеннеди в защите «гражданской» космической программы, сведя ее практически к заверениям в военной значимости проекта. Дело доходило чуть ли не до извинений. Никто в правительстве не собирается утверждать, заявил, например, в конгрессе заместитель министра обороны Гилпатрик, что Соединенным Штатам не следует заниматься разработкой далеко идущих военных космических проектов. Но все необходимые усилия в этом направлении уже предпринимаются, и критикам следовало бы проявить хоть немного больше доверия к тем, кто несет действительную ответственность за оборону страны¹².

7

Между тем становилось все более очевидным, что выполнение проекта «Аполлон» не укладывается в намеченные сроки. К сентябрю 1963 г. он отставал от расписания уже более чем на полтора года. Первоначальные наброски завершить проект к 1967 г. оказались безнадежно сорванными. Все это вынуждало президента Кеннеди искать приемлемый выход из создавшегося положения. Можно предположить, что именно тогда он пришел к мысли выступить с предложением об организации совместной американо-советской экспедиции на Луну. В случае успешного осуществления этой идеи он мог надеяться разрешить сразу несколько проблем. Передача проекта в ведение международной организации освободила бы правительство Кеннеди от взятых на себя обязательств, сняла бы нависшую угрозу нового болезненного удара по научно-техническому престижу США. Кроме того, это позволило бы также передать значительную часть денежных средств, выделявшихся на осуществление проекта «Аполлон», непосредственно в руки военного ведомства и тем самым удовлетворить его возраставшие аппетиты к чисто военному освоению космоса. Наконец, сотрудничество с СССР должно было принести ощутимую выгоду прежде всего самим США. Они, как это признавалось многими американскими экспертами, могли получить чрезвычайно важную информацию о ракетных двигателях

лях, жизнедеятельности человека в космосе и других научных результатах советских космических исследований.

В США выдвигалось и другое объяснение мотивов, которыми руководствовался президент Кеннеди, принимая свое решение. Проследившая историю американского международного сотрудничества в предшествующий период, нетрудно заметить, что США неизменно старались навязать свое руководство в организациях, призванных координировать и направлять совместную деятельность различных стран в области исследований космического пространства. Эти наблюдения давали повод многим американским комментаторам предполагать, что и Кеннеди не мог серьезно относиться к идее о сколько-нибудь значительном расширении такого сотрудничества с СССР, тем более к предложению о совместной посылке человека на Луну. Указывалось также, что, согласно сведениям, исходившим из информированных источников, всего за два дня до выступления Кеннеди в ООН вопрос о возможной организации совместной с СССР экспедиции на Луну рассматривался в Белом доме, и там эта идея была расценена как чисто утопическая. Исходя из подобных соображений, делался вывод, что правительство Кеннеди выдвинуло свое предложение с весьма определенными намерениями. Предполагая заранее, что оно может вызвать лишь негативную реакцию в конгрессе и Пентагоне, Кеннеди намеревался использовать это, чтобы, сыграв на чувствах антисоветизма, подтолкнуть США к продолжению «лунной гонки».

Были ли, как утверждают американские источники, указанные причины единственными, которыми руководствовался Кеннеди, выдвигая предложение о смелом расширении сотрудничества между США и СССР в освоении космоса? Возможно. Однако нельзя исключать вероятность и того, что в связи с открывавшимися с подписанием договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства перспективами, а также стремясь к проведению американской внешней политики на более реальной основе, Кеннеди подходил к своему предложению более серьезно, чем могли себе представить близко окружавшие его лица.

Но что бы ни думал сам президент Кеннеди по поводу своего предложения, он оказался неподготовленным к последовавшей за этим реакцией. Высказавшись публично за сотрудничество в космосе с СССР, Кеннеди дал милитаристам желаемый предлог для обвинений его в том, что программа «Аполлон» якобы не несет на себе военной нагрузки. В глазах многих конгрессменов, писал журнал «Авиэйшн уик», запрашиваемые НАСА ассигнования, которые рассматривались ими ранее как безусловно оправдываемые первостепенными по своей важности целями военного строительства, превращались теперь чуть ли не в бюджет американской «помощи России». Инициатива Кеннеди, с полным удовлетворением заключал журнал, нанесла по проекту «Аполлон» и всей «концепции дивидендов» удар такой тяжести, с которым не могло бы сравниться ничто другое¹³.

В конгрессе резко усилилась критика проекта «Аполлон», который, утратив военный ореол, потерял там и свой статус «священной коровы». Палата представителей даже приняла постановление, запрещающее НАСА использовать любую часть выделявшихся на осуществление проекта ассигнований для организации экспедиции на Луну, в сотрудничестве с «коммунистическими или находящимися под коммунистическим влиянием» странами.

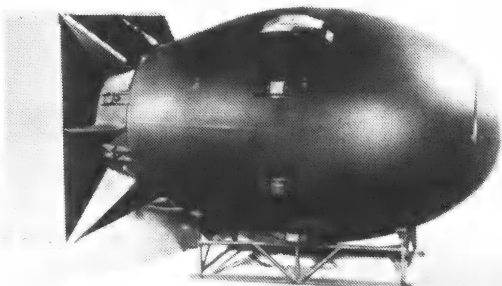
Существуют основания предполагать, что в обстановке неуклонного поправления политической жизни страны и возрастающего давления со стороны милитаристов американская космическая программа претерпела бы значительные изменения даже в том случае, если бы не произошло убийства президента Кеннеди. Но, отвлекаясь от области догадок, следует признать, что переход президентских полномочий к вице-президенту Л. Джонсону, бесспорно, способствовал ускорению процесса ее все более откровенной милитаризации. Как поощрительно отзывалась американская пресса, новый президент всегда и больше, чем Кеннеди, отдавал себе отчет в «безусловной необходимости» широкого военного проникновения в космическое пространство. Как сенатор и вице-президент, он активно выступал за это, считая, что сохранение Соединенными Штатами мирового «лидерства» во многом зависит от установления в космосе американского

Ракета «Трайидент-1», запущенная с борта американской ядерной подлодки. Баллистические ракеты подводного базирования составляют более 80 процентов стратегического потенциала США. Основу же стратегического оборонного могущества СССР составляют межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования. Вот почему на переговорах по ограничению стратегических вооружений США добивались от СССР одностороннего демонтажа свыше 90 процентов этих ракет.

Атомная бомба «Толстяк», уничтожившая 9 августа 1945 г. город Нагасаки, выглядит сейчас, если, конечно, иметь в виду не ее размеры, а заключающуюся в ней разрушительную мощь, сущим младенцем по сравнению с обладающими куда более «изящными» формами современными ядерными боеголовками.

Стратегический бомбардировщик «Б-52» остается еще основным элементом воздушного компонента американской ядерной «триады». Но несмотря на то, что размещаемых на его борту средств ядерного поражения было бы уже достаточно, чтобы унести миллионы жизней, Пентагон уже готовит ему «более достойную» замену.

Бомбардировщик «Б-29», сбросивший 6 августа 1945 г.
первую американскую атомную бомбу «Малыш» на
город Хиросиму. Его нежное женское имя — «Энола
Гэй» — ныне вызывает ужас и отвращение, и, как
говорили в древности, «да пребудет на нем
проклятие!».

Судя по плакату, который держит этот американский вояка: «Учитите, Америка — № 1!», — он, как и его начальники в Пентагоне, вполне уверен, что США еще наведут «порядок» среди всяких «прочих» стран.

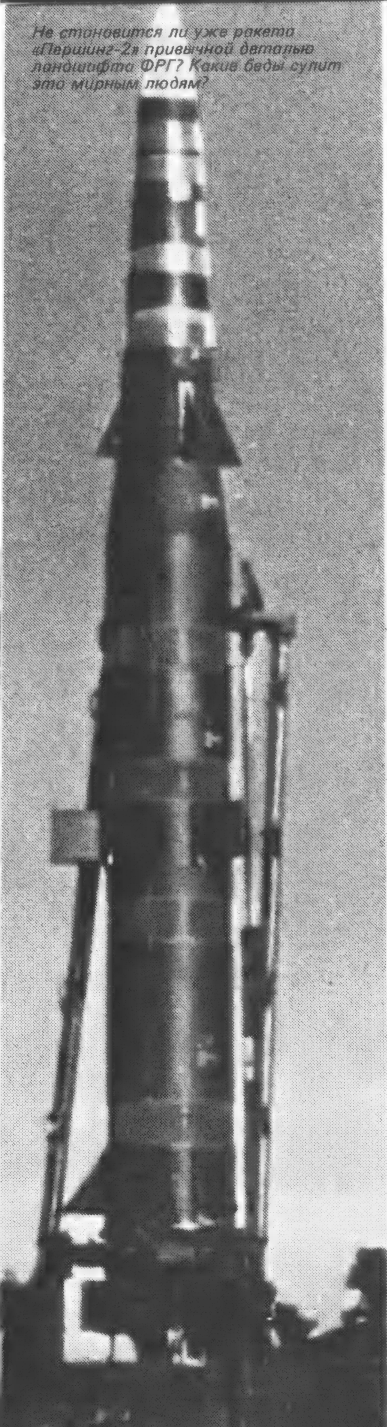

Потеря атомной монополии потрясла американских империалистов. И они сделали следующий шаг к ядерной катастрофе... На снимке: взрыв водородной бомбы над атоллами Бикини.

*Прямой наводкой по истине.
На полигоне — министр
обороны США К. Уайнбергер.*

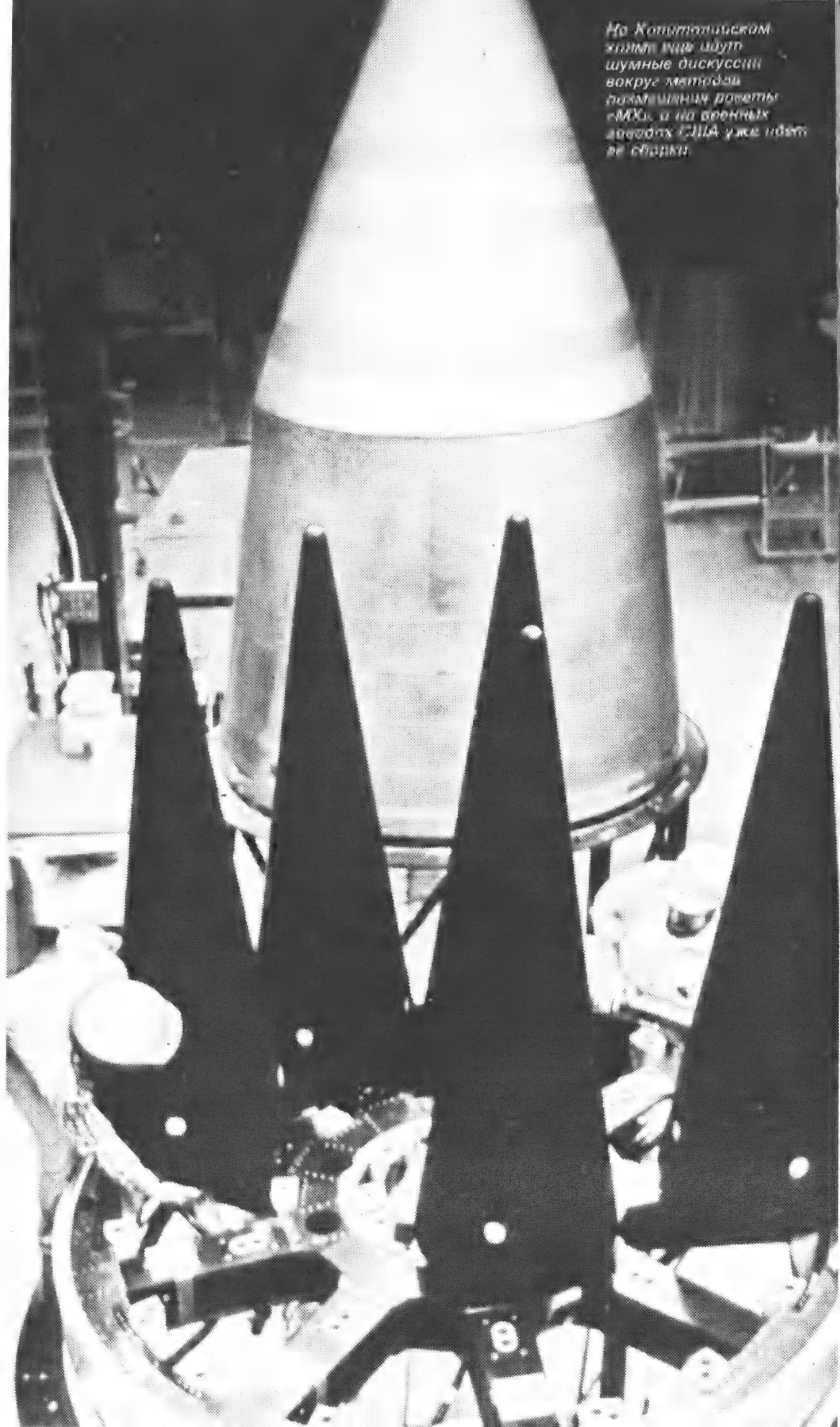
Не становится ли уже ракета
«Першинг-2» привычной деталью
ландшафта ФРГ? Каким бедам сулит
это мирным людям?

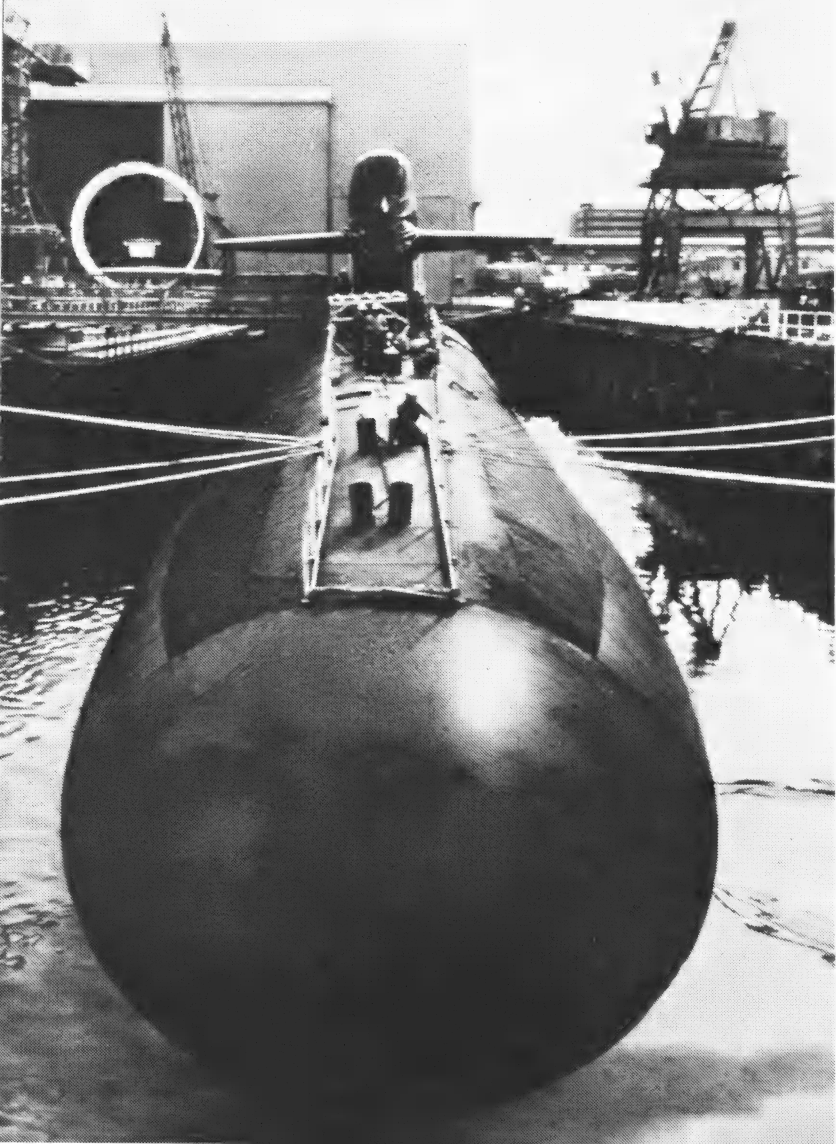
Испытания ракеты «Лэнс», одного из
возможных средств доставки
нейтронных боезарядов. Впрочем,
боеголовки могут размещаться даже в
корпусе обычного артиллерийского
снаряда.

На Космическом
жизни еще идут
шумные дискуссии
вокруг методов
размещения ракет
«MX», и на военных
авиобазах США уже идет
ее сборка.

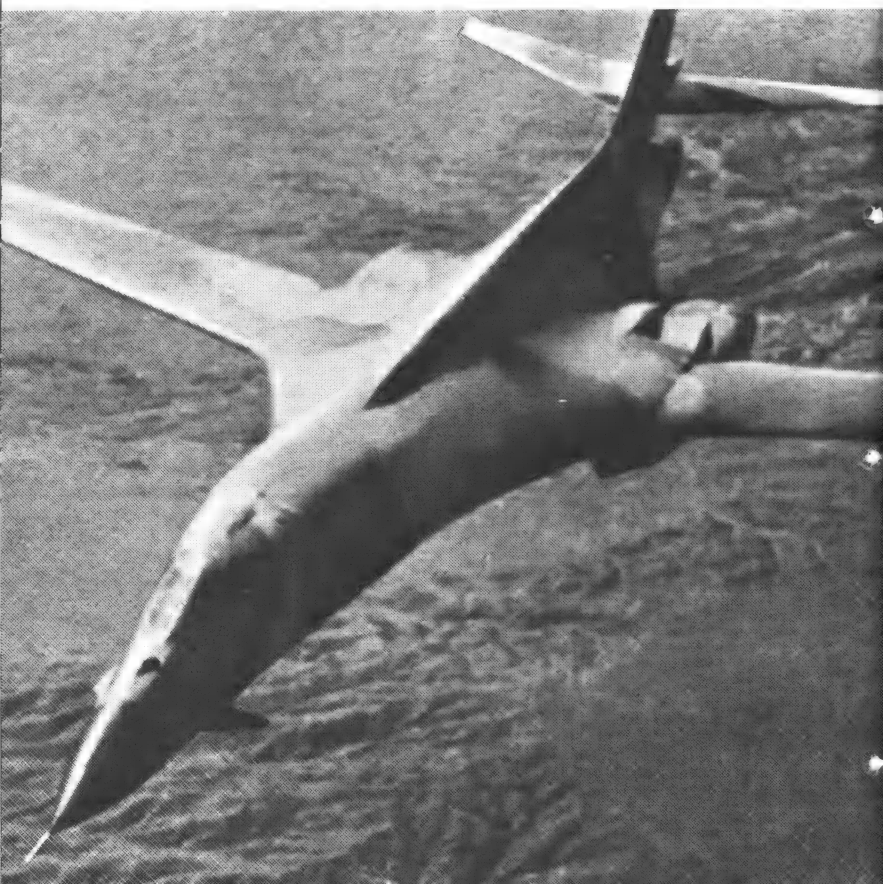

Одна из новых американских атомных подводных лодок системы «Огайо», на ее борту располагается до 24 ракет «Трайдент». Каждая такая подводная лодка по своей огневой мощи эквивалентна по меньшей мере десяти ее предшественницам — подводным лодкам системы «Посейдон».

Во время испытательного запуска ракеты «Трайидент-1» из-под воды. Дальность полета такой ракеты позволяет наносить ядерные удары по объектам на советской территории практически из любой точки Мирового океана.

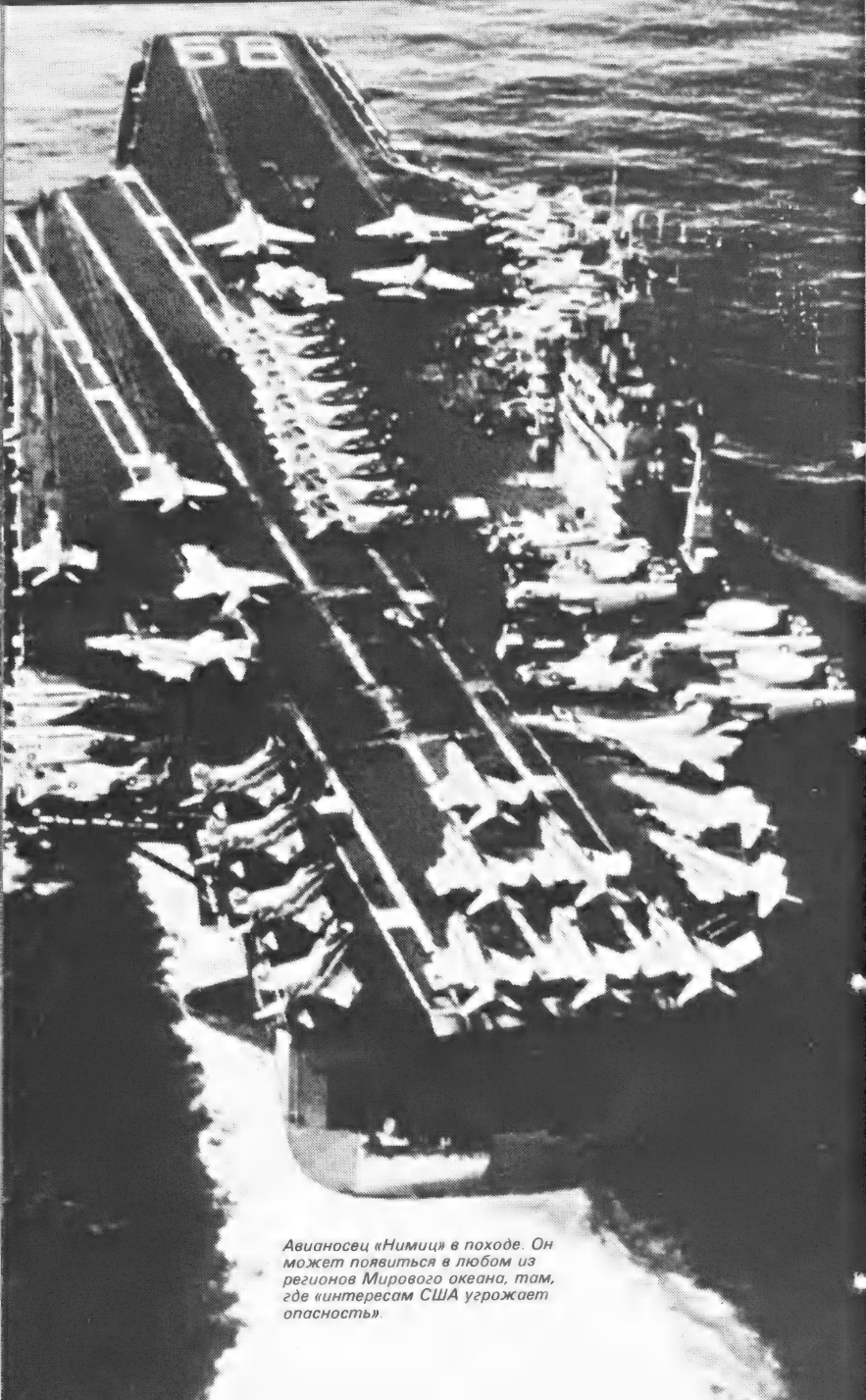
Авианосные боевые самолеты США — один из главных инструментов осуществления американской доктрины «военного присутствия». На них Пентагон делает ставку как на мощное средство поддержки «сил быстрого развертывания».

Это только часть боевых ракет, размещаемых на борту американского истребителя-бомбардировщика «Ф-15». Некоторые из них могут нести ядерные боеголовки.

Крылатая ракета ВМС США в полете. Тысячи таких ракет наземного, воздушного, подводного и надводного базирования будут построены США в надежде обрести с их помощью военное превосходство над Советским Союзом.

Один из опытных образцов сверхзвукового стратегического бомбардировщика серии «Б-1».

Авианосец «Нимиц» в походе. Он может появиться в любом из регионов Мирового океана, там, где «интересам США угрожает опасность».

Даже «дружественные» визиты американских авианосцев не вызывают восторга у населения стран, правительства которых идут в фарватере американской империалистической политики. В японском порту Иокосука движение «гостя» было заблокировано судами, протестовавшими против его прибытия, а на берегу — участники многотысячной манифестации сторонников мира, к которым присоединились также представители общественности Токио, Иокогамы и других городов.

В Финляндии, Западном Берлине, Париже, как и в других европейских странах и городах, все выше поднимаются волны протеста против гонки вооружений, размещения ядерного и нейтронного оружия, против нарастающей угрозы миру. И эту волю народов не должны и не смогут игнорировать их правительства.

PAIX et DESARMEMENT
DEPARTEMENT des B d Rh

*Эти останки одной из жертв
атомной бомбежки в
Нагасаки — мрачное
предостережение людям
Земли, если над ней вспыхнет
пожар всемирной ядерной
войны.*

военного «превосходства». По всеобщему мнению, именно Джонсон, действуя в качестве председателя Совета по авиации и космическим исследованиям, добился того, что военным была предоставлена значительная роль в разработке космических исследований.

Соблазны «дивидендов» были пренебрежительно отброшены, и американская военщина начала свое «смелое» проникновение в космическое пространство.

8

Но почему все-таки именно космос оказался наиболее притягательным магнитом для всех тех американских воителей, которые теми или иными путями стремились к единой цели — преодолению «ядерного тупика» через выход на новые, «заядерные» вершины?

Конечно, известную роль здесь сыграли не чуждые американским стратегам «романтические» мечтания об овладении военными возможностями в новой пространственной сфере. Но были соображения и более делового порядка, основывавшиеся на постепенно кристаллизовавшихся общих требованиях к «заядерным» системам оружия.

Прежде всего, учитывая наличие уже имевшегося у США огромного ракетно-ядерного арсенала, от новых, «заядерных» систем не следовало требовать, во всяком случае в предвидимом будущем, принятия на себя всех функций стратегического оружия: их ближайшей задачей должно было стать выполнение функций лишь второго элемента «интегрированного оружия», то есть функций «оборонительных».

Однако взгляд на сами масштабы этой «обороны» изменился весьма существенно. Теперь речь шла не о защите от «немногих или даже одиночных» ракет ответного удара противника, которые, как предполагалось раньше, только и могли бы остаться в его распоряжении после американской ракетно-ядерной атаки. Пришедшие на смену старым иллюзиям более реалистические взгляды вынуждали признать, что единственно действенной

может стать только такая оборона, которая способна противостоять весьма значительному по силе ответному удару. Поэтому размещение ее поражающих элементов должно было носить глобальный характер. Это условие диктовалось тем, что никакая другая система обороны, вне зависимости от того, превратилась ли бы она в размещаемую на территории самих США «развернутую» или развивалась бы по пути создания все более далеко отстоящих от американского континента «выдвинутых рубежей», например путем размещения ее элементов на кораблях и подводных лодках, не могла бы выйти за рамки обороны, рассчитанной на перехват атакующих боеголовок противника лишь на конечных или в лучшем случае срединных участках траектории их полета. А при такой организации обороны, как уже отмечалось выше, нельзя было надеяться на достижение необходимого уровня ее эффективности.

В противоположность этому, глобальное по масштабам размещение поражающих элементов противоракетной обороны создало бы новые, совершенно уникальные возможности перехвата и уничтожения стратегических ракет ответного удара противника на начальных отрезках траекторий их полета, когда их скорости еще относительно невелики и когда вместе с ними могут быть уничтожены и все находящиеся у них на борту боеголовки. При этом перестает иметь значение и то ранее подрывавшее всю концепцию «первого удара» обстоятельство, что большая часть этих ракет — если принять за очевидное, что из общего числа имеющихся у противника ракет ответного удара во время «превентивной» атаки на него пострадают главным образом ракеты наземного базирования, — будет запускаться с подводных лодок, которые могут оказаться в момент развязывания войны против СССР в любом из используемых ими для боевого патрулирования регионов Мирового океана. Переход к поражению ракет ответного удара на начальных отрезках траекторий их полета также позволил бы решить или, вернее, обойти и столь трудно преодолеваемую локационными элементами противоракетной обороны проблему идентификации истинных и ложных целей.

Но действительно глобальное развертывание любой системы оружия возможно лишь с выходом в космиче-

ское пространство. Именно поэтому космос и стал для Вашингтона символически равнозначным «заядерному оружию» понятием.

9

Оставалось лишь решить, какими именно средствами поражения следует оснащать будущие «заядерные» системы оружия.

Вопрос этот, впрочем, был не из легких. Выдвигавшиеся на первых этапах освоения космического пространства планы создания космическо-ядерных систем оружия быстро теряли свою «привлекательность». Не только потому, что они не решали проблему нейтрализации средств ответного удара противника, но и потому, что при любом их совершенствовании используемый в этих системах оружия принцип поражения атакующих боеголовок даже в самом идеальном случае рассчитан лишь на относительное сближение с целью и создание на ее пути также только относительно непреодолимой для нее «смертельной» зоны генерируемых ядерным зарядом излучений. Такая схема никогда не окажется стопроцентно эффективной, поскольку она как бы заранее предусматривает определенный процент «несрабатывания».

Создалась необычная ситуация. При переходе от «обычных» систем оружия к ракетно-ядерным появление ядерных средств поражения в виде атомной и водородной бомб предшествовало появлению межконтинентальных баллистических ракет. Другими словами, ко времени создания качественно новых для того времени носителей принципиально новые средства поражения уже существовали. Процесс формирования космических систем оружия, однако, складывается в диаметрально противоположном направлении. Можно было говорить лишь о появлении принципиально новых средств доставки — спутниках и космических кораблях; средств же поражения нового поколения еще не существовало. Но какими бы ни были эти новые средства поражения, они, во всяком случае, как это понималось в Пентагоне, должны были быть свободны от «недостатков» ядерного оружия.

Включенные в систему противоракетной защиты от советского ответного удара, они должны придать ей характер «абсолютной» эффективности, и наносимые ими удары должны быть прицельными, молниеносными и сверхточными.

Сами по себе все эти требования, может быть, и не были завышенными. Но у пентагоновцев одно их перечисление вызывало уныние. Многим казалось, что все это напоминает скорее измышления авторов фантастических романов о «лучах смерти». Велик же был их восторг, когда эти сказочные лучи впервые забрезжили сначала в научных исследовательских центрах, а потом и в военных лабораториях США. Рождавшееся **лазерное оружие** было сразу же признано достойным партнером предназначавшихся для него космических средств развертывания. Нужно было только дожидаться, пока дитя подрастет...

10

Ускорение темпов военно-технической революции, писал в 1970 г. вышедший из недр аэрокосмического бизнеса еще один «провидец» — некий Р. Салкелд, дает основание думать, что появление новых, «заядерных» систем оружия, использующих энергию направленного излучения, или лазеров, становится теперь очевидной реальностью. Их создание потребует, конечно, решения ряда сложнейших технических проблем, но теоретически ничто не препятствует достижению этой цели. Лазеры, как они представляются нам сейчас, могут иметь самое широкое военное применение, особенно в верхних слоях атмосферы и в космосе, где распространение светового луча практически ничем не ограничивается. Благодаря этому лазерные системы оружия будут иметь беспрецедентную дальность действия, что позволит размещать их на достаточном удалении от Земли. Они будут также обладать способностью к почти мгновенной доставке разрушительной энергии к цели, высокой точностью ее поражения. Их появление можно будет рассматривать как одну из величайших революций в военном деле¹⁴.

Идеально сфокусированный и усиленный луч лазера

способен, почти не расширяясь, пронизывать огромные пространства, создавая в миллиардные доли секунды в точке своего падения температуры, которые могут в несколько тысяч раз превышать температуры, существующие на поверхности Солнца. Теоретически, под их воздействием любой объект может быть превращен в раскаленное газообразное облако. Передаваемая методом направленного излучения энергия не обязательно должна носить характер световой, и испускаемый генератором луч может представлять собой пучки заряженных или нейтральных частиц — ионов, электронов, протонов, нейтронов, разогнанных до высоких энергий специальными ускорителями. Единственным реальным препятствием на пути создания как лазерного, так и лучевого оружия остаются пока большие габариты и значительный вес современных установок направленной энергии, а также относительно небольшая мощность генерируемого ими луча.

С самого начала изысканиям по созданию лазерного оружия в США был придан характер широких поисков. К концу 60-х годов разработкой лазеров и необходимого для их использования оборудования занималось уже не менее 400 различных организаций. Одновременно в ряде военных научно-исследовательских центров велись работы по созданию излучателей высоких энергий и других видов, пригодных для поражения целей в космосе и из космоса.

Средств также не жалели и не ограничивали — величина ассигнований определялась запросами военного ведомства. Прекрасной иллюстрацией этому может служить хотя бы то обстоятельство, что, по свидетельству американской печати, конгресс ни разу не урезал запрашивавшихся Пентагоном сумм на разработку лазерного оружия. Забегая вперед, можно также напомнить, что в конце 1980 г. американские законодатели выделили на эти цели в дополнение к уже двум истраченным еще 15 млрд. долл., а выполнение пересмотренной при президенте Рейгане программы создания космических лазеров потребует, по некоторым оценкам, новых 40—60 млрд. долл.

Соответствовали этому и большие ожидания. Высоко-

поставленные представители Пентагона были полны надежд как в отношении сроков создания нового «сверхоружия», так и его эффективности. Утверждалось, что США потребуются не более десятилетия для решения этой задачи. И когда она будет решена, писала со слов одного из руководителей лазерной программы «Нью-Йорк таймс», американская оборона от ответного советского удара получит в свое распоряжение средства мгновенного поражения быстро движущихся целей в космосе и атмосфере, что позволит избавиться от всегда существующей неуверенности в правильности определения опережающей точки встречи, а следовательно, и в эффективности самой системы обороны¹⁵. При этом, подчеркивал помощник министра ВВС США Г. Хансен, советские ракеты ответного удара окажется возможным уничтожать непосредственно еще над территорией СССР или над теми районами Мирового океана, где будут осуществляться их запуски с подводных лодок¹⁶.

Реальность, как всегда, оказалась отрезвляющей. Прошедшее после этих оптимистических заявлений десятилетие не принесло решающих успехов. Первые испытания опытных образцов лазерного оружия — пока еще громоздких наземных установок — удалось провести лишь в последние месяцы 1979 г. Но дело двигалось. В течение следующего, 1980 г. ВВС США в ряде случаев смогли добиться поражения лазерными лучами низко летящих вертолетов, самолетов и даже ракет. А с 1981 г.: сходные эксперименты начали проводиться и с использованием лазеров воздушного базирования, размещаемых на бомбегрузных военно-транспортных самолетах «КС-135». Появились сообщения и об успехах, достигнутых в разработке других образцов оружия направленной энергии. В феврале 1981 г. Э. Теллер, ставший одним из доверенных советников президента Рейгана по науке, проинформировал, например, конгресс о проведенном в Неваде подземном испытании одного такого устройства. Используя в качестве источника энергии ядерный взрыв малой мощности, удалось генерировать направленные выбросы рентгеновского излучения огромной разрушительной силы. 1982 и 1983 гг. также принесли сообщения о продолжающейся в американских лабораториях, конструкторских бюро и на полигонах лихорадочной дея-

тельности по подготовке и опробованию все новых образцов лазерного оружия.

Следующими на очереди стояли космические носители.

11

Появление на горизонте, пусть даже еще на отдаленном горизонте, лазерного оружия, включение его разработки и развертывания в стратегические планы Пентагона неизмеримо усилили позиции сторонников открытого военного проникновения в космос. Вся космическая программа НАСА, как, впрочем, и самого Пентагона, подверглась радикальному пересмотру. Из нее были изъяты все старые проекты пилотируемых полетов, в том числе и предусматривавшие вывод на околоземные орбиты космических станций «Скайлэб», рекламировавшихся ранее «дивидендщиками» в качестве «физически существующих компонентов» будущих космических вооруженных сил. Вместо этого теперь все усилия концентрировались на разработке летательных аэрокосмических устройств, использование которых должно было обеспечить США массированное военное проникновение в космическое пространство.

В решении этой задачи ставка была сделана на конструирование нового типа летательных аппаратов, которые, в отличие от обычных ракет-носителей, были бы пригодны для многократного использования с целью доставки военных грузов на околоземные орбиты. Поскольку эти аппараты должны были выполнять функции, сходные с функциями ткацкого челнока, перебрасывающего нить с одной стороны основы на другую, или парома, перевозящего грузы через реку, они в широком обиходе стали именоваться английским эквивалентом этих понятий — «Шаттл», а вся программа по их развертыванию — программой создания «космических челноков — паромов», или «Спейс-Шаттл».

Во время проходивших летом 1971 г. дебатов в конгрессе судьбу законопроекта о выделении ассигнований на разработку программы «Спейс-Шаттл» решило фактически единогласное признание ее военной «целесообразности». Выступавшие особо подчеркивали,

что создание системы космических «паромов» полностью соответствует основным жизненным интересам США, поскольку только она позволит обеспечить их «безопасность» путем развертывания в космосе «необходимых» для этого систем оружия. Посвятивший анализу дебатов о космических «паромах» передовую статью журнал Национальной ассоциации американских менеджеров, близко связанный с военно-промышленным комплексом, также весьма положительно оценил решение законодателей, усматривая в программе «Шаттл» ключ к осуществлению планируемого США широкого военного проникновения в космос. «Шаттл», отмечал он, сейчас особенно нужен военным для получения уверенности в том, что разрабатываемые ими проекты создания космических систем оружия не будут сорваны только из-за того, что у США не окажется достаточных возможностей по выведению в космос больших партий грузов¹⁷.

Перед широкой общественностью необходимость принятия новой программы оправдывалась якобы обещавшейся ею экономичностью, резким снижением стоимости переброски полезного груза в ближний космос. На первый взгляд эти утверждения выглядели вполне весомо. Правда, значительные успехи в этом направлении были уже достигнуты за счет усовершенствования ракет-носителей, их двигателей и топливных смесей. Если в начале космической эры стоимость выведения на орбиту одного килограмма полезного груза достигала миллионов и даже десятков миллионов долларов, то к началу 60-х годов она составляла в среднем около 100 тыс. долл., к началу 70-х — 10 тыс. долл. и к началу 80-х — 1.500 долл. Но все же и эти 1.500 долл., особенно учитывая объемы военных грузов, которые Пентагон намеревался переправлять в космос, оставались весьма значительной суммой. А система «Шаттл», как заявляли авторитеты, могла снизить ее всего до 250 — 300 долл. Масштабы освоения космоса, писал руководитель программы пилотируемых полетов НАСА Дж. Муелер, по необходимости лимитируются еще высокой стоимостью выведения грузов на орбиту, практической невозможностью возвращения на Землю однажды запущенных туда летательных устройств. Следующий шаг по овладению способностью действовать в космосе и из космоса США смогут сделать лишь после того, как будут созданы экономичные

устройства, пригодные в качестве средств челночной связи с космическими конструкциями типа орбитальных станций¹⁸. Буквально эти же доводы — о том, что корабли «Шаттл» произведут благодаря дешевизне их использования настоящий переворот в военном освоении США космоса, — были повторены впоследствии и президентом Никсоном в его заявлениях в защиту проекта.

Впрочем, вне соображений пропаганды все эти вопросы не слишком волновали Белый дом или Пентагон. Да и едва ли там всерьез думали об «экономии». Первые же полеты кораблей «Шаттл» подтвердили во многом блефовый характер делавшихся обещаний. Стоимость выведения на орбиту килограмма полезного груза превысила 1.800 долл., превзойдя, таким образом, даже достигнутые уже ракетами-носителями средние показатели. Но если в рекламировавших программу «Шаттл» заявлениях американских политиков и военных рассуждения об «экономии» и были насквозь фальшивыми, то высказывавшаяся в них же забота о физическом наращивании военного проникновения в космическое пространство действительно стала основой для разработки этой программы. Только система «Шаттл», запуски кораблей которой благодаря возможности их многократного использования предполагалось наладить по еженедельному графику, обещала решение стоявших здесь проблем. По расчетам специалистов, если потенциальные возможности США по выведению грузов в космос с помощью ракет-носителей не поднимались к началу 80-х годов выше 20 т в год, то с введением в действие этой системы они должны были возрасти к середине десятилетия до 600 т и в общей сложности позволить Пентагону перебросить в космос к концу десятилетия приблизительно до 3.000 т военных грузов. А именно подобные и, будь на то его воля, еще большие темпы наращивания таких возможностей были совершенно необходимы Пентагону для претворения в жизнь намечавшихся даже на обозримое будущее планов военного «прорыва» США в космическое пространство.

Вне сомнений, не имея доступа к секретным сейфам Пентагона, составить исчерпывающее представление об этих планах не представляется возможным. Однако даже

тех откровений, которые можно почерпнуть из официальных докладов его руководства конгрессу, заявлений для прессы, делающихся в целях зондажа общественного мнения «утечек» информации и инспирируемых через различные организации публикаций о тех или иных якобы самостоятельно разработанных проектах, вполне достаточно, чтобы представить вынашиваемые здесь замыслы. Еще весной 1981 г. законодателям на Капитолийском холме было предложено рассмотреть возможность утверждения проекта военного ведомства о создании орбитальной системы ПРО. В составленном с этой целью специальном докладе Пентагона утверждалось, что США будет достаточно вывести в космос десяток военных орбитальных станций, оснащенных сотней установок «ключей смерти», чтобы с помощью этой системы приобрести способность к «гарантированной» защите от советского ответного удара даже в том случае, если и после американского ядерного нападения на СССР он сможет контратаковать США массированным запуском тысячи своих межконтинентальных баллистических ракет. Затем мяч был отпасован отставному генералу Д. Грэхэму, бывшему начальнику разведывательного управления министерства обороны, сменившему свой прежний статус на пост сопредседателя одной из лоббистских организаций военно-промышленного комплекса «Коалиция за мир с позиции силы». И тот не стал мелочиться, предложив с ходу использовать корабли «Шаттл» для переброски в космос всех необходимых конструкций, из которых там можно было бы собрать командный пост и военный порт для пилотируемых космических истребителей, способных выводить из строя советские ракеты ответного удара непосредственно после их старта с пусковых установок наземного или подводного базирования. Следующей на очереди оказалась близкая к Белому дому дремуче-консервативная организация «Хэритедж фаундейшн». Разработанный под ее эгидой проект космической ПРО предусматривает выведение в космос уже 432 так называемых «грузовиков», на борту которых предполагается разместить 21.600 ракет с перехватчиками, оборудованными инфракрасной системой наведения, подобных тем, которые испытываются центром противокосмической обороны НОРАД — теперь уже Объединенным командо-

ванием аэрокосмической обороны Северной Америки — на истребителях Ф-16.

Пентагон торопится. Еще не приняты окончательные решения, а в ходе первых же полетов аэрокосмического корабля «Колумбия» в рамках программы «Шаттл» в соответствии с проектом «Талон» уже проведена серия предварительных испытаний прицельного устройства для лазерных средств поражения в космосе и из космоса. С точки зрения специалистов, эти эксперименты во многом могут оказаться решающими, поскольку выведенный на орбиту лазер должен быть способен точно наводить генерируемый им световой луч на ракеты и стратегические бомбардировщики противника, которые могут оказаться удаленными от него на сотни или даже тысячи километров.

Американская пресса полна восторгов перед открывающимися таким образом перспективами. И не только пресса — как утверждают некоторые источники информации, президент Рейган сообщил уже нескольким сенаторам, что и у него они вызывают чувство оптимизма. Более того, выступая на военно-воздушной базе Эдвардс, где проходила церемония встречи экипажа, совершившего четвертый полет на борту корабля «Колумбия», Рейган прямо заявил, что его правительство будет готовиться к ведению войны в космосе¹⁹.

И эти слова не расходятся с делом. Из разработанной в Белом доме директивы о новой политике США в исследовании и использовании космического пространства на предстоящее десятилетие следует, что подготовка к такой войне становится одной из первостепенных национальных задач страны. С целью облегчения президенту принятия «соответствующих и своевременных» решений в этом плане учреждена так называемая межведомственная координационная комиссия по космосу. Ее первым председателем стал помощник президента по национальной безопасности У. Кларк, а постоянными членами — руководители или высокопоставленные представители министерства обороны, комитета начальников штабов, ЦРУ, государственного департамента. Где-то в конце списка затерялось Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, все более утрачивающее даже формально статус самостоятель-

ной организации — достаточно сказать, что после прихода к власти правительства президента Рейгана на пост заместителя его директора был назначен бывший министр ВВС США Г. Марк, а на пост руководителя проекта «Шаттл» — генерал Дж. Абрамсон, бывший руководитель проекта по созданию истребителя Ф-16.

Был осуществлен и ряд других мер организационного характера в вооруженных силах. С 1 сентября 1982 г. в составе ВВС США начало действовать «космическое командование», в обязанности которого, в частности, входит курирование программы «Шаттл», а также различных проектов по развертыванию систем оружия в космосе. Предполагается, что в дальнейшем это командование будет развернуто в «объединенное» для армии, ВМС и ВВС США. В конгресс даже поступил законопроект о создании на основе американских военно-воздушных сил военно-космических сил США.

Последним зловещим мазком в этой картине подготовки США к ведению войны из космоса стало сделанное в конце марта 1983 г. президентом Рейганом официальное заявление о далеко идущих планах Вашингтона по разработке широкомасштабной и высокоэффективной противоракетной обороны. Комментируя это заявление президента, Ю. В. Андропов в интервью журналу «Шпигель» подчеркнул, что «авантюризм и опасность всей этой затеи в том, что расчет здесь делается на безнаказанность, на то, чтобы нанести первый ядерный удар, полагая, что могут обезопасить себя от ответного удара. Тут недалеко и до соблазна потянуться к пусковой кнопке».

13

Но злобные радости редко бывают полными, и сегодня в Вашингтоне не многие предаются безудержному ликованию по поводу пусть даже самых радужных прогнозов о появлении «заядерного» оружия. Американские стратеги уже теперь начинают опасаться, не ожидает ли их в космосе какой-либо новый «тупик». Опыт прежних попыток приобретения способности к нанесению «первого удара» не мог не оставить в их сознании тревожной

неуверенности, заставляющей временами задумываться о возможной реакции СССР на угрозу появления в арсенале США такого оружия.

Одним из возможных вариантов такой реакции, как это видится в Пентагоне, может стать выведение в космос также и советской системы ПРО, использующей в качестве средств поражения установки излучения направленной энергии. Если это произойдет до того, как США будут готовы к нанесению по СССР «превентивного» удара, его эффективность может оказаться довольно незначительной — ведь будет потеряно само преимущество внезапности. Не исключает Пентагон и того, что реакцией СССР может стать и выведение в космос таких систем обороны, которые позволят ему немедленно вслед за предпринятым на него ракетным нападением вывести из строя или полностью уничтожить американские спутники — носители лазерных средств поражения советских ракет ответного удара.

Предотвратить подобное развитие событий, не допустить хотя бы на этот раз потери драгоценных преимуществ опережающего «прорыва» на новые высоты военно-технических возможностей, первоочередного освоения «заядерных» систем стратегического оружия — к этому сводит сейчас Вашингтон многие из своих представлений о достижении «решающего» военного превосходства. Отсюда проистекает и становящееся уже навязчивой идеей стремление получить в свое распоряжение все необходимые средства пресечения нежелательных для США действий СССР в космическом пространстве, другими словами, пресечения его возможных попыток не допустить приобретения там односторонних военных преимуществ самими Соединенными Штатами.

14

Вполне рефлексорное желание сбивать советские спутники возникло у американских милитаристов одновременно с появлением их на орбите. Напомним, что предложения сбить первый советский спутник выдвигались кое-кем в США сразу после его запуска. В том же 1957 г. конгрессом были выделены и первые ассигнования на

программу по изучению возможностей создания спутника-перехватчика. К 1961 г. ВВС США разработали опытный образец такого спутника, сокращенное наименование которого «Сейнт», т. е. «Святой», было затем из-за протестов богословов изменено на более прозаическое «621-А», или «Программа 706». В соответствии с заявлением президента Джонсона, одна из первых экспериментально функционировавших систем космического перехвата была опробована Пентагоном осенью 1964 г. В начале 1968 г. министр обороны Макнамара подтвердил, что США в «определенных пределах» располагают способностью перехватывать и уничтожать советские спутники. Подобные же заявления делались высокопоставленными представителями Пентагона и в последующие годы. Однако отсутствие сколько-нибудь детальной информации о действительном положении в области строительства США противоспутниковых систем позволяло тогда судить лишь весьма приблизительно о их военно-технических характеристиках. Можно говорить лишь предположительно, что первоначальные замыслы выводить из строя вражеские спутники, например, с помощью выброса мельчайших стальных шариков или других твердых частиц на встречных орбитах уступили в дальнейшем место идеям об оснащении спутников-перехватчиков лазерными средствами поражения или специальной электронной аппаратурой, способной контролировать или нейтрализовать функциональную деятельность других спутников. Такие спутники-перехватчики могут выводиться на орбиты, близкие к орбитам блокируемых спутников, или даже пристыковываться к последним, не оказывая при этом заметного влияния на их локационные или орбитальные характеристики. Используя эти их особенности, указывают американские специалисты, операции по «выключению» советских спутников, то есть фактически по их уничтожению, могут проводиться таким образом, что их выход из строя будет выглядеть как происшедший под влиянием тех или других естественных причин.

Признаки подобной же «деликатности» в американском подходе к этим вопросам сохранялись еще некоторое время и впоследствии. В начале апреля 1977 г. в прессу просочились сообщения о том, что Пентагон пред-

ставил конгрессу США доклад об осуществляемой им сверхсекретной программе по созданию более совершенных средств уничтожения советских спутников. Учитывая растущее значение космоса для ведения военных операций, подчеркивалось в докладе, разработка этой программы будет осуществляться в дальнейшем еще более быстрыми темпами, с тем чтобы первые испытания новой системы оружия можно было бы провести на рубеже 80-х годов и развернуть ее в оперативно действующую в первой половине нового десятилетия. При всем при том пентагоновцы, возможно, чувствуя некую стеснительность от сознания того, что они прямо нарушают своими действиями положения договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, под которым стоит подпись и США, рекомендовали законодателям в том же докладе «в интересах национальной политики США» не предавать гласности эти сведения²⁰.

Но вскоре от этой раздвоенности не осталось и следа. При президенте Картере США прервали переговоры с СССР об ограничении или запрещении противоспутниковых систем, а правительство президента Рейгана, как уже говорилось выше, открыто провозгласило в своей военной программе и директиве о новой политике США в космосе подготовку к ведению там военных действий, в том числе и на уровне противоспутниковых систем, одной из «национальных задач» Соединенных Штатов. В соответствии с этим министром обороны Уайнбергером было, в частности, отдано распоряжение ВВС США «принять» в течение ближайших пяти лет на вооружение систему противоспутникового оружия, которая, как подчеркивалось, позволила бы по выбору нейтрализовывать или уничтожать космические системы противника. В мирное время, было разъяснено американской прессой, США могут «ограничиться» и «простым инспектированием» советских «подозрительных» спутников прямо на орбите или в специальных центрах, для чего они будут доставляться на Землю в грузовом отсеке кораблей «Шаттл». Во время четвертого полета «Колумбии» астронавты Т. Маттингли и Г. Хартсфлид провели первые испытания дистанционного манипулятора — «механической руки», с помощью которой, возможно, и предполагается осу-

шествовать подобные операции. Справедливость этого предположения подтвердилась и во время полета другого корабля «Шаттл» — «Чэлленджера». В июне 1983 г. его экипаж с помощью такого манипулятора «снял» с орбиты один из пока еще своих собственных, американских спутников.

Итак, за еще только начатым США новым витком гонки вооружений в космосе, уже все более обретающим видимые материальные формы, маячит следующий — создание систем оружия, предназначенных для уничтожения советских систем оружия, предназначенных для уничтожения американских систем оружия, предназначенных для нейтрализации советских систем оружия ответного удара...

Вся эта цепочка выглядит бесконечной не только на бумаге. И если бумага терпит, то будет ли мир расположен терпеть эту дьявольскую карусель бесконечно долго — вот вопрос, который пока еще ждет своего ответа.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВАШИНГТОНСКИЕ
«МИРОЛЮБЦЫ»**

Глава VII

ОСВ И НЕЧТО

1

Читатель, вероятно, заметил, что, анализируя развитие американских военно-политических концепций и предпринимавшиеся США усилия по их практическому претворению в жизнь, мы не рассматривали ту сторону внешнеполитической деятельности Вашингтона, которая касается его участия в разработке и установлении международных, прежде всего американо-советских, обязательств по ограничению стратегических вооружений.

Это и понятно. Общеизвестно, что США шли на подписание подобных соглашений под сильным давлением мирового общественного мнения, когда складывавшаяся международная обстановка настоятельно требовала от Вашингтона продемонстрировать свое «миролюбие». Не случайно, например, что подавляющее большинство американо-советских соглашений по сдерживанию и ограничению стратегических вооружений, в том числе и московские соглашения 1972 г., были подписаны Вашингтоном в годы американской агрессии во Вьетнаме.

Датировка многих соглашений совпадает также с периодами предвыборных кампаний, когда находившиеся у власти президенты стремились создать в глазах избирателей ореол «миролюбцев», чтобы получить повторный мандат на занятие кресла в Белом доме или обеспечить приход туда очередного кандидата от своей партии.

Обычно подобный образ действий, с поправкой на то, что подписать те или иные соглашения обещалось после прихода к власти, демонстрировали и кандидаты от оппозиционной партии. Эта традиция была, правда, нарушена в ходе последних выборов, когда кандидат от республиканской партии Рейган начал прокладывать себе дорогу в Белый дом в откровенно милитаристском стиле.

Но сказать только это — значило бы сказать очень мало.

2

Идеологические основы принципиальной неприемлемости для Вашингтона состояния мирного сосуществования со странами социализма, а следовательно, и договоренностей с ними о взаимном разоружении или контроле над вооружениями были сформулированы еще в первые послевоенные годы в директиве СНБ-20/1 «Американские цели по отношению к СССР». Мирное сосуществование и сотрудничество «некоммунистического мира» с суверенными и независимыми коммунистическими правительствами, писали ее авторы, не представляется возможным, так как в конечном итоге оно не соответствует интересам ни одной из сторон. Состояние конфликта на уровне международных отношений объявлялось неизбежным на все последующие времена до достижения военной «победы» над СССР, и даже случайные дружеские связи между частными лицами из стран «свободного мира» с людьми в «коммунистическом мире» подвергались суровому осуждению как явление отрицательное, «не могущее способствовать прогрессу человечества»¹. Переговоры о контроле над вооружениями с «потенциальным противником», то есть с СССР, стали в принципе допускаться лишь позднее, с начала 50-х годов, но и то только как средство завоевания общественной поддержки программ военного строительства или формального и юридического фиксирования «отступления» СССР от его «притязаний» на установление равенства военных паритетов с США². Считалось, что вне этих рамок состояние мирного сосуществования, как и военная разрядка, могут служить лишь интересам СССР, стать его наиболее эффективной «наступательной тактикой», лучшим средством «подрыва существующей структуры» Запада³.

Американский империализм никогда не согласился бы пойти на подписание отвечающих принципам равной безопасности обеих сторон соглашений с СССР, если бы этого определенным образом в какой-то период не потре-

бовали его собственные не только политические, но и военные интересы. Именно эти побудительные мотивы и были положены в основу действий правительства президента Никсона, в годы правления которого в Белом доме были достигнуты наиболее впечатляющие успехи в разработке и подписании американо-советских соглашений по ограничению стратегических вооружений.

Вынужденный отказ США от надежд на приобретение «решающего» военного превосходства путем достижения простого численного перевеса в ракетах стратегического назначения, перестройка программы стратегических вооружений в соответствии с требованиями концепций «оружия первого удара», а затем и «интегрированного оружия» привели начиная с середины 60-х годов к постепенной потере Вашингтоном интереса к безудержному количественному наращиванию своего ракетно-ядерного арсенала, стремлению получить возможность «спокойно» сосредоточиться на разработке и развертывании новых, качественно более совершенных систем стратегического оружия.

В этих условиях вашингтонским политикам потребовалось получить гарантии в том, что в ответ на ожидаемые здесь успехи СССР не «поставит на конвейер», как этого опасались в Пентагоне, производство своих хотя и однозарядных, но уже полностью отлаженных ракет ответного удара.

Еще более сильным было желание получить подобные же гарантии относительно развертывания ракетно-ядерных средств противоракетной обороны. Несмотря на то что именно США были инициаторами в развязывании гонки вооружений и в этом направлении, они, потерпев крах в своих планах создания «интегрированного оружия» путем включения в него системы «Сэйфгард», стремились избавиться теперь от этой, повисшей на них, как гиря, чрезвычайно дорогостоящей, но малоперспективной программы.

Ведение переговоров и подписание соглашений с СССР об ограничении стратегических вооружений в те годы должно было, кроме того, как уже отмечалось выше, служить громоотводом против назревавшего не только во всем мире, но и в самих США чрезвычайно

опасного для Вашингтона антивоенного движения против американской агрессии во Вьетнаме. Афишируя и раздувая проявления своего «миролюбия» в совместном с СССР решении проблем ОСВ, Белый дом надеялся и действительно добился определенных успехов во внесении в ряды своих критиков известной неуверенности и колебаний.

3

Но даже будучи реально заинтересованным, в силу изложенных выше обстоятельств, в подписании конкретных договоренностей по ограничению стратегических вооружений, Вашингтон не намеревался, конечно, превращать их в неудобный для себя тормоз в тех направлениях гонки вооружений, которые рассматривались им как «перспективные».

Еще на подходах к переговорам были разработаны и теоретические положения, заранее оправдывавшие подобную позицию.

Основным постулатом здесь стало бездоказательное утверждение, что любые договоры об ограничении вооружений обречены на неизбежное устаревание, подчас еще до их вступления в силу. Быстрое развитие научных и технических знаний, писал, выступая в защиту этой теории, такой солидный журнал, как «Форин афферс», с обескураживающей закономерностью ведет к умалению или даже полному обесмысливанию наиболее далеко идущих соглашений по контролю над вооружениями. Соглашения такого рода, подчеркивал он, по самой своей природе не способны предусмотреть появления новых, неизвестных еще типов оружия, а следовательно, и помешать их разработке и развертыванию⁴. Известно, что восхождение Г. Киссинджера по лестнице правительственной карьеры также началось с выдвижения им ряда военно-теоретических положений, оправдывающих гонку вооружений, в том числе и идеи о том, что темпы научно-технической революции и, как ее побочного результата, военно-технической революции всегда будут неизменно и неизмеримо опережать темпы разработки и принятия

международных соглашений по ограничению стратегических вооружений.

Развитие и обоснование этих идей стало излюбленным занятием и многих военных изданий. Так, офицious ВВС США «Эйр форс мэгэзин» приходил к выводу, что процесс гонки вооружений носит «фатальный» характер. Любая попытка замкнуть его на том или ином витке восходящей спирали может оказаться не только неосуществимой, но и опасной, так как нельзя «заморозить» гонку вооружений, если только не «заморозить» и сам научно-технический прогресс. Единственно возможным решением этой проблемы могло бы, конечно, стать всеобщее и полное разоружение. Но, с сожалением замечал журнал, подобные планы всегда будут оставаться утопией, пока в мире существуют коммунистические страны и пока СССР «угрожает» самому существованию США и всех других стран «свободного мира»⁵.

Эти оценки возможной роли соглашений об ограничении вооружений оставались практически неизменными и в последующие годы. Именно они использовались Вашингтоном для обоснования дальнейшей интенсификации гонки стратегических вооружений и после подписания московских соглашений 1972 г. Многие видные американские военные теоретики и комментаторы даже находили, что вся ценность этих соглашений заключается совсем не в том, что они что-то там ограничивают, а в том, что они ни в коей мере не мешают и не будут мешать США в их стремлении к достижению неоспоримого военного превосходства. Более того, утверждали они, московские соглашения будут даже стимулировать борьбу за опережающее создание и развертывание более совершенных систем стратегического оружия. Ведь ограничивая количественные показатели некоторых видов стратегического оружия, которые могут иметь в своих арсеналах участники этих соглашений, они тем самым направляют их усилия в русло качественной гонки вооружений.

Неудивительно, что это неприятие Вашингтоном принципов военной разрядки, выражавшееся в жестко обозначенном стремлении сохранить за собой «право» на гонку вооружений за рамками согласованных с СССР

ограничений, начало распространяться затем и на сами эти ограничения, которые третировались со всевозрастающим пренебрежением.

Начать с того, что предпринятая Пентагоном вскоре после подписания соглашений ОСВ-1 разработка программ строительства и развертывания модифицированных систем наступательного стратегического оружия не могла уже с самого начала не вести к противоречиям между положенными в их основу планами перестройки структуры ракетно-ядерного арсенала США и выполнением условий этих соглашений. Так, например, решение о строительстве новой ракетной системы подводного базирования «Трайдент» неизбежно должно было повести к значительному возрастанию общего числа американских подводных ракетоносцев, что, в свою очередь, потребовало бы пересмотра или привело бы к нарушению фиксированного для них в московских соглашениях численного «потолка».

Обещания Белого дома выйти из положения путем демонтажа соответствующего числа «устаревающих» подводных лодок систем «Поларис» — «Посейдон» не выглядели, конечно, сколько-нибудь убедительными, что и подтвердила встреча во Владивостоке. На ней с полной очевидностью выявилось стремление Вашингтона обеспечить себе в дальнейшем свободу рук в наращивании стратегических наступательных сил подводного базирования, менее уязвимых для ответного советского удара и потому, по убеждению Пентагона, более пригодных для осуществления на практике новых концепций Вашингтона о ведении «ограниченных контрсилowych» ядерных войн против Советского Союза. Именно поэтому во Владивостоке было подчеркнуто, что стороны получают право впредь иметь в своих арсеналах устанавливаемое ими самими число носителей ядерного оружия любых видов базирования, в том числе и подводного, при соблюдении лишь согласованного общего «потолка» численности пушковых установок такого оружия.

Однако даже это основное условие всех договоренностей в рамках ОСВ было, как стало известно впоследствии, нарушено Вашингтоном еще до владивостокской встречи. По инициативе министра обороны Лэйрда, «законным» средством его обхода была избрана идея

использовать в качестве дублеров носителей стратегического назначения крылатые ракеты новых образцов, программа производства которых и была негласно утверждена Вашингтоном. Лэйрд же первым высказал и мысль о том, что впоследствии, когда это станет желательным, США смогут воспользоваться внедрением таких ракет на вооружение для того, чтобы основательно торпедировать процесс военной разрядки.

Такое политическое решение, как известно, и было принято правительством президента Форда. В числе прочих обструкционистских действий Вашингтона оно стало одной из серьезных причин, вследствие которых переговоры по ОСВ-2 затянулись почти на пять лет, а в дальнейшем — с принятием американских планов размещения на территории западноевропейских союзников США по НАТО крылатых ракет и баллистических ракет «Першинг-2» — главным камнем преткновения на пути военной разрядки.

Впрочем, в Вашингтоне говорить пренебрежительно об ОСВ открытым текстом начинают еще раньше. Подписание московских соглашений ни в коей мере не изменило формулирования официально выдвигавшихся там притязаний на достижение военного «превосходства» — с ОСВ или без ОСВ, безразлично. Можно напомнить, что сразу же после возвращения из Москвы в июне 1972 г. президент Никсон выступает против «неквалифицированных» советов американских сторонников разрядки пойти на сокращение военных расходов или, в крайнем случае, сохранить их на уже достигнутом уровне. Подобные предложения, заявляет он, если бы они были приняты правительством, привели бы лишь к скатыванию США на позиции «второстепенной» военной державы.

Защищая этот тезис, Никсон идет так далеко, что даже солидаризируется с сенатором Джексонсом, объявившим «крестовый поход» против ратификации соглашений. Публично отмежевываясь от этой акции по «этическим» соображениям, он, тем не менее, объявляет, что «в принципе» разделяет мнение Джексонса о необходимости «компенсировать» нанесенный подписанием московских соглашений «ущерб» обороноспособности США удвоением усилий по наращиванию их военной мощи.

Он, правда, предлагает не превышать здесь «достаточного» уровня. Но и это не новый ход; заместитель министра обороны Дэвид Паккард как-то доверительно признался корреспондентам, что в Белом доме изобрели «достаточность» потому, что это просто очень удобное слово, а так оно «ни черта не значит».

Но и это не совсем так. На самом деле, в соответствии с реально вкладывавшимся вашингтонскими политиками в это слово смыслом, «достаточность» понималась ими как достижение и поддержание Соединенными Штатами совершенно очевидного военного превосходства. И взятые Вашингтоном в Москве обязательства, утверждали они, ни в коем случае не должны препятствовать достижению этой цели.

Это же самое от имени правительства было откровенно разъяснено в конгрессе и министром обороны Лэйрдом, потребовавшим от законодателей оказать самую широкую поддержку новой военной программе Пентагона, предусматривавшей разработку и развертывание ряда дополнительных систем стратегического оружия. Подозревая, что конгресс отреагирует на этот призыв без достаточного энтузиазма, Лэйрд даже пригрозил сорвать ратификацию московских соглашений. До этого не дошло, но можно быть уверенным, что так бы оно и было, окажись подозрения Лэйрда хоть в малой доле обоснованными.

По словам сенатора Фулбрайта, он был совершенно потрясен, когда, наблюдая действия Лэйрда, с полной ясностью убедился, что правительство Никсона видит в московских соглашениях не начало конца гонки вооружений, а начало ее продолжения на новом, еще более расширяющемся витке⁶.

Желая того или не желая, это подтвердил и сам президент Никсон. На пресс-конференции в Белом доме он заявил журналистам, что убежден в правоте своего министра обороны. Возвращаясь к вопросу в открытом письме лидерам обеих фракций в сенате, он писал, что, по его убеждению, любое не оправдываемое какими-либо объективными трудностями воздержание Соединенных Штатов от разработки и развертывания таких систем стратегического оружия, которые они только в силах создать, может дорого обойтись США через десять или

пятнадцать лет, когда обнаружится, что они утратили способность защищать свои интересы «с позиции силы»³.

5

И все-таки подписание московских соглашений привело к улучшению американо-советских отношений. А внутри самого американского общества это не могло не вести и к некоторому размыванию идеологии антисоветизма. Одного этого было уже достаточно, чтобы «сговор» с Москвой начал рассматриваться американским империализмом как серьезная политическая ошибка Никсона, и его карьера оказалась предрешенной. Дело заключалось не в его персональной непригодности — предложенная его правительством новая военная программа была даже оценена как вполне удовлетворительная. Но участие Никсона в подписании соглашений ОСВ-1 не могло не ограничивать его возможностей по возрождению курса «холодной войны», и это делало его дальнейшее пребывание в Белом доме нежелательным. Его попытки бороться за власть только ускорили падение, хотя оно могло бы прийти к нему и не обязательно в виде «Уотергейта».

«Проклятие» ОСВ преследовало и президента Форда. Стремясь сбросить его с себя, он усиливает процесс торжества военной разрядки, затягивает переговоры по ОСВ-2, идет почти на открытое нарушение согласованного принципа не стремиться к достижению односторонних военных преимуществ, тем более если это достигается в обход принятых на себя сторонами обязательств. Правда, внутриполитические и партийные соображения вынуждают Форда принять участие во владивостокской встрече 1974 г., но он торопится продемонстрировать свою фактическую непричастность к политическому наследию Никсона. Начав с выдвижения формулы «мир на основе силы», он кончает объявлением правительственного решения о развертывании производства «крылатых ракет». И если бы не волна протестов со стороны мирового и американского общественного мнения, которая заставляет его пойти на пересмотр этого решения, переговорам по ОСВ был бы нанесен почти фатальный удар еще в то время.

Все это позволяет Форду избежать своего «Уотергейта», но его виды на переизбрание, на что он имел все основания рассчитывать, оказываются также неосуществленными. Не потому, что он чем-то не устраивал тех, от кого это зависело, а потому, что эти «те» предпочли видеть в Белом доме человека, руки которого не были бы даже косвенно связаны причастностью к «неудачным зигзагам» правительства Никсона. Так в Овальном кабинете появился мало кому известный и совершенно «ничем не связанный» президент Картер.

6

Подобный резкий поворот курса США в отношении достижения с СССР определенных договоренностей по ограничению стратегических вооружений имел под собой и еще одну глубинную причину. Московские соглашения не принесли желаемых «гарантий» в том, что СССР будет топтаться на уже достигнутых уровнях военного строительства, в то время как сами США станут быстро продвигаться к достижению «превосходящих» военных возможностей, поднимаясь все выше по расширяющимся виткам качественного совершенствования систем стратегического оружия. А без этого принятые на себя в Москве обязательства только тяготили и все больше раздражали американских империалистов, тем более что с окончанием войны во Вьетнаме значительно снизилась нужда в использовании переговоров по ОСВ в качестве миротворческой маски. С президентским мандатом на Картера легла и беспрекословно выдвигавшаяся задача покончить с возникшими таким образом противоречиями, возродить дух «холодной войны» и если и не рвать совершенно с идеей ОСВ открыто, то использовать переговоры в дальнейшем лишь в целях, которые, как мы видели, были четко обозначены в отношении принципов сосуществования и разрядки в первые же послевоенные годы.

И президент Картер действительно сделал все, что было в его силах, чтобы исправить «ошибки» своих предшественников. То драгоценное обстоятельство, что он не принадлежал к их партии, позволило новому президенту, «не теряя лица», по разумению вашингтонских

политиков, сделать попытку сразу же отмежеваться от взятых на себя американской стороной во Владивостоке обязательств. США, заявляет Картер, могут признать лишь «отдельные элементы» этих обязательств, поскольку в своей совокупности они идут вразрез с интересами безопасности Соединенных Штатов и были «навязаны» американской стороне Москвой лишь благодаря проявленной президентом Фордом «мягкотелости».

Последовавший вслед за этим «силовой» вояж государственного секретаря Вэнса весной 1977 г. в Москву вообще поставил под угрозу дальнейшие переговоры по ОСВ-2. По признанию помощника президента по национальной безопасности Бжезинского, Вэнс и не имел другой задачи. Планируя его визит в Москву, в Белом доме исходили из расчета, что направленные с Вэнсом предложения просто не могут быть приняты в качестве основы для переговоров ни одним мало-мальски уважающим себя государством.

В то же время и при всем при том отказ советской стороны вести переговоры на основе этих условий был использован президентом Картером для высказывания «сомнений» в действительной готовности СССР к успешному завершению переговоров по ОСВ-2, а эти «сомнения», в свою очередь, — для обоснования решений, связанных с производством нейтронного оружия и «крылатых ракет». Демонстративное взятие Вашингтоном линии на срыв разрядки вскоре подтвердил и «президентский меморандум № 10» с выдвигавшейся в нем концепцией «ограниченной» ядерной войны против СССР. В течение всего последующего периода вплоть до венской встречи на высшем уровне происходившие изменения в позиции Вашингтона по отношению к переговорам по ОСВ-2 продолжали носить неприкрыто негативистскую направленность. Кульминационным пунктом этого процесса стало выступление президента в Уэйк-Форест о «важной переоценке» американской военной стратегии. Применительно к ОСВ-2 суть ее, в последующем разъяснении министра обороны Брауна, сводилась к тому, что ограничение стратегических вооружений переставало рассматриваться Вашингтоном даже официально в качестве «единственной или главной цели» США в ведении таких переговоров и что отныне любые достигнутые в их

ходе соглашения с СССР должны, прежде всего, отвечать новому главному к ним требованию — обеспечивать военное «превосходство» Соединенных Штатов⁸.

Наступление предвыборной кампании с ее заботами о сохранении за собой кресла в Белом доме принесло все же некоторую временную смену декораций. Причины для этого были самые банальные и диктовались простой необходимостью для президента Картера сбить нараставшую критику правительственного военного курса, каким-либо «миролюбивым» деянием обеспечить себе голоса и тех избирателей, сознание которых не успело еще в достаточной мере «прийти в норму» под воздействием массивной милитаристской и антисоветской идеологической обработки. Таким образом, неожиданно оказалось, что завершение переговоров по ОСВ-2 не является столь уж безнадежным предприятием. За считанные дни встречи на высшем уровне в Вене «неразрешимые» вопросы были согласованы и договор об ограничении наступательных стратегических вооружений подписан.

Человеку прямодушному легко могло даже показаться, что такому повороту событий искренне порадовался и сам президент Картер. Во всяком случае, комплиментов договору и самому себе за его подписание им было отпущено более чем достаточно. Однако та своеобразная тактика «защиты» договора, которой следовал Картер, едва ли действительно могла способствовать ратификации ОСВ-2.

Картер надевает новую маску — «встревоженного миротворца». С одной стороны, он многократно повторяет, что ОСВ-2 представляет собой самый детальный, самый далеко идущий и самый всеобъемлющий договор за всю историю попыток установления контроля над вооружениями, договор, который сделает жизнь на земле безопасной для обеих сторон, уменьшит возможность возникновения ядерной войны, станет неременным условием для того, чтобы перейти к более глубоким и серьезным сокращениям стратегических вооружений в рамках ОСВ-3. Но одновременно с этими дифирамбами договору Картер все более настойчиво проповедует уже привычные лозунги о необходимости «модернизировать и укреплять» американскую вооруженную мощь, доби-

ваться военного «превосходства» над СССР, действовать по отношению к нему «с позиции силы». И если первые призывы так и остаются ничем практически не подкрепляемыми риторическими сотрясениями воздуха, то вторые принимают весьма материальную форму — правительство дает «зеленый свет» программам «МХ» и «Трайидент», организации различных антисоветских провокаций типа фабрикации «проблемы» о пребывании советского военного персонала на Кубе, выдвижения и энергичного навязывания европейским союзникам США по НАТО планов размещения на территории их стран американских крылатых ракет и баллистических ракет среднего радиуса действия.

Можно предположить, что, поступая таким образом, Белый дом рассчитывал на то, что избранная им тактика окажет преобладающее негативное влияние на ход дебатов по договору в конгрессе и законодатели откажутся его ратифицировать. Тогда, оставаясь сам в стороне, президент Картер мог бы торжествовать победу, ни на йоту не поступившись при этом так необходимой ему репутацией «миротворца». Но неожиданно для него осуществлявшая предварительное рассмотрение положений договора сенатская комиссия приняла все же, по ряду соображений, решение рекомендовать конгрессу одобрить его. Дальнейший ход событий мог оказаться еще более непредсказуемым, а Картер не мог рисковать. Пришлось вмешаться самому. Воспользовавшись в качестве предлога событиями в Афганистане, он распорядился отложить на неопределенное время окончательное рассмотрение договора.

Поскольку миротворческие мотивы начинают звучать теперь совсем фальшиво, Картер и вовсе теряет к ним интерес. Почти сразу же после сделанного им распоряжения относительно дебатов по ОСВ в конгрессе он объявляет о принятом правительством новом решении по дальнейшему наращиванию американской военной мощи, провозглашает «право» США на вооруженное вмешательство в любом регионе мира. Начало последнего года своего президентства Картер встречает посланием к нации, в котором сообщается, что США вновь берут на себя «руководящую роль» в мире и следует быть готовыми заплатить любую цену, чтобы остаться «сильнейши-

ми». Оценивая свою собственную лепту в достижении этого, он с удовлетворением отмечает, что за время нахождения его правительства у власти не было года, когда не достигалось бы увеличения военных ассигнований, ему же принадлежит и поистине «гениальная» идея придать этому росту в будущем «плановый» характер, исключив таким образом какие-либо нежелательные случайности. Наконец, фактически под занавес своей правительственной деятельности, когда вопросы предвыборной борьбы почти не оставляют ему времени для чего-либо другого, он все же умудряется проследить за разработкой и подписать «президентскую директиву № 59», цинично перечеркивающую достигнутые ранее договоренности по ОСВ, и прежде всего — согласие США и СССР не стремиться к достижению для себя военного превосходства.

7

Приход к власти нового правительства президента Р. Рейгана совпал с уже развернувшимся к этому времени в полную силу открытым наступлением американского империализма на разрядку, всплеском внутренне присущих ему агрессивности и авантюризма в мировой политике. Давало себя чувствовать и общее «похолодание» международного климата. Осуществлявшаяся в этом плане предварительная подготовка, которую так усердно проводили предшественники Рейгана, начинала приносить наконец свои плоды, и это позволило ему расчищать себе путь в Белый дом, не потев под всегда неприятной бутафорской маской очередного «миротворца».

Предвыборная платформа республиканцев оказалась настолько откровенно милитаристской, что демократы, вновь поддавшись искушению, попытались даже использовать это обстоятельство в своих целях, утверждая, что бывший киноактер, как это и свойственно представителям богемы, продолжает еще жить в мире фантазии, не замечая происшедших с момента потери США атомной монополии изменений в мировой расстановке сил. Но было уже поздно, так как именно на такого кандидата работал во время пребывания на посту президента и сам Картер. Ему оставалось теперь только утешаться этим и

приветствовать вступившего в Белый дом под дробь военных барабанов нового, сорокового по счету президента США.

8

Одной из поразительных особенностей общественной жизни в США является то, что американские политики, оставшись не у дел, начинают подчас высказывать здравые суждения. Конечно, за этим нередко стоят партийные и просто карьеристские соображения, но суть дела от этого не меняется. Целых 20 лет, скажет в преддверии промежуточных выборов в конгресс бывший вице-президент У. Мондейл, человек, ныне занимающий пост президента США, решительно выступал против любых предлагавшихся или подписанных американо-советских соглашений по ОСВ. Он был против договора о запрещении ядерных испытаний, против договоренностей в рамках ОСВ-1 и против Договора ОСВ-2. С тех пор как он оказался в Белом доме, правительство не провело ни одного серьезного обсуждения с СССР по вопросам ограничения стратегических вооружений. В то же время разговоры о возможности «победы» в ядерной войне, об «ограниченной» ядерной войне, о «предупредительных» ядерных ударах стали обычными. И в основе всех этих потрясающих заявлений лежат такие, с позволения сказать, аргументы, как утверждения, что США отстают от СССР в наращивании своего военного потенциала, что им поэтому необходимо выиграть гонку вооружений, что русские вообще не заслуживают того, чтобы вести с ними переговоры, наконец, что ядерное оружие, если посмотреть на дело широко, не так уж и опасно. Все эти «аргументы» Мондейл тут же подвергает уничтожающей критике и легко доказывает их несостоятельность.

В журнале «Форин афферс» появится и более обстоятельная, академическая статья, в перечне авторов которой окажутся Дж. Кеннан, М. Банди, Р. Макнамара. Они выразят никогда, впрочем, не запоздалое сожаление о том, что США на протяжении всего послевоенного периода стремились и разрабатывали планы, чтобы «быть первыми, первыми — в нанесении ядерного удара»⁹. На-

стало время признать, пишут они теперь, что еще никому не удавалось доказать, будто использование ядерного оружия — пусть даже в самых небольших масштабах — может действительно остаться «ограниченным». Проводившиеся последнюю четверть века военные игры или сколько-нибудь серьезные анализы этого вопроса доказывают совершенно противоположное, а именно то, что любое так называемое «ограниченное» применение этого оружия повлекло бы за собой неисчислимые жертвы и разрушения.

Поставив себя в пример, неодобрительно отзовется об отношении президента Рейгана к ОСВ-2 бывший президент Никсон. И даже бывший президент Картер назовет политику Рейгана «однобокой», посетует, что она вызывает только страх даже у союзников США, и, наконец, признается, что его всегдашним внутренним убеждением была уверенность в стремлении советских руководителей жить в мире с Соединенными Штатами.

9

Что бы говорили все эти деятели, если бы президент Рейган и вправду стал действовать в соответствии с подобными советами? Остается надеяться, что то же самое. Но в складывавшейся ситуации проверить это не представлялось возможным. Еще до своего официального утверждения в должности президента Рейган с полной откровенностью дал понять, что, по его мнению, разрядка — это не более и не менее как «улица с односторонним движением», и устанавливаемые ею правила используются Москвой для осуществления своих тайных целей по созданию некоего «мирового социалистического или коммунистического государства». Этому мотиву он не изменял и впоследствии. На первой же пресс-конференции в Белом доме он, уже полноправный президент США, объявляет ратификацию Договора ОСВ-2 вопросом второстепенного значения, который может заслуживать внимания только в том случае, если Москва изъявит согласие пойти на принятие ряда политических требований. Выступая в конце мая 1981 г. на выпускной церемонии в академии Уэст-Пойнт, он доверительно со-

общает стоящим перед ним навывтяжку кадетам, что когда-то много лет назад он прочитал книгу своего хорошего друга Л. Бейленсона «Договор — это ловушка» и поразился, насколько полно она отражает и его убеждение в том, что любые договорные обязательства — это всего лишь «листки бумаги». На прощание он посоветовал новоиспеченным офицерам армии США, от которых в будущем, возможно, будет зависеть, переступить или не переступить «порог» ядерной войны хотя бы в той же Европе, почитать и новый опус Бейленсона «Выживание и мир в ядерный век».

Заглянуть в эту книгу стоит не только кадетам Уэст-Пойнта. Бейленсон считает, что «сдерживанием коммунизма» долго не проживешь. Война будет, и к ней надо готовиться. Ничего страшного в этом он не усматривает. По нему — так и копье ничем не приятнее ядерной бомбы. В конечном итоге американско-советское ядерное столкновение — это еще не всемирная катастрофа: «погибнет часть населения планеты, но это не приведет к полному уничтожению цивилизации»¹⁰. Бейленсона при этом мало смущает, что, по его же собственным подсчетам, в такой войне погибнет от 100 до 160 миллионов американцев. Что ж и говорить, чтение поучительное.

В меру отпущенных им возможностей пинали ОСВ-2 также государственный секретарь А. Хейг и министр обороны К. Уайнбергер. Корреспондентам Хейг то небрежно обещал, что американско-советские переговоры могут начаться «где-то в будущем году», а то вообще «не видел возможностей» для их возобновления. Если все же такие переговоры и начнутся, заявил он в сенатской комиссии по делам вооруженных сил, то США решительно намерены заключать последующие соглашения с «позиций обеспеченной и уверенной военной мощи»¹¹. Уайнбергер кокетничал вновь обретенной солдатской прямо-той. Начав пусть с примитивной и фальшивой, но все же хоть какой-то аргументации, будто Договор ОСВ-2 «несбалансирован и не способствует стабилизации», он скоро стал, как говорится, рубить сплеча, заявляя, что если переход к разрядке представляет собой прогресс по сравнению с «холодной войной», то США «не могут больше позволить себе такой прогресс»¹².

Тем не менее в Вашингтоне состоялись назначения

новых официальных лиц, которые вроде бы должны были взять в свои руки дальнейшие судьбы этого прогресса. К изумлению многих, директором так называемого агентства по контролю над вооружениями и разоружению стал профессор Ю. Ростоу. Тот самый Ростоу, которого — невиданное дело! — после его пребывания на посту заместителя государственного секретаря и приобретенной им скандальной славы «вьетнамского ястреба» не соглашался зачислить в свой штат ни один из ведущих американских университетов. Возглавляя «комитет по существующей опасности», Ростоу яростно атакует ОСВ-2. А получив наконец возможность делать это уже в качестве директора агентства, поразил даже пентагоновцев, заявляя, что атомные бомбежки Нагасаки и Хиросимы не помешали Японии «не только выжить, но и добиться процветания»⁴³.

Однако даже Ю. Ростоу, представитель демократической партии, не пришелся ко двору в Белом доме, хозяин которого предпочитает равняться на реакционеров и архимилитаристов из правого крыла республиканцев. Уже в середине января 1983 г. Ростоу был вынужден покинуть пост директора агентства, подав в отставку, по существу, по прямому указанию президента Рейгана.

Так ли после этого удивительно, что агентство по контролю над вооружениями и разоружению окончательно превратилось в свою полную противоположность — и теперь уже «ястребы» с восхищением и завистью взирают на то, как оно, вырвавшись вперед, предъявляет Москве еще более жесткие требования.

10

Восемнадцатого ноября 1981 г. президент Рейган выступил в вашингтонском национальном клубе печати с речью, которая заранее была разрекламирована американскими средствами информации в качестве «важнейшей инициативы» правительства в решении вопроса о размещении ядерного оружия средней дальности в Европе. «Инициатива» эта была не только попыткой чисто демагогического воздействия на умы западноевропейцев, выражавших все большие опасения, что чисто патологиче-

ское пристрастие Вашингтона к ядерному оружию как к единственному средству политики в отношении к СССР служит доминирующим мотивом и в его стремлении к размещению новых систем ядерного оружия в Европе, где оно будет использоваться «не как средство устрашения, а как средство ведения войны»¹⁴. Предпринимая ее, Вашингтон делал также и первый шаг на пути к «прямой конфронтации» с СССР пока еще на невоенном уровне.

В подписанном сторонами во время венской встречи в верхах совместном заявлении руководителей СССР и США устанавливалось, что одним из направлений дальнейших переговоров должно стать решение вопросов, зафиксированных в протоколе к Договору ОСВ-2. А как раз одним из таких вопросов и был вопрос о размещении в Европе крылатых ракет наземного базирования. На весь срок действия протокола, то есть до 31 декабря 1981 г., стороны обязывались не предпринимать никаких действий к развертыванию таких ракет и обсудить связанные с этим вопросы в ходе дальнейших переговоров. Приняв решение о дополнительном размещении в Западной Европе ядерного оружия средней дальности, Вашингтон нарушил эту договоренность. А теперь, за месяц до истечения срока действия протокола, президент Рейган предлагал СССР «полюбовно» сойтись на выдвигавшемся им так называемом «нулевом варианте» решения проблемы. Суть его, в изложении самого президента, заключалась в том, что СССР должен был демонтировать в Европе и даже в восточных районах страны все свои ядерные средства средней дальности, в то время как американские ядерные средства «передового базирования» остались бы в полной неприкосновенности. В ответ на это Вашингтон великодушно соглашался все же отказаться от запланированного им размещения в Европе крылатых ракет и баллистических ракет средней дальности. При существовавшем паритете в ядерных средствах средней дальности, находившихся как в распоряжении НАТО, так и СССР в границах европейского региона, осуществление «нулевого варианта» Рейгана означало бы, что численность таких средств у СССР сократилась бы более чем наполовину, а у противной стороны возникло бы также более чем двойное преимущество по их численности и трехкратное — по боезарядам.

Советский Союз фактически оказался бы разоруженным и на востоке — в Азии. Ведь хорошо известно, было сказано в ходе пресс-конференции в начале апреля 1983 г. министром иностранных дел А. А. Громыко, каким плотным кольцом американских военных баз окружен Советский Союз. Япония и воды, окружающие Японию, начинены ядерным оружием. Остров Окинава — огромная база ядерного оружия. Южная Корея — огромная база, а точнее, комплекс баз ядерного оружия. Индийский океан, особенно база Диего-Гарсия, начинен ядерным оружием. Персидский залив, воды, к нему примыкающие, начинены ядерным оружием. Все это оружие — причем речь идет только об оружии средней дальности — достигает территории СССР. Более того, оно накрывает всю Сибирь, всю азиатскую часть Советского Союза, даже самую северную часть — полуостров Таймыр. А если к этому добавить, что в американской печати нет-нет да и мелькают сообщения о намерении США поставить свои ракеты средней дальности еще и на Аляске, то стремление Вашингтона разоружить СССР в одностороннем порядке становится совершенно очевидным.

11

Поразившая даже выдавших виды западных политиков беспардонность этих предложений, как и весь стиль рейгановского подхода к проблемам военной разрядки, вызвали небывалое еще по своей массовости и интенсивности движение народов за прекращение гонки ядерных вооружений. Это нашло свое выражение и в том, что в конгрессе США возникли серьезные оппозиционные настроения против правительственных программ строительства новых систем стратегического оружия. Сенаторы Э. Кеннеди и М. Хэтфилд первыми выступили с проектом резолюции о «замораживании» ядерных арсеналов. 10 марта 1982 г. этот документ в виде объединенной резолюции сената № 163 был внесен на рассмотрение верхней палаты. Аналогичная резолюция за № 434 одновременно была предложена и на рассмотрение членов палаты представителей конгрессменами Э. Марки, С. Конте и Дж. Бингэмом.

С помощью контррезолуции сенаторов Г. Джексона и Дж. Уорнера, смысл которой, по выражению ряда ведущих американских газет, сводился к формуле «Сначала довооружимся, а уж потом будем замораживать!», Белому дому с трудом удалось преодолеть создавшуюся кризисную ситуацию. Но антиядерные настроения продолжали нарастать, приближалось время и намеченного Белым домом вояжа президента в Европу, а уж там, предупреждали обозреватели, никакая полиция не сможет оградить его от демонстрантов.

Необходимо было что-то предпринять и предпринять немедленно. Однако попытка президента прибегнуть к привычному трюку явления народам очередной миротворческой маски оказалась малоэффективной. Напрасно в обращении к нации Рейган уверял теперь, что он — с теми, кто выражает протест против ядерной войны, что ни один из американских президентов — и он в том числе — вообще никогда не верил в возможность достижения победы в такой войне, и такую войну нельзя начинать. Не верили ему самому. Стремившаяся к пониманию душа Рейгана была глубоко уязвлена, и где он мог надеяться обрести сочувствие, как не в стенах колледжа, где прошли его юные годы? И вот 9 мая 1982 г. президент Рейган — в Юрическом колледже штата Иллинойс. Сначала его, правда, как-то повело на уже набившие оскомину призывы к «переворужению» США. Но, спохватившись, он наконец объявляет о том, что Вашингтон готов ответить согласием на советские предложения о возобновлении переговоров по ОСВ.

Но было ли это действительно согласием? Обусловливающие его ограничения, отмечали политические и военные обозреватели на Западе, «подрывают процесс разрядки», «не могут служить основой договоренности», «направлены на саботаж переговоров по ОСВ». В этом не было преувеличения. Выдвинутый в Юрике президентом Рейганом «новый подход» к ограничению стратегических вооружений США и СССР открыто и даже демонстративно попирает принцип соблюдения равной безопасности сторон.

Во-первых, в соответствии с новой позицией Вашингтона, предусматривавшей поэтапное сокращение стратегических вооружений, на первом этапе сокращению под-

лежали только баллистические ракеты наземного и морского базирования. Ядерное оружие воздушного базирования, как и весь ядерный арсенал оружия «передового базирования» в Европе, даже не упоминалось. Только где-то в будущем, на втором этапе речь могла пойти и о каком-то весьма неопределенном «установлении пределов также и для других компонентов стратегических ядерных сил». Во-вторых, сама схема сокращения баллистических ракет наземного и морского базирования на первом этапе строилась таким образом, что по его завершении существующий американско-советский паритет в ядерных вооружениях оказался бы резко нарушенным — и не в пользу СССР.

Стратегические вооружения СССР и США не являются одинаковыми по своей структуре. В течение десятилетий они развивались по различным направлениям. В СССР традиционно и в силу ряда объективных условий большее развитие получили межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, в то время как в США — баллистические ракеты подводного базирования и стратегическая авиация. У СССР на наземные МБР приходится около 70% общего числа ядерных боеголовок, тогда как у США — всего около 20%. Зато на баллистических ракетах подводного базирования и на тяжелых бомбардировщиках стратегической авиации США размещено 80% боеголовок, то есть в несколько раз больше, чем на соответствующих носителях в составе советских стратегических сил. Используя эти различия в структуре стратегических вооружений США и СССР, президент Рейган предлагал теперь провести такие сокращения, которые касались бы в основном советских межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, а американские вооружения затрагивали бы в несравнимо меньшей степени. В переводе на конкретные количественные показатели это привело бы к сокращению примерно на 50—60% боеголовок на советских МБР и большей части самих ракетных установок. Что касается США, то они, сократив на некоторое количество число боеголовок за счет снятия с вооружения нескольких устаревших подводных лодок-ракетоносцев, получили бы возможность даже наращивать количество боеголовок на своих наземных МБР, развернув для этого новейшие ракетные систе-

мы, не говоря уже о том, что подобное массированное наращивание числа боеголовок осуществляется США и с вводом на вооружение ракет подводного базирования «Трайдент-2».

Короче говоря, если бы план Рейгана был реализован, то советский стратегический ядерный потенциал по числу составляющих его боеголовок оказался бы в три раза ниже американского — и это не говоря уже о тех тысячах крылатых ракет всех видов базирования и предназначенных для «довооружения» Европы новых баллистических ракетах средней дальности, которые США намереваются развернуть в ближайшем будущем. К тому же, приняв новые американские предложения, СССР вынужден был бы не только резко сократить свой стратегический потенциал, но и коренным образом перестроить свои стратегические ядерные силы, в то время как США продолжали бы беспрепятственно наращивать свои стратегические вооружения за счет планового развертывания новых МБР «МХ», баллистических ракет подводного базирования «Трайдент-1» и «Трайдент-2», стратегических бомбардировщиков «Б-1Б», крылатых ракет большой дальности.

Давая объективную оценку подобному подходу Вашингтона к переговорам ОСВ в Женеве, Ю. В. Андропов подчеркнул, что он не свидетельствует о наличии у американской стороны желания по-настоящему заниматься решением проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений: «Сейчас в американской столице заняты другим: ставят на конвейер производство все новых систем и этих вооружений. А на подходе такие их виды, которые вообще в корне могут перевернуть представления о стратегической стабильности и о самой возможности эффективного ограничения и сокращения ядерных вооружений»⁴⁵.

Мало чем отличается от «нулевого варианта» так называемый «промежуточный вариант» Рейгана. Не снимая, а лишь отодвигая на задний план «нулевой вариант», США выдвигают «промежуточное решение»: если СССР согласится сократить свои ракеты средней дальности, то США будут готовы размещать теперь в Европе в дополнение к имеющемуся там у них и НАТО ядерному оружию средней дальности не запланированное

число новых ракет средней дальности, а «несколько меньше». По новому предложению размещение ракет должно быть произведено «дозированно», то есть поэтапно. Ядерные силы Англии и Франции по-прежнему выносятся за скобки этого рейгановского «равенства», так же как и сотни американских самолетов — носителей ядерного оружия. Другими словами, СССР не только должен был бы согласиться на сокращение своего арсенала ядерных средств средней дальности в Европе, но и дать добровольно свое благословение на размещение там новых американских ракет, нацеленных на него и его союзников. Характеризуя «промежуточный вариант», Ю. В. Андропов в ответах журналу «Шпигель» заявил: «Недавнее видоизменение Вашингтоном своего заведомо неприемлемого для СССР предложения, фальшиво названного «нулевым», не меняет дела, администрация США остается на своих прежних односторонних позициях, не проявляя ни малейшего желания учитывать законные интересы другой стороны, достигнуть честного взаимоприемлемого соглашения. В каждом случае, выдвигая свои предложения, США стремятся — и это главное для них — прежде всего нанести ущерб безопасности Советского Союза, нарушить к своей выгоде сложившееся равновесие сил»¹⁶.

12

К концу августа 1983 г., в преддверии нового раунда советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе, не возникло никаких новых надежд на продвижение вперед. Несмотря на уверения Вашингтона в противном, США продолжали придерживаться здесь позиции, цинично «застолбленной» государственным секретарем Дж. Шульцем в его выступлении в сенатской комиссии по иностранным делам в середине июня 1983 г.: США не намерены менять своего политического курса, а СССР волен выбирать — или «изменить свое поведение» в международных и внутренних делах, или быть готовым к тому, что состояние американско-советских отношений будет продолжать ухудшаться и в дальнейшем.

Это подтвердило и выступление президента Рейгана на XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце сентября 1983 г. О чем, собственно, шла речь? Может быть, президент пришел к выводу о необходимости отказаться от размещения новых американских ракет в Европе?

Ничего подобного. США по-прежнему предлагали договариваться лишь о том, сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать американских ракет в дополнение к ядерному арсеналу, который уже имеется у НАТО. Более того, Вашингтон продолжал категорически возражать и против засчета английских и французских ракет и самолетов — носителей ядерного оружия.

«Гибкость» состояла в другом. Как известно, в дополнение к подобной нереалистической, как бы специально выдвинутой для блокирования переговоров позиции по этим двум основным вопросам Вашингтон претендовал ранее и на «право» разместить в Европе столько новых американских ракет, сколько их имеется не только в европейской, но и азиатской части СССР. Никакой логики в подобной постановке вопроса, разумеется, не было — находящиеся в восточных районах СССР ракеты средней дальности не имеют отношения к Европе, для их размещения там есть свои причины. Вот эту-то слишком очевидную несуразность, именуемую «глобальным подходом», решено было несколько закамуфлировать. Теперь вместо «глобального подхода» речь идет о «глобальных лимитах». Это означает: США и в этом случае оговаривает за собой «право» развернуть в дополнение к уже имеющимся американским средствам передового базирования в районах и Европы, и Азии столько же новых ракет средней дальности, сколько имеется их на всей территории СССР. Вся «новизна» и «гибкость» новой позиции заключается в том, что теперь США «благородно» обещали разместить в Европе не все ракеты, а «только определенную их часть», а остальные, как заявил президент, будут размещены «еще где-то» — по разъяснениям официальных американских представителей, также вблизи территории СССР.

И еще одна «уступка». Нынешними планами Вашингтона предусматривается разместить в Европе всего 572

ядерные ракеты средней дальности — 108 «Першингов-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования. Так вот теперь торжественно объявлялось, что в случае, если СССР согласится на размещение в Европе и в других прилегающих к нему районах, скажем, «всего» 450 американских ракет, а свои ракеты согласится соответственно сократить, то Вашингтон пойдет «даже» на то, чтобы рассмотреть вопрос, в каком сочетании развертывать свои ракеты указанных двух типов.

Не говоря уже о том, что в основе этой позиции лежит все та же абсолютно неприемлемая посылка — СССР должен сокращать свои ракеты, а США, наоборот, развертывать свои, — во фразеологии этих «уступок» употребляются весьма туманные формулировки, оставляющие США свободу рук в определении числа ракет «Першинг-2», которые они захотели бы разместить в Западной Европе. И это — вопреки распространявшимся на Западе слухам, будто Вашингтон может вообще отказаться от развертывания именно этих ракет.

Наконец и еще один нюанс продемонстрированной президентом Рейганом «гибкости». Ранее США настаивали на том, что любое соглашение об ограничении ядерных вооружений в Европе должно касаться только ракет средней дальности наземного базирования, возражая без всяких на то оснований против включения в него также и самолетов среднего радиуса действия — носителей ядерного оружия, чтобы сохранить существующее здесь на стороне стран НАТО преимущество. Теперь в порядке оказания чуть ли не «одолжения» Советскому Союзу они выражали готовность рассмотреть вопрос о включении в соглашение и авиационных средств доставки ядерных боезарядов. Однако эту свою «готовность» они тут же обставляли рядом неприемлемых для СССР условий.

Во-первых, СССР должен был бы согласиться с позицией США по ракетам, включая развертывание новых американских ракет в Европе и в других местах. Одного этого было достаточно, чтобы дезавуировать приписываемую «новизну» в позиции США относительно авиационных средств доставки ядерного оружия. А во-вторых, под ограничения по соглашению должны были бы подпадать не все самолеты — носители среднего радиуса действия, а

только по произвольному выбору американской стороны. При этом не делалось секрета из того, каким был бы этот выбор: соглашением должны были бы быть охвачены все типы советских самолетов соответствующего радиуса действия; в то же время из него исключались бы сотни американских самолетов среднего радиуса действия, базирующиеся как на территории Западной Европы, так и на авианосцах, находящихся у ее берегов, а также все авиационные средства союзников США по НАТО.

Разоблачая подобные маневры рейгановской администрации, Ю. В. Андропов в своем Заявлении от 29 сентября 1983 г. отмечал, что за прошедшие два года стало ясно, что американские представители на переговорах в Женеве находятся там отнюдь не для достижения договоренности: задача у них другая — тянуть время, а затем приступить к размещению в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности. Этого они особенно и не скрывают. Они лишь прикрываются рассуждениями о некой «гибкости» США в ведении этих переговоров. «Только что очередная порция такой «гибкости» материализовалась. И на этот раз стал ясен заложенный обман. Если оставить в стороне детали, то суть так называемого нового хода в американской позиции, рекламируемого как «превосходный», сводится к предложению договариваться по-прежнему о том, сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать в Европе новых американских ракет в дополнение к ядерному потенциалу, который уже имеет НАТО.

Короче, нам предлагают вести разговор о том, как помочь блоку НАТО сломать к его выгоде существующий в европейской зоне баланс по ядерным средствам средней дальности»¹⁷.

Лакмусовой бумажкой истинных намерений Вашингтона в отношении военной разрядки стали также отказ США последовать примеру СССР в принятии на себя обязательств не применять первыми ядерного оружия, повторяющиеся угрозы аннулировать подписанный еще в ходе московских переговоров договор об ограничении средств противоракетной обороны, заявление Белого дома об окончательном решении не возобновлять перегово-

ров с СССР и Великобританией о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Все это, конечно, не вызывает радости. Но было бы грубой ошибкой думать, что СССР ходит с протянутой рукой, выпрашивая разрядку. Остается совершенно бесспорной истиной, что, с точки зрения интересов безопасности, она нужна США нисколько не меньше. Отмечая, что нынешняя политика Вашингтона обострила международную обстановку до крайних пределов, Ю. В. Андропов в докладе, посвященном празднованию 60-летия Советского Союза, предупредил американскую администрацию, что «на вызов американской стороны мы будем вынуждены отвечать развертыванием соответствующих своих систем оружия»¹⁸.

15 ноября 1983 г. на аэродроме английской военной базы в Гринэм-Коммон приземлился военнотранспортный самолет ВВС США «Старлифтер». Из его необъятного чрева были извлечены крылатые ракеты — первые из готовых осесть на земле Западной Европы.

Это было началом официально демонстрируемого развертывания новых американских ядерных систем оружия средней дальности против СССР и в непосредственной близости от СССР. Одновременно в Вашингтоне было объявлено о еще одном «новом» подходе администрации президента Рейгана к решению проблемы ограничения ядерных вооружений в Европе. Впрочем, даже формально особо разнообразить старые клише не старались, понимая, что они уже не могут иметь для Москвы какого-либо смысла.

И все же, надо думать, в Вашингтоне были немало поражены последовавшей советской реакцией. Опубликованное в «Правде» 25 ноября 1983 г. Заявление Ю. В. Андропова положило конец все еще существовавшим иллюзиям об односторонней зависимости Советского Союза от продолжения переговоров на любых условиях. Указанные в Заявлении контрмеры военного характера, которые СССР и другие страны — участницы Варшавского Договора намерены предпринять в ответ на действия Вашингтона, будут не менее эффективными, и если бы в Белом доме действительно думали о безопасности своей страны, то там постарались бы уже давно избежать подобного финала.

«СОВЕТСКАЯ ОПАСНОСТЬ»

1

Пути несправедливые всегда нуждаются в оправданиях. И тем более настоятельно, чем меньше следующие ими заблуждаются относительно истинного значения своих поступков.

Американский империализм с его благочестивыми притязаниями на роль мессии нового времени также весьма чувствителен к создаваемому им в сознании других образу. Но в оправдании гонки вооружений им движет не только забота о внешней чистоте своих риз. Для Вашингтона дело здесь идет о большем, так как маска «миротворца» — это единственное, что позволяет ему еще сохранять определенную меру доверия к себе как со стороны своего народа, так и своих военных и политических союзников. Лишиться этого означало бы для него не только моральную, но и политическую катастрофу. И тогда безумный марафонский бег под всеувеличивающимся бременем вооружений оказался бы просто невыносимым, а значит, рухнули бы и так долго лелеемые Вашингтоном надежды на конечное достижение мирового господства.

Но можно ли помешать прозрению, парализовать способность к здравому мышлению целого народа или даже народов? История свидетельствует, что наиболее действенным способом достижения этого является внедрение в сознание людей всепоглощающего страха перед угрозой собственной гибели, страха, который лишает их не только рассудка, но и присущей человеку гуманности.

Старинным этим рецептом Вашингтон начал пользоваться в первые же годы после свершения Октябрьской революции в России, но никогда еще это «лекарство» не отмеривалось стране и миру в таких чудовищных дозах, к которым Вашингтон начал прибегать с наступлением ядерного века.

Как в каждом деле, были здесь, конечно, и свои первоначальные «трудности».

Трудно было, например, доказывать, что понесший тяжелые потери в только что закончившейся войне и не имеющий ядерного оружия СССР готовится начать войну против вооруженных атомными бомбами Соединенных Штатов Америки. Характерно, что этим занималась не только рассчитанная на среднего американца официальная пропаганда. Определенное давление такого рода оказывало на правительство и ЦРУ, секретные доклады которого президентам были буквально наштампованы «доказательствами» существования советских планов нанесения вооруженного удара по Западной Европе или непосредственно по США. В этом проявлялось стремление разведывательного ведомства не только поставлять в Белый дом желательную там информацию, но и воздействовать на его политику, с тем чтобы подхлестнуть нараставшие в ней подобно снежному кому проявления животного антисоветизма.

В своих недавно опубликованных мемуарах бывший кадровый сотрудник ЦРУ генерал У. Корсон попытался оправдать эти действия, объясняя, что ЦРУ — это далеко не безликая организация и руководящие ею «люди сильной воли» не стоят вне политики и не всегда проявляют слепую готовность подчиняться без рассуждений принимаемым наверху решениям. Когда, по мнению таких «людей сильной воли», государственная политика становится «близорукой» или ставящиеся ею цели представляются недостаточно правильно определенными, поясняет Корсон, они поддаются «естественному соблазну» подправить дело по своему разумению. И хотя унаследовавший в апреле 1945 г. президентское кресло Г. Трумэн менее всего нуждался в ободрении его в деле нагнетания атмосферы военной конфронтации с СССР, ЦРУ не могло не внести своей лепты, почтительнейше, но настойчиво рекомендуя ему не затягивать период подготовки к «превентивному» вооруженному нападению на своего бывшего военного союзника¹.

В Белом доме и не затягивали. Но выступить сразу после второй мировой войны с открытыми призывами

развязывания ядерной войны против СССР, заручиться в этом деле симпатиями и поддержкой американского народа было не так-то просто. Это, кстати сказать, прекрасно понимали и американские политики. Напомним, что даже такой признанный в то время авторитет по «русскому вопросу», как американский посол в Москве Дж. Кеннан, не мог подсказать никакого приличествующего требованиям пропаганды предложения.

Кеннан не испытывал никаких симпатий к СССР и Советской власти. Наблюдаемая им картина огромных послевоенных трудностей, переживаемых советским народом, не мешала ему в донесениях в Вашингтон безоговорочно предостерегать против оказания СССР какой-либо экономической помощи, ибо, по его мнению, коммунизм становился и так слишком притягательным маяком для многих народов, ищущих свои пути в мятущемся послевоенном мире. Но, несмотря на это, Кеннан также без оговорок признавал, что Советское правительство не желает и не ожидает войны с Соединенными Штатами. Нет поэтому никаких оснований опасаться, сообщал он в государственный департамент, что США против их желания могут быть втянуты в военный конфликт с СССР².

По сравнению с расправлявшими крылья американскими «ястребами», подход Кеннана можно было считать еще «гуманным». Вашингтонские милитаристы, в отличие от американского посла в Советском Союзе, пытались доказать, что дело идет не об отдаленной, а о весьма реальной опасности. Основные положения этой версии были сформулированы исследовательской группой, организованной министерством обороны и государственным департаментом в 1949 г. Подготовленный ею доклад рисовал ужасающую картину советских действий, которые будут предприняты Москвой, как только в ее руках окажется ядерное оружие. «Глубокомысленность» этих умозаключений оказалась настолько убедительной, что подготовленный группой документ был принят Советом национальной безопасности в качестве теоретического базиса, на основе которого должны были строиться все последующие рассуждения о неизбежности военной конфронтации с СССР. За Советским Союзом полностью отрицалась присущая другим великим державам способность действовать на международной арене не

только с помощью силы. Москве приписывалось исключительно тотально-экспансионистское мышление. Необходимо было внедрить и в сознание «среднего» американца беспощадную, не останавливающуюся перед признанием необходимости уничтожения миллионов советских людей ненависть к СССР.

3

Годы «холодной войны» сделали в этом отношении много, даже очень много. И все же необходимо было что-то сверхординарное, что-то по-настоящему пугающее, чтобы убедить страну и мировое общественное мнение, с которым все же приходилось считаться, в том, что, готовясь сами к «превентивной» ядерной войне против СССР, США действуют лишь в рамках «разумной самообороны» и ни в коей мере не заслуживают упреков в агрессивности. Таким сверхординарным приемом стало «открытие» так называемого «авиационного отставания» США от СССР и возникшей в связи с этим «угрозы» советского ядерного нападения.

Пятнадцатого февраля 1954 г. журнал «Авиэйшн уик» воспроизвел на своих страницах доставленные в редакцию таинственными личностями снимки двух «советских» самолетов. В редакционной статье, сопровождавшей фотографии, отмечалось, что один из самолетов, видимо, представляет собой новый межконтинентальный стратегический бомбардировщик, пригодный для нанесения ядерных ударов по территории США.

Посетившие вновь через месяц редакцию те же таинственные личности, подтвердив догадку журнала, дополнительно сообщили, что производство этого бомбардировщика уже поставлено на поточную линию и СССР, скорее всего, располагает теперь несколькими сотнями таких самолетов.

Начатая «Авиэйшн уик» и кем-то хорошо управляемая кампания нагнетания атмосферы страха перед «советской» опасностью была подхвачена также и другими изданиями, доходившими в своих домыслах до еще более фантастических измышлений. Не оставался в стороне

и конгресс. Влиятельный сенатор Стюарт Саймингтон, занимавший в правительстве президента Трумэна пост министра ВВС, потребовал принятия неотложных мер по расследованию и ликвидации столь неожиданно обнаруженного «отставания», которое, конечно, не может не угрожать безопасности США. Если сообщаемые прессой факты подтвердятся, писал он, то это будет означать, что страна в любой момент может стать жертвой непредвиденного советского нападения.

«Паниковал» не только Саймингтон. Тот же «Авиэйшн уик» в восторге от впечатления, произведенного его сенсацией, сообщал, что «обнаружение» огромного советского флота межконтинентальных стратегических бомбардировщиков «глубоко потрясло» даже «наиболее информированных» руководителей в Пентагоне. И надо думать, что шоковое состояние этих несчастных еще более ухудшилось, когда к концу 1955 г. разведка ВВС сообщила, что из некоторых авторитетных и столь же таинственных источников и она получила «убедительную» информацию о том, что численность советских бомбардировщиков межконтинентальной дальности действия уже «в два раза» превосходит численность американских.

Весь этот профессионально разыгранный спектакль позволил правительству президента Эйзенхауэра объявить, не вызывая какой-либо оппозиции, о крупномасштабном расширении планов строительства стратегической авиации и резком увеличении в военном бюджете доли ВВС, которые тогда рассматривались Пентагоном в качестве основного инструмента нанесения по СССР ядерного удара.

4

И вдруг весь дальнейший сценарий оказывается скомканным. Происходит нечто невероятное — вся охваченная милитаристским угаром пресса начинает бить в другие колокола — по поводу совершенно иного «отставания» — на этот раз ракетного.

Выясняется, что Москва видела в создании собственной стратегической авиации всего лишь промежуточный

шаг на пути к овладению более действенными и неотвратимыми средствами нанесения ядерного удара. Она не только втайне сосредоточила все свои усилия на строительстве ракетных средств доставки ядерных зарядов, но еще и прибегла к «коварным уловкам», чтобы ввести в заблуждение американскую разведку и заставить Вашингтон поверить, будто СССР полностью занят стратегической авиацией и не думает о чем-либо другом. Одним словом, баснословные затраты Пентагона на строительство стратегической авиации признавались теперь по меньшей мере неоправданными, и вина за это, конечно же, возлагалась на Москву.

Но не только на Москву. Если в кампании по преодолению авиационного «отставания» Белый дом, Пентагон, ЦРУ и вся двухпартийная политическая система страны действовали в полном согласии, то теперь положение изменилось.

5

Кампания с авиационным «отставанием» была задумана Вашингтоном для того, чтобы оправдать принятие программы непомерного наращивания стратегического авиационного потенциала, который должен был быть использован для нанесения по СССР «первого удара» раньше, чем будут созданы и развернуты американские или советские ракетно-ядерные системы оружия. Вспомним, что на этом, в частности, зиждилась логика и составителей плана «Дропшот».

Запуск советского спутника послужил предупреждением о несбыточности этих надежд и необходимости перенести акценты в военном строительстве с авиационных на ракетные средства доставки. Однако для правительства Эйзенхауэра, уже связавшего себя с расширением авиационной программы, эта смена вех повлекла за собой неприятные последствия.

Стараниями демократов в конгрессе было организовано «расследование» причин нового «отставания». Вся эта затянувшаяся на многие месяцы комедия межпартийной борьбы превратилась в руках демократов в удобное

орудие внутривластного давления на правительство. Эйзенхауэра изображали неспособным к руководству президентом, готовым ради дешевой популярности пожертвовать интересами национальной безопасности. Дело доходило до того, что его начали подозревать в гнилом либерализме или даже — страшно сказать! — в симпатиях к коммунистам.

Этой травле Эйзенхауэра как могла помогала и так называемая либеральная пресса, которая, включившись в кампанию нагнетания антисоветской истерии, была готова теперь втоптать в грязь своего бывшего кумира. Эйзенхауэр, писал, например, известный политический обозреватель У. Липпман, никогда вновь не сможет стать тем знаменем, вокруг которого спланивается нация, и она, не имея иного авторитета, обречена впредь плыть по течению к ожидающей ее катастрофе.

Казалось бы, президент Эйзенхауэр мог легко доказать всю нелепость возводившихся на него обвинений. Ускоренное строительство стратегической авиации ни в коей мере и никогда не оборачивалось при нем, как это стало модным утверждать впоследствии, каким бы то ни было «пренебрежением» к нуждам ракетной программы — ни разу даже не ставился вопрос о каком-либо ограничении выделявшихся на нее ассигнований. Достаточно напомнить, что к началу 1957 г., то есть за несколько месяцев до появления первого советского спутника, в ней было занято свыше ста тысяч человек, и она, по личному указанию Эйзенхауэра, была причислена к категории первоочередных программ общенационального значения.

Но любая попытка президента открыто выступить в свою защиту означала бы, что, независимо от своих намерений, он оказался бы в положении человека, оспаривающего существование американского ракетного «отставания». И он так до конца и не решился на это. Пытаясь все же как-то оправдаться, он вначале уходит в глухую защиту «позиции спокойствия», а затем, когда критика достигает невыносимых пределов, предпринимает робкие шаги с целью доказать, что далеко не все обстоит так плохо. Но на Капитолийском холме ему уже не хотят верить. Тогда в отчаянии он призывает в свиде-

тели ЦРУ, ссылаясь на имеющиеся в его распоряжении разведывательные данные.

6

Данные эти действительно подтверждали, что советская ракетная программа не выходит за рамки усилий по обеспечению страной способности к ответному, оборонительному ядерному удару. Однако, когда сенатская подкомиссия по военной готовности уже в конце января 1959 г. приступила к очередному раунду слушания «дела» о ракетном «отставании», ее члены все еще оставались в неведении относительно этих весьма существенных свидетельств. Более того, они держались ЦРУ в секрете и от председателя сенатской комиссии по делам вооруженных сил Саймингтона, а также, в явное нарушение сложившейся традиции, от официальных кандидатов в президенты как демократической, так и республиканской партий.

Вместо этого в докладные записки ЦРУ с оценками советской ракетной программы с видимой серьезностью включались пересказы самых диких измышлений, поступавших подчас от безответственных или анонимных источников. Если верить им, получалось, что СССР уже освоил производство межконтинентальных баллистических ракет «второго поколения» и штампует их со скоростью, по крайней мере, несколько десятков в месяц. Директор ЦРУ Аллен Даллес, выступая в конгрессе, со своей стороны также не постеснялся «подтвердить», что достигнутое Москвой «превосходство» в ракетных вооружениях уже в ближайшее время будет ею использовано для вытеснения США из нестабильных регионов «некоммунистического мира» и распространения на них своего собственного политического и идеологического влияния.

Дж. Кеннеди, как наиболее перспективный кандидат в президенты, подвергся особенно тщательной обработке в этом духе. Руководство ЦРУ с весьма трогательной предупредительностью даже снабдило его копией так называемого «доклада Гейтера», хотя официально этот доклад, подготовленный группой наиболее милитаристски настроенных гражданских и военных экспертов, был от-

печатан всего в двух экземплярах — только для президента и членов Совета национальной безопасности. Причина подобной услужливости была очевидной — даже с точки зрения тогдашнего вашингтонского руководства доклад отличался чрезмерной агрессивностью своих рекомендаций и патологическим антисоветизмом.

В запале предвыборной кампании все это вполне устраивало Кеннеди. В драматических тонах предупреждая страну, что США живут на краю вулкана и что, не ликвидировав ракетного «отставания», нельзя надеяться на сохранение государственной самостоятельности, он требовал во что бы то ни стало «восстановить силу» и с ее помощью «доказать» всему миру, что время и ход истории склоняются отнюдь не в пользу коммунизма. Для достижения этого выдвигались уже знакомые рецепты: если американский народ будет «хорошо информирован», то ради счастья и жизни своих детей он согласится пожертвовать многим, поддержит и увеличение военных расходов, и саму гонку вооружений.

7

Оставленному Центральным разведывательным управлением на растерзание критиков правительству Эйзенхауэра не остается ничего иного, как самому стать на самоубийственный для него путь раздувания мифа о советской «ракетной опасности». После запуска в октябре 1957 г. первого советского спутника Земли половина всего самолетного парка стратегического авиационного командования США по распоряжению президента Эйзенхауэра переводится на режим постоянной боевой готовности. Часть бомбардировщиков «Б-52», оснащенных термоядерным оружием, начинает нести круглосуточное патрулирование в воздухе вблизи границ СССР. Обращаясь по радио и телевидению к напуганному этими мерами «предосторожности» обывателю, Эйзенхауэр призывает своих слушателей потуже затянуть пояса и быть готовыми к началу следующего раунда гонки вооружений, который будет стоять «много, очень много» денег³.

Все это уже не может, конечно, спасти положения или

оправдать совершенных республиканцами «ошибок». В борьбе со своим демократическим конкурентом республиканский кандидат в президенты Р. Никсон вынужден был пойти на беспрецедентный шаг критики политики находящегося у власти правительства своей же партии и обещаний, вступив в Белый дом, отказаться от «благодущия» своего предшественника и не удовлетвориться ничем иным, кроме достижения Соединенными Штатами «решающего» превосходства в ракетно-ядерной мощи.

И все же слишком уж тяжел был груз «грехов» правительства Эйзенхауэра, и не Никсону было под силу залатать возникшие в отношениях с ЦРУ бреши. Когда в конце 1959 г. Белым домом было объявлено, что Эйзенхауэр примет участие в намечавшейся на май следующего года в Париже конференции в верхах бывших союзников по антигитлеровской коалиции, руководство этого ведомства также по-своему включилось в ее подготовку.

Незадолго до открытия конференции оно все более настойчиво начинает требовать от Эйзенхауэра разрешения на проведение разведывательного полета над территорией СССР.

Первого мая 1960 г. пилоту «У-2» Пауэрсу пришлось просидеть в кабине самолета, как ему показалось, долгие часы, прежде чем из Вашингтона было передано согласие на полет от все более терявшего уверенность в своих действиях президента. Потребовалось еще четыре часа летного времени, чтобы Пауэрс оказался сбитым советскими силами ПВО в районе Свердловска, и последовавший за этим международный скандал довершил потерю политического доверия к правительству Эйзенхауэра.

Оказавшись в Белом доме, Кеннеди недолго продолжал заблуждаться относительно истинного характера советской «опасности». Более того, именно недооценка советских возможностей противостоять ядерному шантажу США стала одной из причин, побудивших его объя-

вить блокаду Кубы в дни кризиса в бассейне Карибского моря.

Достоинно изумления, что этот шаг президента в тот момент был пылко поддержан и руководством ЦРУ, нимало не смущавшимся тем, что несколько ранее оно утверждало совершенно противоположное. По мнению ряда американских компетентных исследователей, Кеннеди не решился бы без этого пойти на риск ядерной конфронтации с СССР, угрожавшей свергнуть мир в катастрофу ядерной войны.

Однако отношения между «сильными личностями» из ЦРУ и Кеннеди никогда не были безоблачными. А начавшееся после карибского кризиса «полевение» президента вызывало у них явное раздражение, постепенно перешедшее в глухую ненависть. Было бы преждевременно произносить конечное суждение о последствиях, которое это отчуждение имело лично для Кеннеди, так как история его убийства все еще таит в себе целый ряд загадок. Но если даже роль ЦРУ в этом деле останется навсегда так и не выясненной, никто все же не может отрицать, что именно оно попыталось использовать смерть президента для совершения еще одной антисоветской акции, нацеленной на провоцирование военного столкновения между США и СССР.

Едва успели отзвучать роковые выстрелы в Далласе, повергшие всю страну в состояние панического напряжения, как из ЦРУ стали поступать «совершенно достоверные» сведения о том, что руководящие деятели Советского Союза один за другим тайнственно исчезают из Москвы. Выводы напрашивались сами собой: «кремлевские правители» решили воспользоваться воцарившимся после смерти президента в стране хаосом и нанести по США ядерный удар. Они покидают теперь свою столицу, чтобы не оказаться в числе жертв, если Москва будет все же разрушена какой-нибудь из сохранившихся после «тотального советского нападения» американских ракет. Из Вашингтона был отдан приказ об объявлении состояния всеобщей «красной тревоги». Посещение американского посольства в Москве советскими руководителями на следующий день после убийства президента сорвало затеянную ЦРУ игру. Однако состояние тревоги продолжало сохраняться еще несколько дней, в течение которых воз-

можность развязывания ядерной войны между США и СССР, как свидетельствует У. Корсон, оставалась «весьма реальной».

Только впоследствии, в ходе расследований деятельности ЦРУ в конгрессе выяснилось, что сведений об исчезновении из Москвы советских руководителей в штаб-квартиру ЦРУ не поступало. Его руководство попыталось замаять скандальное разоблачение ссылками на то, что поступающие из Москвы обычные сводки непонятно как «затерялись» среди многократно возросшего в дни кризиса потока донесений. Но оно так и не смогло объяснить, каким образом эта «затерявшаяся» информация из Москвы превратилась в весьма определенные сообщения столь угрожающего характера. Впрочем, по присутствующей критикам ЦРУ деликатности, они и не настаивали на полном выяснении этого любопытного обстоятельства.

9

Выдвижение стратегии «первого удара» в то время, когда в памяти американцев были еще свежи воспоминания пережитого в дни кризиса в бассейне Карибского моря, потребовало основательной работы для ее пропагандистской «запродажи». В кампанию включилась не только широкая американская пресса, но и многочисленные антисоветчики от науки. Наиболее высоко в этом плане были оценены Вашингтоном выступления американского военного аналитика Т. Вулфа, опубликовавшего в 1964 г.opus «Советская стратегия на перепутье», а также сотрудников «Рэнд корпорейшн» А. Горелика и М. Раша, подготовивших в 1967 г. по заданию Пентагона обширный доклад «Стратегическое оружие и советская внешняя политика». Выводы этой тройцы не оставляли сомнений в том, что советская военная доктрина — это прежде всего доктрина войны и агрессии, и Москва стремится, не может не стремиться к распространению своей власти или влияния на все некоммунистические регионы мира.

Ничего поэтому не было удивительного в том, что

США готовились встретить грудью, то бишь «превентивным» ядерным ударом, надвигавшуюся с Востока опасность. В конце сентября 1967 г. журнал «Лайф» опубликовал сенсационное интервью министра обороны Макнамары. Из сказанного им явствовало, что, несмотря на все ранее дававшиеся Пентагоном заверения в противном, США уже приступили и быстро продвигаются по пути к созданию качественно новой системы наступательного стратегического оружия — МИРВ. США, утверждал Макнамара, были вынуждены поступить таким образом ввиду быстрого и пугающего своими размерами возрастания «советской опасности». Очевидным подтверждением этого факта, по его словам, служило обнаружение американскими разведывательными органами, и в первую очередь ЦРУ, предпринимаемых Советским Союзом мер по созданию противоракетной обороны в районе Москвы, что ставило под сомнение способность американских стратегических сил продолжать служить сдерживающим средством против советских «агрессивных устремлений». Таким образом, заключал Макнамара, развертывание ракетных систем МИРВ Соединенными Штатами следует рассматривать как меру исключительно оборонительного характера, которая, восстановив способность США к нанесению «удара возмездия», восстановит тем самым и их способность к «сдерживанию» «неожиданного и неспровоцированного» советского ракетно-ядерного «нападения».

В этом объяснении, соответствующий оно истине, можно было бы узреть свою логику. Но вот интересное свидетельство Г. Йорка, который стоял у колыбели почти всех проектов по созданию американских систем стратегического оружия ядерного века. Выдвижение идеи о создании многозарядных ракетных систем, пишет он, можно с полным основанием отнести к 1958 г. К этому времени США уже накопили достаточный опыт работы над различными проектами противоракетной обороны. Некоторые из них казались достаточно многообещающими, чтобы в перспективе появилась возможность планировать создание такой системы ПРО, которая была бы способна перехватывать одиночные боеголовки, типичные для существовавших тогда межконтинентальных баллистических ракет первых поколений. Все это заставляло военное

руководство всерьез задуматься над созданием наступательных ракетно-ядерных систем, способных преодолевать противоракетную оборону. Этому способствовали и появившиеся потом сообщения о советских планах создания ПРО. Так был разработан сначала проект строительства многозарядной ракетной системы доставки боезарядов (МРВ), а затем и многозарядной ракетной системы доставки боезарядов с независимым наведением их на цель (МИРВ)⁴.

Оставим на совести Йорка допущенное им, мягко говоря, несоответствие между его утверждениями о том, что, с одной стороны, появление идеи МИРВ в Пентагоне было своеобразной реакцией американских военных на разрабатывавшиеся ими самими же проекты противоракетной обороны, а с другой — что она была обязана своим рождением полученным значительно позднее сообщениям о начатых в СССР аналогичных исследованиях. Нам важно прежде всего отметить очень ценное свидетельство, содержащееся в этом высказывании: время начала работ над многозарядными системами ракетного оружия — это конец 50-х годов, а не 1966 г., когда, по словам Макнамары, США впервые узнали о советских работах в этой области.

Что же касается действительных мотивов, легших в основу разработки американской системы МИРВ, то о них довольно откровенно сказал руководитель отдела перспективных разработок министерства обороны Дж. Фостер-младший. Во время слушаний в конгрессе весной 1969 г., отвечая на вопрос сенатора Мэнсфилда, можно ли доверять версии о том, что проект МИРВ был ответом США на создание Советским Союзом противоракетной обороны в районе Москвы, Фостер цинично заметил, что все это произошло «несколько иным образом». Идея создания системы МИРВ, пояснил он сенатору, была обязана своим появлением, прежде всего, не озабоченности министерства обороны проблемами преодоления ПРО, а стремлением его руководства обеспечить стратегическим силам США способность поразить наивысшее возможное число целей на территории СССР в случае принятия решения нанести по нему «превентивный» ракетно-ядерный удар. Только позднее, заявил Фостер, относительно случайно было обнаружено, что

системы МИРВ могут с успехом применяться и для прорыва ПРО противника⁵.

10

Еще более сложными и запутанными оказались столкновения взглядов, развернувшиеся вокруг планов создания «интегрированного оружия первого удара». Поскольку развертывание первого элемента такого оружия, то есть наступательных стратегических систем МИРВ, шло уже полным ходом, кипение страстей сконцентрировалось вокруг проектов и программ строительства противоракетной обороны.

В Вашингтоне хорошо понимали, что открыто начать новый раунд гонки вооружений в разгар непопулярной вьетнамской авантюры означало бы навлечь на правительство новую опасную волну антимилитаристской критики. Известные трудности могли возникнуть также во взаимоотношениях с другими странами НАТО, откуда уже раздавались голоса о том, что, если США получат в свое распоряжение противоракетный «зонтик», они смогут пойти на развязывание мировой ядерной войны, считаясь лишь со своими интересами и не слишком обременяя себя размышлениями о возможной судьбе своих европейских партнеров. Все эти соображения заставляли Вашингтон не торопиться с принятием решения о строительстве противоракетной обороны под предлогом необходимости дополнительного изучения технических проблем, проверки схемы развертывания системы и увязки проекта с более широкой программой по снижению ущерба от ядерного «нападения».

В военных и военно-промышленных кругах такая позиция правительства не могла не вызвать недовольства. Действовавшее в их интересах конгрессистское лобби продемонстрировало свое влияние, добившись принятия законопроекта о выделении даже не запрашивавшихся правительством дополнительных ассигнований на широкую программу строительства противоракетной обороны. Могущественные силы, предупреждал сенатор Янг, оказывали и будут оказывать колоссальное давление на правительство и конгресс, добиваясь быстрее удовлетворения своих требований о создании системы проти-

воракетной обороны. Достаточно сказать, что в развертывании даже «ограниченного» варианта такой системы было непосредственно заинтересовано около тридцати крупнейших промышленных объединений, предприятия которых были разбросаны по 42 штатам страны. С учетом же смежных отраслей промышленности и фирм-субподрядчиков число заинтересованных компаний достигало астрономической цифры 15.000.

Все это заставляет правительство энергично заниматься поисками наиболее эффективных пропагандистских обоснований для очередной «запродажи» общественному мнению нового оружия. Однако попытка Белого дома придать «антикитайскую» аранжировку проекту «Сентинел» полностью провалилась. Не надеясь на то, что какие бы то ни было доводы помогут добиться более успешных результатов в отношении сменившей ее системы «Сэйфгард», стоимость которой, кстати сказать, могла, по некоторым оценкам, приблизиться к 400 млрд. долл., президент Никсон в середине марта 1969 г. делает опрометчивый шаг. Ссылаясь на свое интуитивное растущее беспокойство о безопасности США и всего мира, он заявляет, что вынужден взять на себя в этом вопросе личную ответственность и принять решение о развертывании Соединенными Штатами системы противоракетной обороны на случай возможного «советского нападения»⁶.

Вызванный этим решением взрыв антиправительственной критики быстро подсказал Вашингтону, что президентские интуиции являются далеко не лучшим козырем в ставках на гонку вооружений. И Белый дом, не теряя времени, возвращается к привычной и надежной тактике наступления под прикрытием «советской опасности». Еще до конца того же месяца марта министр обороны Лэйрд, по выражению американских газет, «взрывает бомбу», объявив на совместном заседании комиссий конгресса по делам вооруженных сил и иностранным делам о том, что правительство располагает теперь новыми секретными разведывательными данными о советских планах нанесения «первого удара» по США. К 1972—1973 гг., развивает он этот тезис в последующих выступлениях, СССР уже получит возможность уничтожать не только американские межконтинентальные ракеты наземного

базирования, но и ракетноносные подводные лодки и при этом в столь значительных процентных соотношениях, что США потеряют способность к «возмездия», а следовательно, и охраняющую их безопасность способность к «сдерживанию» советского нападения еще до самого этого нападения. Воспрянувший духом президент Никсон подтвердил, что так оно действительно и есть на самом деле. Если ранее принятое им решение о разворачивании системы противоракетной обороны не могло еще опираться на новые разведывательные данные, заявляет он, то теперь такие данные имеются, и его критики могли убедиться в правоте его предвидения⁷.

Предложенная правительством фальшивка не вызвала, однако, доверия. Выступая в конгрессе, сенатор Дж. Стоун напомнил, что, как ему известно, всего несколько месяцев назад министерство обороны считало, что СССР стремится приобрести способность лишь к ответному, но не «первому» удару. Трудно себе представить, заявил Стоун, какими должны быть так называемые «новые» разведывательные данные, чтобы они действительно могли опрокинуть складывавшиеся в течение двух последних десятилетий представления об оборонительном характере советских стратегических вооружений.

Военной разведке и ЦРУ, указывал и сенатор М. Тайдингс, в течение ряда лет было известно о существовании советских межконтинентальных баллистических ракет, несущих на себе крупные боезаряды, и они всегда рассматривались как часть сил ответного удара СССР. Неожиданно и без всяких объяснений министр обороны Лэйрд объявляет их теперь оружием «первого удара». Нелепость таких заявлений очевидна.

11

Подобное развитие событий, и особенно все более заметный переход в лагерь противников проекта «Сэйфгард» многих видных правых политических деятелей, должно было бы насторожить правительство президента Никсона. Однако оно, казалось, потеряло всякую способность ориентироваться в обстановке. Выступая перед комиссией по бюджетным ассигнованиям палаты представителей, министр обороны Лэйрд не нашел ничего лучше-

го, как вновь бездумно повторить уже фактически разоблаченные утверждения о том, что строительство «Сэйфгард» необходимо ввиду реально существующей опасности овладения Советским Союзом способностью к нанесению по США «первого удара», что якобы подтверждается не вызывающими никаких сомнений разведывательными данными.

На первый взгляд, это рутинное проигрывание правительством привычной пластинки не должно было привести к каким-либо неожиданностям. Но на этот раз оно обернулось для него настоящим кошмаром.

Тринадцатого июня на заседании сенатской комиссии по бюджетным ассигнованиям выступил С. Саймингтон. В сделанном им заявлении он напомнил своим коллегам о том, как часто и до этого они наивно принимали на веру любые разговоры правительства о существовании «советской опасности». В начале 50-х годов, сказал Саймингтон, это были домыслы о строительстве Советской Россией тысяч и тысяч стратегических бомбардировщиков, предназначенных для нанесения ядерного удара по США. Ничего подобного, конечно, не было в действительности даже приблизительно, но до того, как это стало известно, конгресс невольно сыграл жалкую роль пособника Пентагона в нагнетании гонки вооружений. Тем не менее в конце тех же 50-х годов мало кто вновь не попался на удочку Пентагона, на этот раз обнаружившего ракетное «отставание» США. Называвшиеся тогда фантастические цифры роста советского ракетного арсенала были позднее урезаны им же самим минимум на 96,5%, но до этого новое пугало опять успело сыграть предназначавшуюся ему роль. Повторение чего-либо похожего сейчас просто недопустимо, и конгрессу пора перестать впадать в панику только потому, что кто-то пытается заново добиться этого с помощью старого приема запугивания его «советской опасностью». Он имеет право и должен знать правду.

Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Фулбрайт, выразив полное согласие с этим требованием, предложил Лэйрду четко разъяснить, на какую именно информацию ЦРУ он ссылался в своем выступлении. Почувствовав неладное, Лэйрд потребовал, чтобы его показания по этому вопросу были заслушаны

на закрытом заседании и чтобы одновременно с ним мог дать свои показания также директор ЦРУ Хелмс.

Такое заседание состоялось 23 июня 1969 г. Однако показания Хелмса, очевидно, оказались не отвечающими ожиданиям Лэйрда, и он при подготовке к опубликованию протокола настоял на том, чтобы они были исключены из текста. В опубликованном также «разъяснительном» письме Лэйрда министр обороны пытался оправдать свои действия тем, что это было необходимо для сохранения в тайне методов ЦРУ, к которым разведывательное ведомство прибегает при сборе «инкриминирующей» СССР информации. Но, по мнению Фулбрайта, о чем он и заявил в ответном открытом письме Лэйрду, действительными мотивами последнего в предпринятии этого шага было стремление скрыть, что внутри аппарата разведки существуют серьезные разногласия в оценках советских военных планов, и уже одно это ставит под вопрос достоверность заявлений правительства о наличии «советской опасности».

Вся эта скандальная история не оставляла сомнений, что на этот раз попытка руководства военного ведомства опереться на ЦРУ в доказательстве очередных домыслов о «советской опасности» оказалась несостоятельной, и Хелмс неожиданно отказался «кооперироваться» с Лэйрдом — и правительством президента Никсона — по этому вопросу. В этом на первый взгляд весьма странном конфликте как в капле воды отразилось сложившееся к тому времени разномыслие между различными американскими политическими и военными группировками о дальнейших путях наращивания гонки вооружений, приобретения США «решающего» военного превосходства.

На «предательство» Хелмса Никсон смог еще ответить его последующим увольнением с поста директора ЦРУ, но его собственная судьба была predetermined, и не за горами было то время, когда ему предстояло последовать за Хелмсом при гораздо более неприятных обстоятельствах.

12

Проведение акции «Уотергейт», как это сейчас становится все более очевидным, едва ли оказалось возмо-

жным, если бы за ней негласно не стояло ЦРУ. Но этот «успех» не мог уже изменить того положения, что престиж и самого разведывательного ведомства оказался серьезно подорванным предыдущими баталиями с правительством. Поворачивавшее государственные корабли вновь на курс «холодной войны» правительство президента Форда не могло поэтому сразу опереться на ЦРУ в выявлении ставших для него еще более необходимыми «доказательств» «советской опасности». В качестве выхода из положения было решено привлечь к выполнению этой благородной миссии различные «общественные» организации. По указанию президента Форда была, в частности, создана так называемая «неправительственная» «группа Б», которой и было «доверено» вынести свое беспристрастное суждение о существовавших оценках уровня «советской опасности».

Учитывая, что отбор членов в «группу Б» был произведен на самом высоком уровне, можно считать только закономерным включение в нее наиболее антисоветски настроенных «частных американских граждан», и в том числе бывшего заместителя министра обороны миллионера П. Нитце и профессора Р. Пайпса, ставших впоследствии одними из наиболее влиятельных членов реакционнейшего «Комитета по существующей опасности». А с такими людьми «группа Б» не могла не оправдать возлагавшихся на нее надежд. Вывод подготовленного ею доклада сводился к тому, что суровая действительность заключается в не вызывающем никакого сомнения курсе Москвы на массированное наращивание своего стратегического потенциала, который она намеревается использовать для нападения или оказания военного давления на США и другие государства «свободного мира».

13

«Встревоженная общественность» оказалась удобным инструментом нагнетания страха перед «советской опасностью» и в дальнейшем. Не успело пройти и несколько дней после избрания Картера президентом США, а «Комитет по существующей опасности» уже провел пресс-конференцию, на которой его руководство ознакомило журналистов с «советскими планами» достижения миро-

вого господства и осуществляемым Москвой в этих целях «беспрецедентным наращиванием» своих вооруженных сил. Обращаясь к еще не заступившему на должность Картеру, комитет заклинал нового президента предпринять все усилия, чтобы спасти США от уготованной им участи. А участь эта, как разъяснил его председатель Нитце, действительно выглядела весьма неприглядно — после нанесения СССР небольшой частью его стратегических сил ракетно-ядерного удара несколько сотен уцелевших американских ракет выглядели бы жалкой игрушкой перед сохраняемой Москвой способностью обрушить на США еще более чем десять тысяч мегатонн своих боезарядов и довершить таким образом их ликвидацию как цивилизованного государства. Опасность такого развития событий, писал, махнувший, видимо, рукой на свою репутацию солидного научного издания журнал «Форин афферс», особенно возрастет к середине 80-х годов, поскольку предусматриваемые соглашениями ОСВ условия позволяют СССР создать потенциал для уничтожения большинства, если вообще не всех, американских межконтинентальных баллистических ракет в результате первого же обезоруживающего удара⁸. «Откликнувшиеся» на эти сигналы правительственные учреждения получили теперь все основания подготовить уже и свои, более обстоятельные доклады. Авторам одного из них даже удалось математически точно подсчитать, что нанесенный по США в середине 80-х годов внезапный советский ракетно-ядерный удар выведет из строя не более и не менее как ровно 90% американских межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования.

Но еще до середины 80-х годов, в конце первой декады ноября 1979 г., американская система противоракетного предупреждения и оповещения НОРАД обнаружила несущиеся по направлению к американскому материку советские ракеты. Была объявлена ядерная тревога. Ракетные базы по всей стране были приведены в боевую готовность. В воздух поднялись бомбардировщики. И хотя, как выяснилось позже, весь этот переполох произошел из-за «ошибки» компьютера, инцидент этот послужил «доказательством» того, что для США пришло время изменить свои взгляды на военную стратегию и раз-

вернуть такие системы оружия, которые позволили бы в дальнейшем «сдерживать» агрессивные устремления Москвы более радикальным образом — опережающим нанесением по СССР своего собственного «разоруживающего» ракетно-ядерного удара. Весьма ко времени было подготовлено и научное обоснование этой идеи. Честь совершения здесь гражданского подвига принадлежала некоему Р. Спиду, опубликовавшему в 1979 г. сразу же поднятую на щит американской пропаганды книгу «Стратегия сдерживания в 1980-е годы».

Удивительная проницательность! Ведь не пройдет и года, как этот же вывод сделает и правительство президента Картера, соответственно зафиксировав его в «директиве № 59». Теперь вроде бы все становится на свои места. И все же картине нарастающей «советской опасности», как она рисуется Вашингтоном, недостает убедительности. В самом деле, даже предположив, что один из компонентов «триады» американских стратегических сил — межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования — мог оказаться под угрозой почти полного уничтожения в случае внезапного советского «нападения», трудно было отделаться от возражений, что и остающихся двух, то есть подводных ракетоносцев и стратегических бомбардировщиков, будет за глаза достаточно, чтобы нанести по СССР более чем неприемлемый удар «возмездия», а следовательно, и предотвратить подобное «нападение».

Готовясь передать бразды правления своим преемникам, правительство президента Картера постаралось исправить этот недостаток. В 1980 г. в ежегодном докладе военного ведомства конгрессу министр обороны Браун «разъяснил», что США должны оценивать «советскую опасность», исходя не из реального соотношения сил, а с учетом перспективы, и уметь предвидеть времена, когда американские стратегические силы, независимо от характера их базирования, окажутся беззащитными перед лицом этой самой «советской опасности».

В начале второго месяца президентства нового хозяина Белого дома Р. Рейгана в него стреляет «возможный

тайный агент Москвы», а как выясняется впоследствии — взбалмошный сынок миллионера, некий Дж. Хинкли. Пока же, в наступившей сумятице, под грудой тел беспомощно барахтается полковник Маретти. Его рука намертво впиалась в ручку черного чемоданчика с заключенным в него портативным телексом — тем самым приводным механизмом, с пуском в действие которого пускается в ход и механизм ракетно-ядерной войны! Но, о ужас! — президентский бронированный лимузин с раненым Рейганом уже исчез за поворотом, и пройдет, по крайней мере, полчаса, прежде чем идентичный чемоданчик будет вручен вице-президенту. А советские ракеты могут быть уже в воздухе и стремительно приближаться к берегам Америки! В эти минуты США совершенно беззащитны, и некому даже отдать приказ об ударе возмездия по агрессору! Впрочем, не совсем так. Пентагон не дремлет, и, как только в расположенный в его подвальных бункерах национальный центр командования поступает сообщение о случившемся, всем командующим направляются секретные приказы быть готовыми к «потенциально тяжелым» для национальной безопасности событиям. И они вполне могли бы быть, померещься в эти полчаса какому-нибудь компьютеру НОРАД «советские ракеты». Все это слишком напоминало разыгранный ЦРУ после убийства президента Кеннеди неудавшийся спектакль, но кто может поручиться, что при сходных обстоятельствах в будущем он не будет доигран и до конца?

Ни президент Рейган, ни его «команда» не планировали, конечно, сами подобного привлечения внимания американского общественного мнения к «советской опасности». Но это событие, произведшее сильное впечатление на страну, пока обстоятельства дела оставались еще неясными, послужило неплохой затравкой к разворачиванию новой кампании нагнетания атмосферы страха перед такой «угрозой». И времени не теряли. Президент Рейган находился еще на положении выздоравливающего, а его министр обороны К. Уайнбергер уже выступал с призывами к «тотальному» вооружению для борьбы с «советской опасностью», нависшей не только над страной, но и угрожающей интересам США во всем мире.

Едва начав появляться на людях, это же подтвердил и

сам Рейган. Логика ушедшего в отставку с поста министра обороны Г. Брауна оказалась теперь бесценной. Опираясь на нее, было нетрудно обосновать, например, программу строительства ракетной системы «МХ» заботой о снижении уязвимости одного компонента американской ядерной «триады», а развертывание системы «Трайидент» — разумными мерами по снижению этой угрозы в отношении другого. По критикам, которые, подобно бывшему директору агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке, заявляли о полной нелепости утверждений, будто США оказались уязвимыми для «первого удара» русских и что русские готовятся к такому удару, ударили подготовленной Пентагоном к концу сентября ура-патриотической брошюрой «Советская военная сила». Любому прочитавшему ее становилось ясно, что прав-то все-таки не Уорнке. Москва с ее «традиционным тяготением к милитаризму», с имеющимся в ее распоряжении огромным превосходством наступательной ядерной мощи не могла, конечно, не вынашивать планов нанесения по США «первого удара».

И с новой силой из уст главы Белого дома понеслись совершенно уж беспардонные обвинения Москвы в «агрессивности», «наращивании советской ядерной мощи». Президент распалился до того, что не пощадил и своих предшественников, посмевших в 70-х годах отойти от политики с «позиции силы», вести переговоры с СССР с соблюдением принципа равной безопасности, что и привело к совершенно непредвиденному росту «советской опасности».

Видимо, считая, что для устрашения страны и мира этой «опасностью» сделано уже достаточно, Вашингтон вскоре решается в качестве зондажа общественного мнения на «утечку» секретной информации о подготовке — не СССР, а США! — к «затяжной» ядерной войне.

Неожиданная для Вашингтона реакция панического страха, которой страна ответила на эту действительно смертельную угрозу, заставила его временно искать убежище от критики под прикрытием той же испытанной «советской опасности». Срочно выступивший перед телевизионными камерами министр обороны Уайнбергер поспешил уверить своих сограждан, что это не США, а СССР занят подготовкой потенциала для ведения затя-

жной ядерной войны, и Москва, очевидно, надеется одержать в ней победу.

В это не поверили. Но американские политики сделаны из крепкого материала. И в стенах английского парламента, с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, на пресс-конференциях и в интервью журналистам снова и снова звучат исступленные заклинания Рейгана и иже с ним, стремящихся загипнотизировать, затуманить разум и подавить волю тех, кто не хочет войны, призраком «советской опасности».

А для убедительности, что дело обстоит действительно серьезно, правительство президента Рейгана, как это одно время было сделано и при президенте Кеннеди, приняло и демонстративно осуществляет программу мер по организации так называемой «гражданской обороны», которые будут задействованы после советского ядерного «нападения» на США. Двум третям населения страны обещается эвакуация в «безопасные» районы и убежища. Трогательная забота! Но как тогда объяснить появление выполненного по заказу министерства энергетики, в ведении которого находится производство всех ядерных запасов США, секретного меморандума «Дабл' ю-7405-26»? Ведь в нем прямо говорится, что если в ходе «затяжной» ядерной войны возникнет необходимость направлять людей на поиски воды, пищи и т. д., то для этой цели следует выбирать тех, кому «и так осталось мало жить» — стариков, больных, ослабленных. Так с ними намереваются поступить в последующем, но сегодня, пугая «советской опасностью», от них требуют «жертвенности» и тихой веры в мудрость политиков, которые и стремятся к развязыванию этой самой «затяжной» ядерной войны.

Нелегко приходилось с западноевропейцами, тем более что отвоеваться в ядерной войне в Вашингтоне предпочли бы все-таки в Европе. Побывавший в начале мая 1981 г. на сессии совета НАТО в Риме государственный секретарь А. Хейг вернулся домой встревоженным первыми признаками надвигающейся там антивоенной бури.

Решено было всерьез заняться подготовкой специально рассчитанной на страны Западной Европы пропагандистской кампании, целью которой должно было стать «адекватное требованиям обстановки» убеждение строптивых западноевропейцев в том, что русские действительно представляют собой огромную угрозу миру в Европе, «как это говорит президент Рейган».

Готовились старательно и со всем тщанием. Прошло лето, прежде чем ведущий телевизионной передачи компании Эй-би-си смог наконец оповестить, что США готовы и на днях приступают к проведению такой кампании в «беспрецедентно масштабных» масштабах. В качестве ее застрельщика выпустили министра обороны Уайнбергера. Если страны Западной Европы, заявил он в интервью журналу «Шпигель», не ответят совместно с США на брошенный им советский вызов, то никто не сможет поручиться за сохранение в будущем мира и стабильности. Европа должна вооружаться. И вот еще обидно, что советское военное превосходство в немалой мере держится на том, что, пользуясь, разбросанной по всему земному шару густой агентурной сетью, русские «либо покупают, либо крадут» у западных стран ту совершенную военную технику, которой оснащены Вооруженные Силы СССР.

Пока в Западной Европе дивились такой своей простоте, в государственном департаменте успели подготовить и выпустить в свет книжицу «Активные мероприятия Советского Союза: подделка документов, дезинформация, политические операции». Приводившиеся в ней «свидетельства» позволяли понять и еще одну, может быть, даже более «страшную промашку» западноевропейских политиков, принимавших массовые антивоенные движения в своих странах за чистую монету, когда на самом деле все это было делом рук выполняющих задание Москвы «подставных организаций». Выступая на встрече с редакторами провинциальных американских газет 17 октября 1981 г., президент Рейган торжественно подтвердил, что европейские движения сторонников мира — это результат той длительной подрывной активности, за которой легко угадывается «почерк Советского Союза». Все эти демонстрации, добавил он во время телевизионного интервью компании Пи-би-эс,

затеваются неким Всемирным Советом Мира, который «подкуплен и оплачивается» Советским Союзом⁹.

Наконец прозрела и Западная Европа. В начале мая 1982 г. генеральный секретарь НАТО Й. Лунс провел в штаб-квартире Североатлантического блока в Эвере пресс-конференцию, на которой была представлена новая брошюра о соотношении сил между этим блоком и Организацией Варшавского Договора. По словам Лунса, на-товцы не покладая рук трудились над ней в течение более чем шести месяцев и теперь с законной гордостью могли сказать, что прав был на все сто процентов президент Рейган, что страны Варшавского Договора действительно обладают огромным преимуществом во всех видах вооружений, что, наконец, нужны не сокращения, а наращивание собственных вооружений. Эта инициатива была высоко оценена и в Белом доме, откуда последовало сообщение о том, что президент приветствует внесенный таким образом вклад в «лучшее понимание общественностью» Западной Европы действительной расстановки сил в мире. Однако, как известно, не выдуманная, а реальная общественность стран Западной Европы не имеет к этому никакого касательства.

С приходом осени 1983 г. рейгановская администрация в своем стремлении доказать недоказуемое, т. е. грозящую миру «советскую опасность», меняет тактику. Убедившись в малой эффективности демагогического запугивания этой «опасностью» мирового общественного мнения, она переходит к организации наглых провокаций, долженствующих, по ее представлениям, продемонстрировать «кроважность советского коммунизма». При этом все рассчитывается так, чтобы при любом исходе дела остаться в выигрыше. Трагическим примером этого может служить инцидент с южнокорейским самолетом-шпионом. На карту была поставлена жизнь ничего не подозревавших об угрожающей им смертельной опасности пассажиров. Вашингтон не мог не знать, что очевидное и наглое ведение разведывательного наблюдения над советской территорией будет пресечено — и пресечено силой, если экипаж самолета не подчинится требованию совершить посадку. Так оно и случилось, поскольку южнокорейский пилот проявил «твердость» в выполнении данных ему ЦРУ инструкций. «Прекрасный» финал —

оказалось возможным не только проявить неистовство и розпырыше президентом Рейганом уже подготовленной для него роли «потрясенного» советским «звериным оскалом» гуманиста, но и сорвать приезд в Нью-Йорк на XXXVIII сессию Генеральной Ассамблеи ООН руководителя советской делегации, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. Да еще самому поупражняться в переходящем всякие пределы простого приличия патологическом антисоветизме.

А если бы СССР проявил малодушие в пресечении этого нетерпимого для любого суверенного государства акта наглого шпионажа? Что же, был бы создан необходимый «прецедент» для его крупномасштабного расширения. И можно быть уверенным, что когда-нибудь Москва все же не выдержала бы! Ну, а уж тогда шуму можно было бы наделать еще больше!

Замысел был вроде бы действительно беспронгрышный. Но надежды на сколько-нибудь длительное утаивание шила в мешке всегда бывают разочаровывающими. Так, как известно, случилось и на этот раз. Когда рассеялся напущенный Рейганом и иже с ним демагогический туман, мир увидел звериный оскал не Москвы, а самого Вашингтона.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«ОБЫЧНОЕ ОРУЖИЕ»

«ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ»

1

Дни кубинского кризиса осени 1962 г. навсегда останутся одной из самых «черных пятниц» американского империализма. Они принесли с собой окончательный, осознанный крах стратегии «маскированного возмездия», и с ним — ощущение собственного бессилия. Вашингтон, в течение долгих лет веривший в им же самим созданную фикцию всемогущества «ядерной дубинки», вынужден был теперь признать, что гигантское возрастание военной силы в ядерный век не только не способствовало увеличению возможностей ее использования, но, наоборот, покончило с теми благословенными временами, когда она автоматически, как считали в Вашингтоне, трансформировалась во влияние. Это был «ядерный тупик», а для многих в руководстве США — также и внешнеполитический.

Это не означало, конечно, что в Вашингтоне были готовы похоронить и саму идею ядерной войны. Она осталась включенной в принятую правительством президента Кеннеди новую стратегию «гибкого реагирования» в качестве крайнего, «катастрофического» средства. Более того, в дальнейшем представления о катастрофичности такой войны, как мы видели, были подвергнуты вновь коренной ревизии. Тезис о невозможности преодоления «тупика» был предан анафеме, а постулаты «маскированного возмездия» возрождены в виде положений о возможностях приобретения способности к нанесению «первого удара» с помощью качественного совершенствования ракетно-ядерных систем и создания оружия принципиально новых типов.

Но все это было еще впереди. Кроме того, даже если бы эти перспективы уже виделись павшим духом милитаристам в годы «ядерного тупика», они все равно не могли бы служить им серьезным утешением. Несмотря на всю свою заманчивость, они требовали осуществления

долговременных военных программ, не гарантируя при этом конечного достижения желаемых результатов. А нужды и цели американской политики требовали безотлагательного решения проблемы возвращения военной силе присущей ей ранее способности служить универсальным инструментом империалистической политики.

2

Единственной альтернативой мог стать лишь возврат к оказавшемуся в пренебрежении с наступлением ядерного века обычному оружию. Но и этот путь выглядел достаточно сомнительным. Опыт послевоенного использования неядерного оружия не был ободряющим. Единственный урок, который США усвоили в ходе ведения таких войн, состоял лишь в том, что, независимо от масштабов американского в них участия, шансы на победу при использовании обычного оружия никогда не будут на стороне США. Вспоминая войну в Корее, президент Эйзенхауэр писал, что он сам и Совет национальной безопасности пришли к принятию стратегии «массированного возмездия» именно потому, что, признавая малую результативность ведения периферийных войн, она позволяла концентрировать усилия на подготовке удара «в голову коммунистической силы»¹. Втягивание США в новые военные конфликты на обычном уровне, предупреждал и генерал Макартур, может привести лишь к непрекращающемуся и неопределенному в своем временном протяжении кровопусканию без достижения какой-либо победы над противником, и у США не будет достаточно военного потенциала, чтобы положить конец конфликту в кратчайшее время и с наименьшими потерями. А ведь это происходило в те времена, когда в Вашингтоне царила уверенность в возможностях США прямо или косвенно способствовать достижению победы своих обычных вооруженных сил, опираясь на ядерное оружие. Впрочем, еще генерал Брэдли справедливо заметил, что попытка оказания такой поддержки могла иметь для Вашингтона тяжелые последствия, так как это втянуло бы его «не в ту войну, не в том месте, не в то время и не с тем врагом».

Но другого выбора не было, а приоткрывавшаяся уже взорам Вашингтона оборотная сторона медали «ядерного тупика» позволяла считать, что «разумное» использование ее потенциальных возможностей может стать приемлемым выходом из сложившейся обстановки.

Разрабатывая стратегию «гибкого реагирования», президент Кеннеди предвосхитил преданную потом забвению на целый ряд лет идею создания высококомобильных отборных сил, способных к нанесению молниеносных и сокрушительных ударов, хотя, как он тогда думал, эти силы должны были в основном предназначаться для оказания поддержки воинским формированиям проамериканских режимов. Однако его самого больше привлекала другая сторона сформулированной им «контрповстанческой» доктрины. Выдержанная в духе рыцарей «плаща и кинжала», она фактически смыкалась с философскими откровениями Лоуренса Аравийского. «Серый генерал» английской разведки смотрел на массы, в частности азиатские массы, как на некое инертное тело, неспособное к проявлению самостоятельной активности. Участвующие в борьбе силы, считал он, всегда немногочисленны, и достаточно заручиться поддержкой соответствующей части этих сил, чтобы через них установить свое непререкаемое влияние и свой контроль над развитием событий в той или другой неевропейской стране.

Прогнозируя характер выступлений сил национально-го и социального освобождения в различных регионах мира на предстоящее десятилетие, Кеннеди также считал, что они будут носить форму беспорядочных внутренних схваток, в которых противоборствующие стороны будут поддерживаться и направляться двумя ядерными «сверхдержавами». Не будет войск, марширующих через границы, не будет открытых сражений — все это заменит некая тайная, скрытая от глаз повстанческая и контрповстанческая «парамилитаристская активность».

3

Одним из первых и наиболее обширных полигонов проверки новой теории стал Индокитай. Еще в конце июля 1941 г. президент Рузвельт в разговоре с тем самым

адмиралом У. Леги, который когда-то не хотел верить в атомную бомбу, мечтательно, но и с присущей ему твердостью в принятии решений заметил, что если в войне победят союзники, то США возьмут себе Индокитай. Это стремление вытеснить оттуда Францию не оставляло Рузвельта и впоследствии, и он неоднократно обсуждал такую возможность с У. Черчиллем. На просьбу Франции оказать ей военную помощь в освобождении Индокитая от японцев Вашингтон ответил отказом. Однако с расширением в этом регионе национально-освободительного движения положение изменилось. «Коммунистический вызов» заставил Вашингтон на время забыть о межимпериалистическом соперничестве, и 8 мая 1950 г., то есть еще до начала войны в Корее, президент Трумэн направляет американскую военную миссию для связи с французским командованием в Индокитае.

Вступление США в войну в Корее, а затем и расширение там масштабов американской агрессии несколько отвлекли внимание Вашингтона от происходивших в Индокитае событий. Однако в дни битвы под Дьен Бьен Фу, когда положение осажденного гарнизона стало критическим, Белый дом предложил французскому правительству оказать помощь путем нанесения авиационного атомного удара по частям Вьетнамской народной армии. Париж был готов пойти на это, но от осуществления подобной идеи пришлось отказаться прежде всего потому, что к этому времени советский стратегический потенциал достиг такого уровня, «когда США уже столкнулись с необходимостью считаться с возможностью эскалации войны, если бы они прибегли к использованию тактического ядерного оружия»².

Вместо этого председателем комитета начальников штабов адмиралом А. Рэдфордом совместно с государственным секретарем Даллесом был разработан план проведения операции «Гриф», предусматривавший бомбовый налет шестьюдесятью самолетами «Б-29» с военно-воздушной базы Кларк-Филдс, расположенной вблизи Манилы, под прикрытием 150 истребителей с американских авианосцев, «удачно» оказавшихся в учебном плавании в Южно-Китайском море. 3 апреля 1954 г. лидерам конгресса было передано пожелание президента Эйзенхауэра о необходимости срочного принятия объединен-

ной резолюции сената и палаты представителей, разрешающей президенту использовать воздушные и морские военные силы в Индокитае. Однако, как заявил приглашенный в числе других на совещание в государственный департамент сенатор Л. Джонсон, принятию этого или подобного ему решения, которое будет означать, что США начинают новую войну, должно было бы, по крайней мере, предшествовать получение заверения от союзников в том, что они будут «поставлять для нее людей», и Даллес поступит более разумное, если сначала займется именно этим.

Но, не решившись на прямое военное вмешательство в Юго-Восточной Азии в то время, чему в немалой степени способствовал и полученный в Корее «опыт», Вашингтон все же пытался отговорить Париж от любого политического решения конфликта, к чему тот склонялся тем более, чем очевиднее становились признаки надвигавшегося полного военного разгрома. Вашингтон даже пригрозил Франции, что если она примирится с «захватом коммунистами» Индокитая, то это может привести к пересмотру ее статуса как полноправного члена «Большой тройки». В то же время Совет национальной безопасности рекомендовал президенту вновь рассмотреть возможность американского военного вмешательства с целью срыва мирного соглашения по Индокитаю, достижения там военной победы над «коммунистами».

Мотив противостояния «коммунистической угрозе» определил и дальнейшие действия Вашингтона в отношении Юго-Восточной Азии. США отказались поставить свою подпись под женевскими соглашениями, и Совет национальной безопасности на первом же заседании после окончания работы конференции в Женеве принимает директиву, требующую принятия всех возможных мер, чтобы предотвратить «коммунистическую победу» — на этот раз «путем общевьетнамских выборов».

Особое значение всему этому придается и в связи с тем, что полная «потеря» Индокитая начинает рассматриваться в это время как чуть ли не глобальная катастрофа. Весьма образно эти взгляды были выражены президентом Эйзенхауэром в его так называемой «теории домино». Если представить себе, говорил Эйзенхауэр, ряд поставленных «на попа» костяшек домино, то легко

догадаться, что получится, если кто-нибудь толкнет одну из них,—падая, она собьет следующую, и в результате возникшей таким образом цепной реакции ни одна не удержится от падения. Таким же образом достаточно будет коммунистам «захватить» Индокитай, чтобы за ним последовали Бирма, Таиланд, Малайя, Индонезия, потом — Япония, Филиппины и, может быть, Австралия и Новая Зеландия.

Страх эти подогревались и поставлявшимися ЦРУ соответствующими «точными» данными о положении дел в регионе. В свою очередь, контролирование этого положения было на первых порах отдано на откуп тому же ЦРУ. Сразу после заключения женевских соглашений в Южный Вьетнам направляется первая относительно многочисленная группа сотрудников ЦРУ, именовавшаяся для отвода глаз «Сайгонской военной миссией». Ее возглавил имевший уже солидный опыт подавления революционного движения на Филиппинах полковник Э. Лансдейл. О методах деятельности миссии Лансдейла можно судить по опубликованным впоследствии дневниковым записям ее участников. Организуются акты диверсии и саботажа, которые подкрепляются так называемым «психологическим наступлением на коммунизм» — распространением слухов о неизбежной девальвации и изъятии денег у частных лиц Ханоем, арестах и физической ликвидации всех представителей имущих классов «коммунистическими агентами» и даже раздачей отпечатанных в США «Астрологических альманахов» с содержащимися в них катастрофическими предсказаниями для Северного Вьетнама.

Одна из групп под руководством майора Л. Конейна, который девятью годами позже окажется у руководства генеральским переворотом против Нго Дин Дьема в Сайгоне, под прикрытием программы оказания помощи беженцам засылается в Северный Вьетнам. Там она вербует среди неустойчивых и враждебных социализму элементов своих агентов, которые направляются для обучения на секретные базы ЦРУ в Южном Вьетнаме, а затем переправляются на Север и «фиксируются» на различных ключевых постах. В октябре 1954 г., когда в Ханое окончательно утверждается новое, народное правительство, агенты Лансдейла, выдавая себя за «коммунистов», про-

водят бессмысленную и злобную операцию с целью парализовать в городе весь общественный транспорт, для чего в цистерны бензохранилищ подсыпаются специальные составы.

4

Но ЦРУ было не в состоянии изменить ход событий также и в Южном Вьетнаме. Срыв предусматривавшихся женевскими соглашениями общенациональных вьетнамских выборов только ускорил нарастание национально-освободительного движения за установление народной власти. Даже достаточно вольная в интерпретации фактов американская разведка признавала в своих донесениях, что война в Южном Вьетнаме возникла не как мифическая «коммунистическая инфильтрация» в страну, а как народное восстание против реакционного режима Нго Дин Дьема. И желал или нет того Вашингтон, ему приходилось решать, должны и могут ли США противодействовать этому силой.

Пришедшее к этому времени к власти и уже успевшее вооружиться идеями об эффективности «парамилитаристской» деятельности в борьбе с народными движениями правительство президента Кеннеди решило, что могут. В самом начале 1961 г. Кеннеди одобрил разработанный для Южного Вьетнама «контрпартизанский план». Ставка делалась на уже подготовленную американской военной миссией в Сайгоне и оснащенную американским оружием южновьетнамскую армию и наращивание объема военной помощи правительству Нго Дин Дьема. При этом все агентурные сведения о высокой организованности и боевой силе партизанского движения, его широкой поддержке населением умышленно игнорировались. «Контрпартизанский план» не оставлял никаких сомнений в том, что ровно через 18 месяцев «коммунизм» во Вьетнаме потерпит «полное поражение».

Однако потребовалась всего половина этого срока, чтобы развеять эти надежды. К осени 1961 г. масштабы народной борьбы за свободу и независимость приняли такие размеры, что было поставлено под сомнение дальнейшее существование самого режима Нго Дин Дьема.

Посланные в Сайгон специальные эмиссары Белого дома М. Тэйлор и У. Росту вернулись с убеждением, что для сохранения своих позиций США должны сменить свою роль «советующей стороны» на роль «ограниченного партнера» Сайгона в вооруженной борьбе против «Вьетконга». С этой целью предлагалось послать в Южный Вьетнам десяти тысячную американскую армию, которая должна была показать марионеточным войскам, «как все это делается». Одновременно предусматривалось расширение агрессии и против Северного Вьетнама — Демократической Республики Вьетнам.

Рекомендации Тэйлора и Росту вызвали у президента Кеннеди резко отрицательную реакцию. Они шли вразрез с положениями его «контрповстанческой» доктрины, и он продолжал утверждать, что война во Вьетнаме может быть выиграна лишь при том условии, что личный состав американских вооруженных сил не будет принимать в ней непосредственного участия. Превращение же ее в «войну белого человека против азиатов» приведет в лучшем случае к повторению индокитайского опыта Франции десятилетней давности. Но, поскольку события во Вьетнаме продолжали развиваться вне зависимости от положения «контрповстанческой» теории Кеннеди, предложенный Тэйлором и Росту план был в конечном итоге принят к исполнению, и США вступили на путь эскалации вооруженной интервенции во Вьетнаме.

Правда, незадолго до своей трагической гибели президент Кеннеди сделал жест, который можно истолковать не только как проявление обычной для американских политиков склонности к демагогическим заявлениям, но и как отчаянную попытку остановить дальнейшее сползание США к войне. Было объявлено о готовящемся сокращении американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме. После двухлетнего молчания Кеннеди вновь подтвердил, что США не намерены воевать там сами. Говоря о сайгонских правителях, он в своем выступлении по телевидению в начале сентября 1963 г. особо подчеркивал, что «это их война» и США могут помогать им, могут давать им оружие и посылать к ним военных советников, но «они сами должны выиграть эту войну»³.

Но даже если это заявление Кеннеди действительно

соответствовало утверждавшемуся в нем убеждению об ошибочности курса на военную интервенцию во Вьетнаме, остается более чем сомнительным, что он смог бы отстоять его перед нараставшим стремлением американского империализма действовать именно таким образом. Не имея возможности обратиться к ядерному оружию, он все больше видел в расширявшейся агрессии, как скажет потом президент Джонсон, не столько неоправданное вмешательство в гражданскую войну, потрясающую то или другое общество, но прямую конфронтацию с «практикующим этот новый вид агрессии мировым коммунизмом». Можно напомнить также и то, что на состоявшемся практически накануне убийства Кеннеди совещании высших военных и дипломатов США в Гонолулу никто из его участников не обмолвился даже и словом о заявлении президента, и в принятых рекомендациях акцент был сделан на необходимости достижения «победы над коммунистами» и с этой целью — усилении американского военного вмешательства во Вьетнаме.

Этого, наконец, требовали от президента Кеннеди и наиболее влиятельные члены его собственного правительства — министр обороны Макнамара и государственный секретарь Риск. В совместном меморандуме президенту, объясняя дававшиеся ими рекомендации всемерно расширять американскую агрессию во Вьетнаме, они утверждали, что потеря Южного Вьетнама не только даст импульс «реакции домино» в Азии, подорвет веру в американские обязательства в других регионах мира, но будет стимулировать и рост внутривнутриполитических противоречий в самих США, так как «экстремистские элементы», без сомнения, воспользуются этим для раскола страны и подрыва законной деятельности правительства.

5

Неожиданно оказавшийся в президентском кресле Л. Джонсон, казалось, был тем самым человеком, который должен был, отбросив все сомнения, немедленно приступить к осуществлению всех этих рекомендаций. Однако его стремление действовать в этом направлении далеко не соответствовало возможностям. И это, вопреки

его желанию, не могло не способствовать возникновению серьезных противоречий в высших эшелонах власти.

Американское военное командование, как теперь известно из бумаг Пентагона, считало, что на успех вооруженного вторжения во Вьетнам можно рассчитывать только в том случае, если США будут готовы сразу же сформировать и послать туда экспедиционный корпус численностью не менее 800 тыс. солдат и офицеров. В противном случае, заявляли военные, войну не стоит и начинать, так как, оказавшись не в состоянии добиться быстрой и решительной победы над пока слабым противником, американские вооруженные силы попросту «увязнут» в еще одной бесконечной и безнадежной азиатской войне.

В подготовленном для нового президента меморандуме вновь назначенный председателем комитета начальников штабов М. Тэйлор также настаивает на том, что США должны быть готовы предпринять «смелые действия» — открытое вооруженное вторжение в Южный Вьетнам и как минимум «решительное проникновение» на территорию Северного Вьетнама, против которого одновременно должны быть начаты также военные действия с воздуха и с моря.

Но позволить себе подобные «смелые действия» президент Джонсон еще не мог. Во-первых, вступая в должность, он публично поклялся следовать в своей политике идеям покойного Дж. Кеннеди, а вооруженное вторжение в таких масштабах во Вьетнам менее всего соответствовало бы «парамилитаристской противоповстанческой» деятельности, как ее представлял себе Кеннеди. Дававшиеся Джонсоном широкообещательные обещания «не посылать нашу молодежь умирать в Азии», кстати сказать, прекрасно работали на него и в начавшейся избирательной кампании против Б. Голдуотера с его «ястребиной» репутацией. Как верховный главнокомандующий, он не хотел также начинать открыто такую войну, не получив от конгресса мандата на свободу действий, а свежие воспоминания о войне в Корее как-то не вдохновляли на это конгрессменов.

Пока же курс был взят на расширение тайных военных действий против Северного Вьетнама. В начале фев-

раля 1964 г. по указанию президента Джонсона был введен в действие «Оперативный план 34А», предусматривавший нанесение ДРВ существенных разрушений и подрыв ее государственной стабильности. С этой целью имелось в виду проводить акты саботажа, взрывать железнодорожные и шоссейные мосты, организовывать парашютные десанты и артиллерийские налеты с моря.

6

Между тем невидимо для американских избирателей, ради дополнительного смягчения сердец которых президент Джонсон всегда предпочитал сниматься в окружении домочадцев и любимых собак, шла напряженная подготовка и к открытой войне против вьетнамского народа. К маю 1964 г. госдепартаментом была завершена выработка проекта резолюции о предоставлении президенту полномочий на использование вооруженных сил США с целью противостояния «коммунистической агрессии» во Вьетнаме, которую должен был принять еще не подозревавший об этом конгресс. А в августе того же года был разыгран и фарс «неспровоцированного нападения» ДРВ на США.

Работа была топорной, и расчет делался на то, что в конгрессе найдется немного охотников подвергать сомнениям факт такого «нападения» и прослать тем самым «пособниками коммунистов». В соответствии с правительственной версией, над фабрикацией которой немало потрудились и ЦРУ, днем 2 августа один из американских военных кораблей, «патрулировавших» воды Тонкинского залива, — эсминец «Мэддокс» — подвергся «нападению северовьетнамских торпедных катеров». Тем не менее «пострадавший» эсминец не был снят с «патрулирования» и в ночь на 4 августа, находясь уже в паре с другим американским эсминцем, подвергся, как и его напарник, новому «нападению». Пока между министром обороны Макнамарой и командующим тихоокеанским флотом США адмиралом Шарпом, который вдруг засомневался в реальности происшедшего, шел обмен соответствующими телеграммами, президент Джонсон успел

уже отдать распоряжение о начале бомбежек Северного Вьетнама и выступить по радио и телевидению с советами на то, что США «принуждают» взяться за оружие ради своей «обороны».

В последующие месяцы масштабы этой «обороны» быстро разрастаются. С февраля 1965 г. по инициативе Макнамары ВВС США приступают к крупнейшей операции «Роллинг Тандер» («Катящийся гром»), в ходе которой американские стратегические бомбардировщики, используя «ковровый», то есть бесприцельный, метод бомбометания, разрушают и уничтожают все живое на огромных площадях. Именно тогда кандидат в губернаторы штата Калифорния Рональд Рейган предлагает «заасфальтировать Северный Вьетнам и расчертить там стоянки для автомобилей».

Первого апреля 1965 г. правительство президента Джонсона принимает наконец и долгожданное Пентагоном решение направить американские сухопутные войска в Южный Вьетнам для ведения боевых операций против «Вьетконга». Вскоре вслед за этим в Сайгон прибывает и первый контингент американских интервенционных войск в 20 тыс. солдат и офицеров различных подразделений армии и морской пехоты. К концу года численность американских войск во Вьетнаме достигает уже 200 тыс.

Однако осенью следующего, 1966 г., когда эта численность возрастет еще более чем в два раза, побывавший в Сайгоне министр обороны Макнамара возвращается оттуда в самом подавленном состоянии. Вместо привычных для него бухгалтерских выкладок о динамике соотношений между посылкой все новых контингентов за океан и способностью США «перемалывать» столько-то и столько-то «вьетконговцев» в месяц он пишет теперь президенту Джонсону, что даже и 600 тыс. войск едва ли будут в состоянии сделать что-либо большее, чем сдерживать наступление противника. Поэтому одновременно с выводом о несостоятельности надежд добиться победы, расширяя масштабы воздушного наступления, он предлагает отказаться и от дальнейшего наращивания американского военного присутствия во Вьетнаме. США, заключает он, не должны более рассчитывать на достижение быстрой победы, но признать необходимость ведения

длительной или даже затяжной войны, предпринимая при этом поиски и политического решения конфликта.

7

Итак, курс на ведение затяжной войны на определенном уровне, в ожидании невоенного решения конфликта, хотя Макнамаре хорошо известно, что США располагают еще очень значительными возможностями дальнейшего увеличения своей военной мощи во Вьетнаме. Означало ли это потерю веры в достижение военной победы? Так считали тогда и в этом обвиняли Макнамару его противники в Пентагоне. Но настоящее решение этого вопроса пришло лишь после отставки Макнамары с поста министра обороны. В своем последнем меморандуме президенту Джонсону от 19 мая 1967 г. он обращает его внимание на то, что картина «величайшей сверхдержавы», стремящейся поставить на колени малую и отсталую страну и ради этого занимающейся уничтожением ее гражданского населения, вызывает нарастающее возмущение во всем мире и выглядит «не очень привлекательно». Но не это по-настоящему пугает Макнамару. Существует предел, с тревогой предупреждает он президента, преступить который США не позволят «многие американцы и большинство людей в мире»⁴.

Этой опасности не хотела и не могла еще понять военная верхушка Пентагона. Октябрьский меморандум Макнамары она встретила в штыки. Комитет начальников штабов, презрев субординацию, потребовал от своего министра довести до сведения президента «особое мнение» военных. Из опубликованных позднее секретных бумаг Пентагона видно, что это особое мнение сводилось к требованию достижения «победы» при помощи неограниченного использования военной силы. Комитет настаивал на отказе от правительственной политики «затянувшейся эскалации», так как она, по его убеждению, лишает США плодов их военных усилий, позволяет противнику избежать всей тяжести «морального и политического шока подавляемой стороны» и дает возможность приспособиться к медленно нарастаемому военному давлению. В качестве альтернативной программы-минимум предлагалось провести мобилизацию резервистов, с тем чтобы в

случае необходимости довести численность американских вооруженных сил во Вьетнаме до 1 млн. и одновременно нанести «сокрушительный удар» по Северному Вьетнаму, используя для этой цели все имеющиеся в распоряжении командования воздушные и морские средства.

Конец 1966 и весна 1967 г. прошли в непрекращающихся попытках командующего американскими вооруженными силами во Вьетнаме генерала Уэстморленда и председателя комитета начальников штабов генерала Уилера убедить президента последовать этим советам. Но Джонсон колебался. Сомнения, одолевавшие Макнамару, не обошли стороной и его. Не только «сокрушительный удар», но даже дальнейшая «эскалация» начинали представляться ему опасными, поскольку предыдущий опыт убеждал, что расширение рамок конфликта далеко не равнозначно и даже, при определенных обстоятельствах, противоположно достижению в нем военной победы.

8

Но уже в ближайшие месяцы судьба преподнесла «медным каскам» Пентагона и их воинственным коллегам на Капитолийском холме долгожданный подарок. В июне 1967 г. Израиль без объявления войны напал на ОАР, Сирию и Иорданию. В агрессии приняла участие 300-тысячная армия, имевшая на вооружении 400 самолетов, 1.000 танков, сотни артиллерийских орудий. Учитывая общий военный потенциал Израиля, использованные для ведения военных действий силы составляли практически весь его резерв. Это было типичное возрождение гитлеровской идеи «блицкрига», осуществленной с помощью обычных вооруженных сил в условиях ядерного века.

Израильский военный «опыт» сразу же стал предметом пристального внимания американских милитаристов. Печать, отражающая взгляды военно-промышленного комплекса, заговорила теперь в полный голос о лежащей на Белом доме «вине» за провал военной авантюры во Вьетнаме. Если бы война велась решительно и действия авиации не подвергались постоянным ограничениям, писал официоз ВВС США «Армд форсиз», то

достижение победы было бы вполне возможно. С подобной же критикой правительства выступили и другие органы информации вооруженных сил США, хотя, естественно, каждый из них подчеркивал особое значение более близких ему видов войск.

«Нерешительный» характер действий правительства президента Джонсона подвергся жесткой критике и в стенах конгресса. Израильтяне, отмечалось выступающими, не позволяли, чтобы на их решения влияли мнения третьих сторон; они не тратили времени на бесполезную дипломатическую болтовню или на выслушивание бесконечных разглагольствований в ООН; они сначала обеспечили свои интересы, а потом уже начали разговаривать. Это — достойный пример для подражания⁵. В подготовленном по заданию конгресса документе, получившем известность под названием «Дан Смут рипорт», эта точка зрения была выражена с еще большей категоричностью. В ходе кампании 1967 г., писали его авторы, Израиль блестяще продемонстрировал решающее значение принципа, которому, как следует надеяться всем американцам, будет в дальнейшем в сходных обстоятельствах подражать и их собственное правительство, — решившись начать войну, должно вести ее как молниеносную, беспощадную и тотальную, ставя себе ясную цель достижения полной победы в кратчайшие сроки⁶.

Накатившаяся на США новая волна милитаристского опьянения подняла на своем гребне все самые реакционные элементы. В последовавшие за «израильским опытом» месяцы они с возрастающим фанатизмом требовали перевести всю страну на военное положение, наносить удары по Северному Вьетнаму всей имеющейся в распоряжении США военной мощью, объявить ему войну, вторгнуться на его территорию, блокировать Ханой и другие порты и топить все иностранные суда, которые попытаются прорвать эту блокаду.

В августе 1967 г. президент Джонсон под давлением призывов военных и «ястребов» в конгрессе расширил список разрешенных для бомбежки целей и санкционировал интенсификацию военных действий. Но это уже не могло удовлетворить пентагоновцев. Они стремились, говоря на их жаргоне, заставить президента «надкусить пулю» и в отношении принятия решения о мобилизации

резервистов. Ради этого комитет начальников штабов решился пойти даже на подлог, и его председатель генерал Уилер потребовал от генерала Уэстморленда подачи дутых заявок на присылку пополнения в таких размерах, которые невозможно было бы удовлетворить только за счет регулярной армии.

9

Взрыв здания американского посольства в Сайгоне и начавшееся вслед за этим широкое наступление на всех фронтах сил освобождения Южного Вьетнама был «тяжелым и парализующим шоком» для американского командования. В выводы, которые были сделаны на основе «израильского опыта», пришлось внести определенные коррективы. Вьетнамская война объявлялась вышедшей из стадии, когда возможно применение этого опыта, поскольку-де использовавшиеся при ее ведении методы уже позволили «Вьетконгу» развернуть свои силы, укрепить инфраструктуру, приобрести боевой опыт и организовать снабжение всеми видами оружия, короче, превратиться в стойкого и сильного противника. Борьба с ним, констатировал «Индочайна кроникл», в условиях тропического климата, растительного покрова и рельефа местности, характерных для Вьетнама, не может далее с успехом осуществляться наземными вооруженными силами США⁷.

Другой, необъявленной, но весьма существенной причиной внесения коррективов в политику Вашингтона была осознанная наконец и американской военщиной опасность возникновения мощных неконтролируемых антиправительственных выступлений в самих США. В ходе проведенного комитетом начальников штабов ситуационного анализа была высказана и единодушно поддержана мысль о том, что на повестку дня выдвигается опасность «широких гражданских беспорядков» в США и что военное и гражданское руководство страны должно воздержаться от акций, которые приведут к тому, что в стране не останется достаточных контингентов вооруженных сил, необходимых для осуществления контроля над этими беспорядками⁸.

Такая переоценка возможной результативности дальнейшего участия американских вооруженных сил в войне

во Вьетнаме подготовила практический переход Вашингтона к политике «деэскалации» конфликта. Она же обусловила и возвращение к лозунгу «воевать в Азии руками азиатов», который в своем более обтекаемом варианте был перефразирован во «вьетнамизацию». Весной и летом 1968 г. Вашингтон принимает ряд новых программ по укреплению южновьетнамских вооруженных сил. Откровенно не веривший в сайгонские марионеточные войска генерал Уэстморленд был заменен более «гибким» генералом Абрамсом, которому теперь вменялось в обязанность также обучать и перевооружать «народные силы» Южного Вьетнама. Причем имелось в виду, что они, как заявил Джонсон, во всевозрастающей степени будут брать на себя основное бремя в ведении боевых операций.

10

Президент Никсон унаследовал войну во Вьетнаме в той фазе ее развития, когда избежать широкой «вьетнамизации» не представлялось более возможным. А для него это в какой-то мере было равносильно личной трагедии. Действительно, не кто иной, как вице-президент Никсон, еще в апреле 1954 г. был в первых рядах тех, кто выступал за то, чтобы США предприняли открытую военную интервенцию в Индокитае. Он же в феврале 1968 г., накануне президентской предвыборной кампании, в унисон с генералом Уэстморлендом, добивавшимся от Белого дома увеличения численности американских вооруженных сил во Вьетнаме еще на 200 тыс. человек, заявлял, что, по его глубокому убеждению, США во что бы то ни стало должны одержать там военную «победу». Никсон продолжал придерживаться этой точки зрения вплоть до своего прихода в Белый дом, когда он, как глава правительства, получил полный доступ к информации о реальном положении дел во Вьетнаме. Однако и после этого должно было пройти несколько месяцев, прежде чем внутренняя ломка его старых взглядов завершилась окончательно.

В июле 1969 г. состоялось так называемое «азиатское турне» президента Никсона. Те, кто продолжал в нем видеть «старого Никки», ожидали, что в ходе этой поездки он продемонстрирует «твердую решимость» Соединенных Штатов добиться военной победы во Вьетнаме.

Перед отъездом президента республиканцы в сенате даже организовали манифестацию поддержки этого курса, а только что вернувшийся из четырехдневной инспекционной поездки в Сайгон председатель комитета начальников штабов генерал Уилер в докладе президенту говорил об «улучшении обстановки» во Вьетнаме и готовности американского командования следовать тактике «максимального давления» на противника.

Тем более неожиданной для сопровождавших президента журналистов оказалась первая же в ходе поездки пресс-конференция, состоявшаяся 25 июля в офицерском клубе ВМС США на острове Гуам. Никсон говорил о глубоком разочаровании американцев вьетнамской войной, о растущем во всех азиатских странах неприятии американского вмешательства в их внутренние дела, о все более очевидной невозможности для Вашингтона поддерживать «мир во всем мире» в одиночку. Комментаторов, правда, озадачило заявление президента о том, что если в будущем к нему обратится правительство какой-либо азиатской страны с просьбой помочь отразить внутреннюю или внешнюю «коммунистическую агрессию», то ему трудно будет ответить на эту просьбу отказом. Но в общем провозглашенный Никсоном принцип: «Мир в Азии должен поддерживаться руками азиатов» был воспринят почти повсеместно в США и среди их союзников как доказательство принятого Вашингтоном решения воздерживаться в дальнейшем от прямого военного вмешательства в региональные конфликты.

Новая доктрина получила сначала наименование «гуамской доктрины», а затем — «доктрины Никсона». Отдельные ее положения впоследствии уточнялись и развивались, но это не затронуло ее основной сути: подавление революционных или национально-освободительных движений в третьих странах должно в максимально возможной степени осуществляться за счет использования людских резервов этих же стран.

Внешняя результативность предпринимавшихся Пентагоном усилий по скорейшей «вьетнамизации» войны во

Вьетнаме — ускоренное обучение и перевооружение новейшей военной техникой сайгонской марионеточной армии — способствовала показному росту уверенности в эффективности этой политики. Послания президента конгрессу о положении страны хорошо отражают эту эволюцию. В 1970 г., направляя такое послание на Капитолийский холм, президент Никсон писал, что он видит одну из основных проблем в отсутствии каких-либо гарантий принципиального изменения ситуации и с завершением программы «вьетнамизации». В послании 1971 г. этот вопрос рассматривался им уже более оптимистично. Южновьетнамцы, писал Никсон, в значительной мере взяли на себя бремя ведения войны, и, хотя «серьезная коммунистическая опасность» продолжает существовать, они, очевидно, смогут противостоять ей в будущем. Правда, президента продолжал беспокоить низкий профессиональный уровень сайгонского военного руководства, мешающая «вьетнамизации» коррупция, и он предупреждал конгресс, что еще рано говорить о полном прекращении американского военного участия в конфликте. Послание 1972 г. выглядело еще более оптимистичным. Президент доводил до сведения конгресса, что США уже передали южновьетнамским вооруженным силам «основное бремя ведения наземных боевых действий», и одновременно утверждал, что «вьетнамизация» может теперь рассматриваться как вполне эффективное средство полностью положить конец американскому участию в войне.

Эта официальная позиция возрастающего оптимизма поддерживалась и следовавшими одно за другим заявлениями ответственных американских и политических руководителей. Презрительное отношение к сайгонским воякам, подчас находившее свое выражение в использовании для их характеристики даже площадных эпитетов, сменилось хвалебными оценками их боевых и моральных качеств. Продолжавшееся в широких масштабах дезертирство, рост волнений и бунтов в частях «не замечались» или откровенно игнорировались. Дело доходило до курьезов. Стремясь быть в ногу со временем, журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» в одном из своих майских номеров 1972 г. пошел, например, так далеко, что увидел возросший моральный и боевой дух сайгонских вояк в том, что даже во время панического бегства с поля боя

они теперь все же, бывает, не бросают и личного оружия.

Однако в целом американская пресса не могла не признавать продолжающейся безусловной зависимости сайгонских вооруженных сил от массовой американской поддержки. Участие американской авиации в боевых действиях, писала с тревогой в редакционной статье от 5 апреля 1972 г. «Вашингтон пост», продолжает оставаться абсолютно необходимым для сохранения нынешнего правительства в Сайгоне; как бы ни оценивались результаты «вьетнамизации», это было и остается совершенно очевидным. К осени волна пессимизма вновь достигает высшей точки. Военная оценка существующей ситуации, приходил к выводу, например, журнал «Тайм», свидетельствует, что «положение коммунистов представляется сейчас лучшим», чем когда бы то ни было, начиная с 1969 г. «Вьетнамизированные» вооруженные силы оказались в конечном итоге не в состоянии взять на себя всю тяжесть ведения военных действий против южновьетнамских сил народного освобождения, так же, как и варварские налеты американской стратегической авиации — сломить волю народа ДРВ. Военное поражение США во Вьетнаме, усугубившее переживавшийся ими политический кризис, принудило наконец Вашингтон вернуться к столу переговоров.

12

Провал американской агрессии во Вьетнаме, казалось, привел к серьезным сдвигам во взглядах Вашингтона на возможности использования обычных вооруженных сил и вооружений для достижения своих внешнеполитических целей. В их совокупности эти изменения стало привычным именовать «вьетнамским синдромом» — т. е. своего рода психологическим неприятием Вашингтоном каких-либо новых планов военного вмешательства в ход региональных конфликтов. Но такая оценка «вьетнамского синдрома», не говоря уже о ее наивности, оказалась недолговечной.

ОТ «РЕАГИРОВАНИЯ» К
«РАЗВЕРТЫВАНИЮ»

1

В начале октября 1973 г. конгресс США подавляющим большинством голосов принял закон об ограничении военных полномочий президента. Использование им за пределами страны американских вооруженных сил для ведения боевых действий без ясно на то выраженного согласия конгресса ограничивалось впредь одним месяцем. Это был пик охватившего США «вьетнамского синдрома», когда лозунгом дня повсюду было: «Никаких новых Вьетнамов!»

Но единодушие это было чисто внешним. Лозунг «Никаких новых Вьетнамов!», писал опытный дипломат Дж. Болл, может иметь различное значение — например, выражать «ястребиное» мнение, что США не должны ставить себе пределов в использовании военной силы при ведении войн, подобных вьетнамской, предоставлять полную свободу военным. Не собирались отказываться от «будущих Вьетнамов» и американские политики. Вьетнам, любил повторять президент Джонсон, «это не изолированный эпизод американской истории; это — еще один великий шаг в осуществлении той политики, которую США последовательно проводят с конца второй мировой войны»¹. Вьетнам, говорил и президент Никсон, это — «не только наше прошлое, но и наше будущее. Ни один президент не может гарантировать, что будущие конфликты не потребуют участия и американских вооруженных сил. США не могут отказаться от защиты своих интересов, каким бы образом они ни подвергались угрозе в любой точке земного шара». Характерно, что, даже выступая в мае 1973 г. перед вернувшимися из Вьетнама американскими военнопленными, президент счел допустимым говорить не об ограниченности возможностей использования силы в современных условиях, а о непреходящей, возрастающей роли силы. Присмотритесь, взывал он, к тому, что происходит в мире: «Среди сво-

бодных народов только США обладают достаточной военной мощью, которая позволяет им быть хранителем мира во всем мире. Эта мощь сконцентрирована здесь — в Овальном кабинете Белого дома. И она будет оставаться здесь, кто бы ни стал в будущем хозяином этого кабинета»².

Символично, что, предприняв еще в ходе вьетнамской войны замену старой стратегии «гибкого реагирования» на новую — «реалистического сдерживания», или «устрашения», Вашингтон, как подчеркивал министр обороны М. Лэйрд, не забыл включить в нее и положения о наращивании США готовности и возможностей действовать с помощью силы. Прежняя стратегия, разъяснял он конгрессу смысл этой идеи в своем докладе, носила ответный, рефлекторный характер; новая — инициативный, активный. Прежняя сосредоточивалась на сдерживании и приспособлении; новая — делает упор на «соразмерную и ответственную вовлеченность» в противостояние с коммунизмом³.

Стратегия «реалистического сдерживания», в целях повышения способности США к «соразмерной и ответственной вовлеченности» в вооруженную борьбу с революционными и национально-освободительными движениями, требовала наряду с совершенствованием стратегического арсенала существенного наращивания американского военного потенциала и на уровне обычного оружия. Обосновывая этот курс, президент Никсон и его министр обороны утверждали, что в сложившейся ситуации ядерного американо-советского паритета вероятность возникновения конфликтов на уровнях «ниже мировой ядерной или обычной» войн будет возрастать и что если американские вооруженные силы не приобретут необходимой способности эффективно воздействовать на развитие конфликтов, то такой способностью овладеют за них «коммунистические страны». Даже признавая, что подписание московских соглашений по ограничению стратегических вооружений, несомненно, способствовало стабилизации международной обстановки, президент Никсон делал из этого вывод о том, что успех в достижении этих договоренностей лишь подчеркивает необходимость поддержания других сил «сдерживания коммунизма» на уровне, который сможет обеспечить выполнение этой задачи.

Отсутствие открытого военного конфликта между США и СССР и даже улучшение отношений между ними, писал Г. Моргентау, в значительной мере не являются результатом того, что этим двум державам удалось разрешить разделявшие их спорные проблемы или что у них нет больше причин, которые могли бы повести к возникновению такого конфликта, а того, что Соединенные Штаты оказываются сейчас просто не в состоянии противостоять расширению «сферы влияния советской военной силы». То, что наивному или необъективному наблюдателю представляется в виде нового, гармоничного периода развития отношений между двумя державами, является лишь побочным результатом военной связанности Вашингтона во Вьетнаме. До тех пор пока материальные и людские ресурсы США будут приноситься в жертву вьетнамской войне, отношения с Советским Союзом будут оставаться, как представляется многим, «хорошими». Но как только США разделяются с этой войной, как только американская военная политика вновь обретет рациональную базу, США могут оказаться в состоянии военной конфронтации с СССР⁴.

Подобные взгляды находили тем более широкое распространение, что в американском политическом и военном руководстве начинало все шире распространяться убеждение в существующей свободе рук предпринимать под прикрытием ядерного «зонта» военные операции достаточно широкого характера. Большинство авторов появившихся в то же время теоретических исследований этого вопроса не видели здесь никакого риска. Взятая в исторической перспективе способность к ведению ядерной войны, писал возглавлявший в то время Институт международных отношений Пенсильванского университета У. Кинтнер, является действительно уникальной. Но обладающие этим оружием государства, будучи вынужденными избегать доводить дело до ядерного конфликта, ведут себя в конечном счете на международной арене со всех других точек зрения так, как будто они продолжают находиться в XVIII столетии.

Высокую оценку американских верхов получила книга Х. Болдуина «Стратегия завтрашнего дня», на титульном листе которой указывалось, что ее автор выражает также и точку зрения Центра стратегических и международных

исследований Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Основной темой книги было доказательство «неотвратимости» будущих войн. Исходя из опыта прошлого и из того, что нам известно о природе человека, писал Болдуин, не приходится сомневаться, что в той или другой форме вооруженные столкновения между человеческими обществами будут происходить вплоть до самого отдаленного будущего, возможно, и до тех пор, пока существует человек. Болдуин высмеивал надежды на наступление мирного периода после вьетнамской войны, поскольку, по его мнению, эта война была всего лишь эпизодом сложного и противоречивого процесса развития мира, одной из проблем в бесконечном ряду не менее сложных и не менее взрывчатых по своей природе. В предвидении такого развития событий на мировой арене, считал он, Соединенным Штатам следовало бы прежде всего научиться вести локальные войны, не ограничивая применение своей военной силы, — сила требует сдержанности, но если она все же пущена в ход и если США хотят достичь победы, ее использование должно быть массированным и решительным⁵.

Все эти вариации на тему о «неизбежности новых Вьетнамов» становились дежурным материалом и на страницах многих влиятельных американских изданий. Достаточно внимательное изучение развития ситуации в мире, писал, например, журнал «Форин афферс», не оставляет сомнений в том, что невозможно выделить какой-нибудь географический регион, где события будут иметь настолько местный характер, что любое ответственное правительство в Вашингтоне не окажется перед необходимостью принять решение о вооруженном вмешательстве США в их развитие на уровне обычных систем оружия.

Формированию таких настроений в немалой степени способствовали высказываемые вашингтонскими политиками благоприятные для США оценки соотношения американских и советских возможностей оказания прямого военного давления на развитие конфликтных ситуаций в третьих странах. Широкое распространение получило сформулированное З. Бжезинским утверждение о якобы уже неоспоримом и полностью совершившемся переходе США из категории апокалипсической ядерной силы в

категорию доминирующей, на уровне обычного оружия, глобальной силы. На официальном уровне такая точка зрения впервые была высказана министром обороны Макнамарой, самоуверенно заявившим, что, как бы СССР ни стремился достигнуть равной с США способности действовать с опорой на неядерную военную силу в отдаленных регионах мира, его возможности в этом отношении будут и в дальнейшем оставаться весьма ограниченными. Это заявление, сделанное еще в разгар вьетнамской войны, когда Вашингтон одолевали совершенно другие заботы, не привлекло внимания и, казалось, было вскоре забыто. Но когда в апреле 1973 г. министр обороны Ричардсон направил в конгресс доклад о новом военном бюджете, в нем оказались почти буквально повторенными эти положения Макнамары.

2

В истории и практике империалистической экспансии установление и поддержание своего господствующего положения в различных регионах мира всегда отождествлялось со способностью к «военному присутствию». Поскольку же надежность и постоянство военного присутствия обычно наиболее полно обеспечивались наличием военных баз, стремление к их созданию или приобретению стало своего рода обязательной традицией для конкурировавших между собой империалистических государств. Появление в послевоенный период новых систем стратегического оружия, смена целого ряда основных военно-политических доктрин, общее изменение соотношения сил двух основных мировых систем оказали, конечно, свое влияние на отношение США к этой традиционной концепции, но их приверженность к ней остается по-прежнему чрезвычайно сильной. И это нельзя объяснить простой «привычкой». В Вашингтоне хорошо отдают себе отчет в нарастающих политических, экономических и других трудностях, связанных с удержанием за собой военных баз на иностранных территориях. Свидетельством этому может служить некоторое сокращение их общего числа за счет ликвидации наименее важных при одновременном переоснащении новейшей техникой остающихся, перемещении их на малонаселенные или

необитаемые острова. Более тщательными стали также оценки и военно-политическая подготовка, предшествующие выбору места и строительству новых военных баз в регионах, так или иначе ассоциируемых в Вашингтоне с «жизненно важными» интересами Соединенных Штатов.

Однако поддержание военного присутствия с опорой на базы, даже оставляя в стороне связанные с этим побочные трудности, уже не являлось идеальным решением вопроса. С чисто военной точки зрения, постоянное пребывание более полумиллиона американских военно-служащих на разбросанных по всему миру военных базах заметно ослабляло возможности Пентагона массированно использовать свои вооруженные силы там, где в этом в данный момент срочно возникала «необходимость». Становится все более очевидным — и к пониманию этого должны будут прийти также и военные, писал Х. Болдуин, что американские легионы, как в свое время легионы Рима, оказались слишком разбросанными. А при таком положении завоевание мира или установление контроля над ним с помощью американской военной мощи перестает быть возможным⁶. Выход из этого положения виделся лишь в создании такой структуры американского военного присутствия, которая позволила бы осуществлять это «присутствие», в значительной мере «не присутствуя». В своем более завершенном выражении эти идеи получили оформление и стали известны как концепция «дистанционного присутствия».

3

В попытках обеспечения такого присутствия первоначальным увлечением стал флот (здесь сказались и обусловливавшиеся «вьетнамским синдромом» страхи перед новым втягиванием в затяжную наземную войну). Фактически подменяя понятие «дистанционного присутствия» более ограниченным «морским присутствием», приверженцы этой идеи выдвигали тезис «ухода в море». Следуя этой концепции, утверждали они, США смогут действовать во всех случаях с позиции силы; они смогут осуществлять военное вмешательство по своему выбору, наносить удары по противнику в любом районе мира,

устанавливать морскую и воздушную блокады, защищать свои заокеанские опорные пункты, создавать новые плацдармы везде, где можно использовать мобильность и гибкость морской мощи. Военно-морские силы, не раз заявлялось с трибуны конгресса, имеют то огромное преимущество, что они дают Вашингтону ничем не стесняемый выбор возможных действий в поддержку американской внешней политики в любой части земного шара. Флот может выдвигаться в самые отдаленные регионы мира, и это не требует заключения тех или иных международных соглашений или учета состояния внутривнутриполитической обстановки в той или другой стране. В представленном сенатской комиссии по делам вооруженных сил докладе начальника штаба ВМС США адмирала Э. Замуолта о состоянии и перспективах строительства американских военно-морских сил на 70-е годы указывалось также, что флот, пользуясь правом свободы мореплавания в международных водах, может постоянно находиться в непосредственной близости от противника, создавать угрозу применения силы и в любой момент применить эту силу, имея при этом возможность выбора времени, места и масштабов ее применения. Исходя из этого, писал Замуолт, военно-морские силы могут стать единственной силой, способной быстро и эффективно решать военные задачи, независимо от наличия передовых баз, возможностей использования воздушного пространства или аэродромов третьих стран, а также каких-либо других условий, которые определяются союзническими и договорными отношениями⁷.

Выдвигавшиеся в подтверждение этих претензий обоснования сводились прежде всего к тому, что в послевоенный период именно флот показал себя наиболее гибким средством подавления противника с воздуха. Напоминалось, например, что во время американской интервенции в Ливане в 1958 г. авианосцы и базировавшиеся на них истребители в течение двух месяцев, то есть до того момента, когда ВВС США оказались в состоянии взять на себя эти обязанности, обеспечивали воздушное прикрытие американских экспедиционных сил. В годы войны во Вьетнаме в ведении боевых действий участвовало уже более 200 военных кораблей, в том числе до 6 авианосцев, а также свыше 700 боевых самолетов из состава 7-го

флота и корпуса морской пехоты. В 1965—1968 гг. почти 50% всех боевых самолето-вылетов — до 45.000 в месяц — приходилось на долю морской авиации. В феврале 1972 г. только с авианосца «Энтерпрайз» было произведено около 1.700 боевых самолето-вылетов.

В руководящих военных кругах США авианосцы все более начинали рассматриваться как своего рода мобильные аэродромы, вполне пригодные для использования авиации в целях нанесения ударов по наземным объектам противника. Было подсчитано, что самолеты авианосного базирования теоретически дают возможность ВМС США наносить удары по территориям (за исключением СССР), в пределах которых проживает до 95% населения всего земного шара. Конечно, самолеты каждого данного авианосца в каждый данный момент обладают такой способностью только выборочно, в зависимости от местоположения корабля. Однако перемещение или перегруппировка авианосцев не требует значительного времени, так как, «оставляя за кормой до 500 миль водного пространства в день», авианосец, имеющий на борту самолеты с радиусом действия до 1.000 миль, может максимум за три дня, двигаясь, например, из любого пункта в Индийском океане, занять позицию, пригодную для нанесения ударов по всему периметру от Суэца до Сингапура, и еще три дня ему потребуется, чтобы самому прибыть в район непосредственной близости к театру военных действий.

Быстрая и массированная концентрация авианосцев «в нужное время и в нужном месте», как предполагалось, должна была позволить США брать под эффективный контроль развитие «опасных ситуаций» вьетнамского типа. Вполне возможно, указывалось в конгрессе, что США могли бы подавить в самом начале развитие национально-освободительного движения во Вьетнаме, если бы они своевременно сконцентрировали десять или двенадцать авианосцев с экспедиционными силами у его берегов. Одно зрелище этой «поражающей воображение» военной силы заставило бы Ханой «по-другому взглянуть на вещи».

Высказываясь за «уход в море», сторонники организации «дистанционного присутствия» такого образца шли еще дальше, утверждая, что ВМС будут обладать превос-

ходящими возможностями и в тех случаях, когда вновь встанет вопрос о необходимости непосредственного участия вооруженных сил США в ведении наземных операций. Военный успех, указывали они, определяется прежде всего способностью экспедиционных сил обеспечить необходимые для этого условия в районе конфликта. С этой точки зрения флот и морская пехота продолжают сохранять неоспоримые преимущества. В отличие от армейских десантов, вынужденных одновременно со вступлением в бой организовывать свою инфраструктуру, в частности захватывать или создавать аэродромы, на которые могли бы базироваться самолеты их воздушного прикрытия и поддержки, морская пехота вступает в действие, уже обладая прочным, хорошо организованным и высокотехническим «тылом». Важно и то, что этот «тыл» всегда находится в непосредственной близости от театра военных действий. Базирующиеся на авианосцы штурмовики и истребители авиации корпуса морской пехоты, истребители и бомбардировщики авиации флота прибывают в район выполнения боевых заданий в максимально короткие сроки, с практически полным запасом горючего в своих баках, сохраняя состояние высшей боевой и технической готовности.

Учитывая современную международную обстановку, говорил в ходе дачи показаний в конгрессе командующий корпусом морской пехоты генерал Кашман, США не могут рассчитывать на заблаговременное усиление своего физического военного присутствия на иностранных территориях. Однако они могут пойти по другому пути, то есть по пути организации вторжения с применением оружия в районах возникновения конфликтов. Но следует помнить, что флот и морская пехота являются теми единственными силами, которые способны решать такие задачи¹.

На какое-то время влияние этих идей на затронутые «вьетнамским синдромом» умы оставалось значительным. В докладе одной из специальных комиссий конгресса было признано, например, что жизненные интересы США требуют, чтобы американские ВМС были в состоянии осуществлять порученную им миссию «национальной обороны» в любом регионе мира и в любое время. Эта позиция была полностью поддержана правительст-

вом президента Никсона. В первом же интервью, в ходе которого оказался затронутым этот вопрос, им было заявлено, что он верит в «сильный неядерный морской флот», верит, что этот флот поможет США выполнить возложенное на них предназначение «хранителей мира».

4

Однако подобное сведение понятия «дистанционного военного присутствия» только к морскому присутствию, как это делалось его сторонниками, не могло, конечно, сколько-нибудь долго считаться удовлетворительным решением вопроса кем-либо из политического и военного руководства в Вашингтоне, кроме представителей командования самих военно-морских сил, роли которых в соответствии с этим подходом к проблеме придавалось совершенно исключительное значение.

Не только вторая мировая война, но и тот же Вьетнам убедительно свидетельствовали, что военная авиация, взятая сама по себе, не способна не только закрепить успех, но и нанести решительное поражение противнику, особенно в тех случаях, когда этот противник придерживается тактики партизанского ведения боевых действий. Критики идей «ухода в море» справедливо указывали, что, хотя во время войны во Вьетнаме там было сброшено больше общего тоннажа бомб, чем за все годы второй мировой войны авиацией западных союзников на всех театрах военных действий, это не привело к достижению американской «победы». Развеянными оказались и старые, времен «политики канонерок» представления о том, что флот и морская пехота могут оказаться способными самостоятельно решать исход военных конфликтов путем использования для этого тактики морских десантов. Несмотря на беспрецедентные размеры корпуса экспедиционных сил во Вьетнаме, их высокую техническую оснащенность, морская пехота продемонстрировала на поле боя не большую эффективность, чем другие виды войск. В условиях нового подъема национально-освободительной борьбы излюбленная тактика корпуса «замирения туземцев» при помощи «устрашения» оказалась несостоятельной. Одной из наиболее трагических для народа

Южного Вьетнама в этом плане стала так называемая «операция Феникс», осуществлявшаяся в течение ряда лет под руководством будущего директора ЦРУ У. Колби. Она вылилась в массовое хладнокровное уничтожение мирного населения, далеко превзойдя печально известные гитлеровские лагеря смерти. В последние годы стало известно, что в течение всего хода этой операции Колби лично устанавливал месячные «квоты» уничтожения гражданского населения, которые должны были выполняться в обязательном порядке американским командованием во Вьетнаме, прежде всего с помощью «зеленых беретов» и морской пехоты. Но и «операция Феникс», которая самой американской прессой была впоследствии отнесена к разряду случаев «неоправданной жестокости», впрочем тут же оправдываемой ею же как явление, «характерное для всех войн», не принесла военных удач американским интервентам, способствовал только росту ненависти к ним среди всех слоев населения Южного Вьетнама.

При этом, особенно к концу вьетнамской войны, личный состав корпуса морской пехоты, как, впрочем, и других частей, пополнявшийся за счет призыва антивоенно настроенной молодежи, все более переставал внушать доверие в Вашингтоне. Проведенные под эгидой Пентагона многочисленные научные изыскания заставляли делать вывод о том, что массовые армии, неофицерский состав которых набирается на основе законов об обязательном призыве, заражены оппозиционными настроениями в отношении интервенционистской политики американского империализма. Мир, писала «Вашингтон пост», комментируя эти откровения, никогда бы, например, не узнал о кровавой бойне в Сонгми, учиненной лейтенантом Келли, если бы единственными ее свидетелями были солдаты, карьера и пенсионное обеспечение которых полностью зависят от прохождения службы в американских вооруженных силах.

Наконец, флот не мог удовлетворить американских стратегов и с точки зрения главного козыря морского командования — его мобильности. Указывалось, например, что если доставка военных грузов во Вьетнам по воздуху занимала в среднем около 20 часов, то по морю — до 16 суток. А такие темпы выглядели уже совершенно неприемлемыми для решения ставившейся задачи

военного вмешательства в конфликты в первые же часы их развития. Если бы США, писал в своих воспоминаниях бывший командующий ВВС, премьер-министр и вице-президент марионеточного сайгонского правительства Нгуен Као Ки, могли пойти на достижение победы, образно говоря, за одну ночь, то дым от сражений рассеялся бы раньше, чем американский народ перестал протирать глаза, и Вашингтону не пришлось бы изведать горечь поражения⁹.

Вырисовывавшиеся новые взгляды требовали, таким образом, поисков средств и путей, которые позволили бы США осуществлять вооруженное вмешательство в конфликты в виде скоротечных, практически «молниеносных» операций за счет «решительных» действий с опорой на относительно малочисленные, но специально подготовленные для этого высококомобильные и высоко технически оснащенные профессиональные вооруженные силы.

Переход к наемным вооруженным силам не оказался делом слишком сложным, и по завершении их реорганизации оставалось только решить проблему выделения необходимых для «новых Вьетнамов» формирований и методов их использования в целях подавления революционных и национально-освободительных движений.

5

К вящему удивлению многих даже в Пентагоне, оказалось, что такие формирования вроде бы уже существуют. Это был созданный в 1965 г. специальный 125-тысячный армейский корпус «Страйк», который должен был находиться в постоянной боевой готовности к отправке за океан для ведения там боевых действий.

«Страйк» был посмертным детищем президента Кеннеди и отвечал признаваемой им все же необходимости не полагаться только на «парамилитаристские и контрповстанческие» методы противодействия народным движениям, но повысить способность США «реагировать на коммунистические вызовы» также и с помощью мощных и высококомобильных сил, обученных для ведения быстротечных операций.

Однако решение этой задачи в то время практически находилось за пределами возможностей Пентагона. Докладывая о своих первых впечатлениях, новый министр обороны Макнамара сообщал, что там он обнаружил в качестве единственного ответа на все военные и политические проблемы «лишь стратегию массированного возмездия» при полном равнодушии к тому, что неядерные силы останутся слабыми с точки зрения имеющих в наличии готовых к бою дивизий и способности к их переброске по воздуху. Кеннеди и сам был «ошеломлен и изумлен», когда через несколько дней после своего водворения в Белый дом он, осведомившись о времени, которое должно потребоваться для переброски по воздуху в Юго-Восточную Азию всего одной армейской дивизии, узнал, что подобная операция займет как минимум 25—30 дней. Позднее, анализируя уроки кризиса в районе Карибского моря, командование ВВС США вынуждено было признать, что переброска контрреволюционных сил во Флориду, где осуществлялась их концентрация, несмотря на незначительность расстояний, потребовала наивысшего напряжения сил, хотя для облегчения поставленной перед ним задачи управлению военно-транспортной авиации было выделено дополнительно свыше 400 гражданских транспортных самолетов.

Изменить это положение, как понимал президент Кеннеди, можно было только с помощью самого энергичного вмешательства на высшем уровне. Именно поэтому уже в своем первом послании конгрессу о положении страны он выдвигает в качестве одной из важнейших общенациональных проблем задачу повышения возможностей к осуществлению воздушных перебросок американских вооруженных сил, связывая это с необходимостью наращивания способности США оказывать эффективное влияние на ход ограниченных войн в «далеко отстоящих друг от друга частях света».

Тем не менее на все это требовалось время, и только ко второй половине 1963 г. Пентагон счел себя достаточно подготовленным к проведению крупных учений по переброске войск по воздуху за океан. Предполагалось, что в ходе этой операции, которой было присвоено кодовое наименование «Биг лифт», военно-транспортная авиация должна будет в пределах приблизительно трех

суток перебросить в Европу бронетанковую дивизию, дислоцировавшуюся на базе Форт-Худ в Техасе.

Осуществление операции, несмотря на осеннее время, велось круглосуточно и с предельным напряжением: бывали моменты, когда на всем протяжении «воздушного моста» из Америки в Европу находилось одновременно свыше сотни самолетов. Однако, несмотря на эту внешнюю масштабность операции, оценки ее результатов военными экспертами оказались весьма сдержанными. «Биг лифт», указывали они, продемонстрировала уже известную истину — полное отсутствие у США военно-транспортных самолетов, действительно пригодных для осуществления подобных операций. Использувавшиеся в ее ходе винтомоторные «Глобмастеры» были тихоходны и, кроме того, на пути из США в Европу им дважды — на Лабрадоре и в Англии — приходилось делать посадку для заправки горючим. В условиях сложных международных ситуаций, которые обычно возникают при развитии реальных военных конфликтов, эти недостатки «Глобмастеров» могли бы оказаться фатальными для успеха операции. Более того, сама практическая результативность операции «Биг лифт», с точки зрения уровня уже приобретенной США способности к «дистанционному присутствию» в его чистом виде, оказалась также разочаровывающей. Если учесть, что вес тяжелой военной техники, перебросенной одновременно с личным составом дивизии, находившейся на ее вооружении, составил всего около 5%, а остальное вооружение было получено с американских складов в Европе, то становилось очевидным, как много еще предстояло сделать, чтобы овладеть способностью к «дистанционному присутствию» хотя бы в масштабах перебросок относительно небольших воинских контингентов.

Только в 1965 г. на вооружение ВВС США начали поступать самолеты С-141 «Старлифтер» — первые реактивные военные транспорты, сконструированные специально для межконтинентальных перебросок войск и военной техники. Но возможности «Старлифтера» были еще весьма ограничены. При максимальном взлетном весе в 140 т он был способен доставить на расстояние 10 тыс. километров полезный груз, равный всего шестнад-

цати с половиной тоннам. Кроме того, размеры фюзеляжа «Старлифтера» не позволяли использовать его для переброски наиболее тяжелых и крупногабаритных образцов боевой техники. Значительно большими возможностями обладал, однако, переданный в декабре 1969 г. ВВС США в качестве еще опытного образца трансконтинентальный супергрузовой самолет С-5А «Гэлакси». Выступая на торжественной церемонии, президент Джонсон считал нужным подчеркнуть, что с появлением «Гэлакси» США впервые приобретают реальную способность быстро и эффективно перебрасывать свои вооруженные силы и военную технику в любую точку земного шара, где они могут оказаться «вынужденными» защищать свои «жизненные интересы». Комментируя это выступление президента, журнал «Милитари ревью» писал тогда, что внедрение «Гэлакси» позволит США выступить на мировой арене в новой роли своего рода международной национальной гвардии и Вашингтону не придется больше ломать голову над тем, как осуществлять «полицейский надзор» в разбросанных по всему миру опасных и неспокойных регионах только с опорой на распыленные по военным базам силы¹⁰.

Но эти пророчества оказались преждевременными. Не говоря уже о быстро проявившихся конструктивных недостатках, самолеты «Гэлакси» при полетах на дальние расстояния оказались неспособными брать с собой запас горючего, необходимый для совершения обратного рейса. Таким образом, без организации предварительной доставки этого горючего в район конфликта с помощью других транспортных средств использование «Гэлакси» позволяло построить, образно говоря, не «мост», но лишь «трамплин» для одноразового трансконтинентального прыжка небольших контингентов войск. В условиях вьетнамской войны, когда доставка военных грузов по воздуху в среднем никогда не превышала 2% их общего объема, эти и так скромные достоинства «Гэлакси» и совсем теряли свою привлекательность. Все это и определило то положение, что к концу войны во Вьетнаме, когда вопрос об организации «дистанционного присутствия» превратился в жгучую и не терпящую отлагательства проблему, никто даже не вспомнил о существовании предназначенного для достижения тех же целей корпуса

«Страйк», и миражи «ухода в морю» на какое-то время полностью поглотили внимание Вашингтона.

6

Возвращение к попыткам создания высококомобильных — прежде всего на основе использования военно-транспортной авиации — войск особой готовности обошло забытый корпус также стороной. Начинали все заново, исходя из того, что если «Страйк» комплектовался за счет личного состава обычных войсковых подразделений, то новые, специально подготовленные для ведения военных действий в специфических условиях удаленных регионов войска должны носить особый, даже на фоне новых, наемных вооруженных сил США, характер.

В 1974 г. из высших вашингтонских сфер в американскую печать «просачиваются» первые сведения о планах формирования неких «резервных высокоманевренных контингентов», которые отвечали бы этим требованиям. На пресс-конференции в марте того же года министр обороны Дж. Шлесинджер подтвердил эти слухи, указав, что правительство уже рассмотрело возможности создания подобных контингентов «для Кореи». В представленном в 1975 г. конгрессу докладе о военном бюджете на 1976/77 финансовый год Шлесинджер оправдывал это тем, что если США и допустили некоторые просчеты десятилетие тому назад в определенном регионе, то есть во Вьетнаме, то это не может продолжать служить причиной для того, чтобы и далее мириться с неспособностью США применять силу, притом быстро, в других регионах мира.

С приходом в Белый дом президента Картера эти идеи полностью наследуются новым правительством, конкретизирующим их вначале в несколько ограниченную формулу создания «сил быстрого реагирования за горизонтом» — в «ненатовских ситуациях», прежде всего в зоне Персидского залива. В правительстве, отмечалось американскими политическими комментаторами, надеются, что решения, которые будут приняты в этом плане, послужат утверждением происшедшего избавления США

от «вьетнамского синдрома», возрождения готовности использовать военную силу для защиты «национальных интересов» страны за океаном. Выступивший в начале августа 1979 г. на съезде американской ассоциации по изучению международных проблем помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский подтвердил, что правительство президента Картера не рассматривает «вьетнамский опыт» как доказательство ничемности и даже пагубности обращения США к военной силе в такого рода конфликтах и полно решимости сделать все, чтобы гарантировать наличие возможностей и средств переброски силы в надлежащей форме и с надлежащим уровнем интенсивности туда, где она может потребоваться.

В выступлении в совете предпринимателей 12 декабря 1979 г., обосновывая новую доктрину — «доктрину Картера», провозгласившую «право» США на вооруженное вмешательство практически в любом регионе земного шара, и в январском 1980 г. послании конгрессу «О положении страны» президент уже официально объявляет о принятом правительством решении «быстро реагировать» на возникновение чрезвычайных обстоятельств повсюду, где они могут «угрожать» интересам США, и в этих целях, в частности, в ближайшее же время осуществить комплектование «сил быстрого реагирования».

Нельзя было, однако, не заметить, что во взглядах Белого дома на сам принцип американского «реагирования» успели произойти существенные изменения. Картер откровенно давал понять, что масштабы такого «реагирования» не будут ограничиваться возможностями специально создаваемых для этого сил, и они будут чаще всего играть роль лишь передового эшелона вооруженного вторжения. «Дистанционное присутствие» с опорой на базы и на «морское присутствие» теперь полностью восстанавливалось в своих правах и включалось в «реагирование». В соответствии с этим сами силы «быстрого реагирования» начинали предпочтительно называть силами «быстрого развертывания», и их численность была вскоре пересмотрена. Если вначале предполагалось ограничиться 100—110 тыс. человек личного состава таких сил, то в дальнейшем речь пошла уже о силах в

200 тыс. человек плюс 100 тыс. «закрепляемых» за ними резервистов.

Разъясняя эти новые положения, министр обороны Г. Браун, выступивший 26 февраля 1980 г. перед сенатской комиссией по делам вооруженных сил, говорил о том, что, по мнению правительства, в беспокойных районах мира или поблизости от этих районов должно существовать «надлежащее американское военное присутствие», обеспечиваемое военными базами или специально переоборудованными под такие базы судами с размещенной на них тяжелой военной техникой, а также авианосцами и другими боевыми кораблями флота. Если же такое военное присутствие по тем или иным причинам оказывается невозможным обеспечить в отдельно взятых регионах, то там оно должно опираться на создаваемую США способность к переброскам «сил быстрого развертывания», которые в военное время и составят ядро сосредоточения американских экспедиционных сил.

Вырисовывавшаяся структура «сил быстрого развертывания» также отходила от представлений о ней как чисто аэромобильной. Правда, планами Пентагона предусматривалось строительство целой армады сверхсовременных военно-транспортных самолетов «СХ», способных осуществлять глобальные переброски войск и военной техники. Но они же включали в себя и программу строительства быстроходных транспортных судов, в том числе и на воздушной подушке, а также специально сконструированных под базы склады оружия морских транспортов. Кроме того, в соответствии с заявлениями Г. Брауна, предполагалось, что и сами «силы быстрого развертывания» могут включать в себя соединения авианосцев и других боевых кораблей. Короче говоря, дело оборачивалось тем, что «быстрое реагирование», превратившись в «быстрое развертывание», по сути дела, начинало уже смыкаться с «досиндромными» представлениями о вседозволенности для США использования военной силы без каких бы то ни было «самоограничений».

Хотелось забыть тяжелые для американского империализма времена, расслабиться, по прихоти, небрежно вершить судьбы мира. Пользуясь статусом «частного лица», экс-президент Р. Никсон так и сделал. Умозрительно решая, как поступить с Ираном, где так плохо

обошлись с его личным другом шахом, он предался приятным размышлениям: почему бы США не вторгнуться туда и не убрать тех, кто находится у власти? Иран — слабая страна, где отсутствует всякая мораль. США имеют дело с неразумными людьми и неразумным главой государства.

В Белом доме солидно промолчали, но ровно через две недели в ходе одной из первых серий маневров «сил быстрого развертывания» морские пехотинцы ворвались на берег на танках, украшенных транспарантами «Даешь Иран!». А в апреле 1980 г. председатель комитета начальников штабов генерал Д. Джоунс и помощник президента по национальной безопасности Бжезинский, с благословения Картера, увлеченно разыграли первый американский «послесиндромный» дебют «Блю лайт» — жалко провалившуюся операцию, действительной целью которой было не рекламировавшееся освобождение американских заложников, а исполнение так откровенно наивно выраженной Никсоном мечты об удушении революции в Иране.

7

«Команда Рейгана» осталась все же, очевидно, довольной проделанной ее предшественниками работой по организации «сил быстрого развертывания». Министр обороны К. Уайнбергер, правда, походя лягнул Картера, заявив, что тот раскачивался слишком долго, да и потом действовал не масштабно. Но не исправление этих «недостатков» стало основной заботой нового правительства.

То ли памятуя предупреждение Макнамары, то ли в достаточной мере ощущая и без этого растущее в мире неприятие любых проявлений американской империалистической политики, правительство президента Рейгана с самого начала сосредоточило свое внимание на политической и идеологической консолидации своих международных позиций, обосновании и утверждении за США «права» на использование военной силы.

На первой же пресс-конференции, состоявшейся всего через неделю после прихода к власти президента Рейгана, государственный секретарь А. Хейг выступил с заявле-

нием о том, что новое правительство выдвигает в качестве краеугольного камня своей внешней политики борьбу с «международным терроризмом», под которым, как пояснил тут же Хейг, следует понимать прежде всего «так называемые национально-освободительные войны». Якобы организуемые и инспирируемые Москвой или ее подставными лицами, они-то и привели к «взрыву международного терроризма», принявшему сейчас форму «главной угрозы и главного источника беспокойства» для всех ответственных правительств. И хотя позднее Белый дом и Пентагон согласно придут к заключению, что американская военная интервенция, если это понадобится, может осуществляться и без согласия на это со стороны даже «дружественных правительств»¹¹, им предлагалось верить, что только США и будут в состоянии избавить их от этой «угрозы».

Значительное давление было оказано Вашингтоном на своих западноевропейских союзников по НАТО также и в отношении их согласия на расширение «зоны ответственности» блока. В конечном итоге, в результате длительных согласований комитет планирования обороны НАТО на состоявшемся в середине мая в Брюсселе заседании принял документ, включавший положение о том, что общие цели могут потребовать от членов блока развертывания сил за пределами этой зоны. Через год, в мае 1982 г., на собравшемся опять же в Брюсселе заседании комитета военного планирования НАТО министры обороны стран блока пошли еще дальше, по сути дела, подтвердив готовность своих государств оказывать поддержку возможным действиям американских «сил быстрого развертывания» за пределами «зоны ответственности».

Однако наиболее опасным шагом правительства президента Рейгана, с точки зрения расширения возможных в будущем театров военных действий, стало выдвижение стратегии своего рода «массированного возмездия» на неядерном уровне. Получившая в обиходе наименование концепции «географической эскалации», эта стратегия строится на том принципе, что при возникновении военной конфронтации с СССР американские вооруженные силы не станут ограничиваться лишь рамками возникшего театра военных действий, но будут расширять его и на

все другие регионы, эскалируя конфликт до уровня мировой войны. В целях обеспечения США необходимого для этого потенциала, было подчеркнуто К. Уайнбергером, США будут создавать специально обученные войска и средства их переброски в таких масштабах, какие потребуются для приобретения способности вести большие войны далеко от американских берегов и притом «через самое непродолжительное время» после возникновения конфликтной ситуации.

Мировая неядерная война... Но ведь еще Х. Болдуин писал, что в современных условиях США могут вести такие войны только при том непременно условии, что они будут одновременно располагать возможностью в случае необходимости нанести по Советскому Союзу такой удар своими стратегическими ракетно-ядерными силами, который будет способен «полностью уничтожить его военную, политическую и экономическую мощь»¹². А ведь именно из-за неспособности к этому Вашингтон и строит свои новые планы войн на обычном уровне. Круг замыкается.

И все же Вашингтон не может удержаться от сползания к пропасти через «новые Вьетнамы», которые могут разверзнуться для него повсюду, где он примеривается или уже действует с использованием силы — в Ливане, Сальвадоре и Никарагуа, в ряде других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Пока же, чтобы продемонстрировать миру свое полное исцеление от «синдрома», полученного во Вьетнаме, Вашингтон осуществил «блистательную операцию» вооруженного вторжения на крошечную Гренаду и, «разбив там наголову отборные русские войска» во главе с маскировавшимся под советского посла «генералом с четырьмя звездами», одержал наконец-то столь долгожданную «победу».

Глава XI

«КАК КРОЛИКОВ...»

1

Принято считать само собою разумеющимся, что обычные войны ведутся «обычным» оружием. Но справедливость этого утверждения постепенно сводится в наши дни лишь к тому отличительному для этого оружия признаку, что оно является неядерным. В остальном же так называемое «обычное» оружие имеет мало общего с вкладывавшимся в это понятие значением всего каких-нибудь пару десятков лет назад, и во всяком случае до возникновения ситуации «ядерного тупика».

Сокрушаясь по поводу печальных результатов американской агрессии во Вьетнаме, журнал «Ньюсуик» в номере от 18 августа 1975 г. приходил к глубокомысленным выводам о том, что «лучшее оружие — это физическое уничтожение носителей революционных идей заранее». Там, где это возможно, Вашингтон и стремится поступать именно таким образом, стараясь, конечно, не пачкать собственных перчаток. Но, когда время оказывается упущенным, встает вопрос, как убивать этих уже взявшихся за оружие «носителей идей»? И вопрос тем более серьезный, что американский наемный солдат, может быть, и готов это делать с достаточным рвением, но только при том условии, что это не будет серьезно угрожать его собственной жизни. И это можно понять, так как наемный убийца потому и становится убийцей, что он рассчитывает поправить за счет этого свои собственные дела и жить «хорошо», но ни в коем разе не наоборот. Солдат, любят поэтому повторять в Пентагоне, должен быть уверен, что он сможет «убивать их как кроликов», — вот тогда будет все в порядке. Да, но как это сделать?

2

Летом 1966 г. в Институте оборонных исследований, из окон которого можно лицезреть массивный пяти-

угольник здания военного ведомства, проходил необычный семинар. Идея этого мероприятия была подсказана руководству института министром обороны Макнамарой. От участников семинара ожидалось выдвижение новых «неортодоксальных и далеко идущих» предложений по дальнейшей «технизации» американской агрессии во Вьетнаме. Именно поэтому приглашения принять участие в дискуссиях были разосланы лишь тем ученым, которые, по мнению Пентагона, доказали, что они готовы «активно и с желанием» сотрудничать с ним в создании новых систем «обычного» оружия.

К концу августа на стол Макнамары лег пухлый том подготовленного ими доклада. На тех немногих в Пентагоне, которые получили возможность ознакомиться с его содержанием, он произвел вначале удручающее впечатление. Анализируя американские возможности достижения победы во Вьетнаме, авторы доклада давали им практически нулевую оценку. Следует сказать, отмечали они, что сейчас трудно определить, существует ли вообще тот уровень военных усилий, которые США должны будут предпринять для достижения победы, если только они окажутся не в состоянии расширить свои **военно-технические возможности** ведения обычных военных действий.

Критикуя методы ведения военных действий во Вьетнаме, участники семинара далее предлагали, к облегчению пентагоновцев, и свое решение проблемы. Доклад содержал ряд тщательно разработанных мероприятий, с помощью которых следовало «автоматизировать» войну, опутать и «выловить» неуловимого противника «электронными сетями» так же легко и просто, как рыбак вытаскивает из океанской пучины увертливую рыбу.

И в коридорах Пентагона вскоре шепотом заговорили о проекте «Отлов рыбы». Многозначительное кодовое наименование этого хитроумного проекта осталось фактически неизвестным американской публике. Когда первые слухи о нем начали просачиваться в прессу, журналисты самовольно окрестили его «Восточной линией Мажино» и наконец окончательно — «Электронным забором». «Забор» этот должен был «перегородить» весь Вьетнам и тем самым положить конец «проникновению» на Юг «коммунистической агрессии».

В своем практическом воплощении «забор» должен был представлять собой сплошную полосу «засеваемых» с воздуха минных полей шириной несколько километров. Включавшиеся в систему электронные датчики предназначались как для детонации мин при попытках «вьетконговцев» преодолеть зону, так и для передачи информации в особые центры, координирующие нанесение с воздуха бомбовых и штурмовых ударов по обнаруженному противнику.

Судьба проекта «Отлов рыбы», если основываться на официальной информации, не очень ясна. К декабрю 1967 г. Пентагоном было объявлено, что часть «забора» уже действует. Однако в дальнейшем все как-то оказывалось, что функционированию системы мешают трудно разрешимые «технические» проблемы. Разъясняя в конгрессе суть этих «проблем», начальник отдела научно-технических и перспективных работ армии генерал Беттс не нашел ничего лучшего, как пожаловаться на то, что «электронный забор» был бы давно построен, если бы только противник позволил это сделать.

В ходе дебатов о бюджетных ассигнованиях на 1969 финансовый год руководство военного ведомства предпочло сделать вид, что оно готово отказаться от строительства «забора», если получит сполна просимые им средства на развертывание стратегических систем оружия. Мало кто из конгрессменов обратил в то время внимание на некоторые странности в формулировке этого заявления, в котором указывалось, что программа строительства «электронной барьерной зоны» во Вьетнаме будет в этом случае ликвидирована в качестве самостоятельно существующей, хотя и может быть интегрирована в общетактическую систему ведения там боевых действий.

Впрочем, эта заумная формулировка не слишком искажала истину. К моменту «ликвидации» проекта он был уже не только не единственным, но и не основным проектом Пентагона в его планах развертывания «электронной», или «автоматизированной», войны во Вьетнаме. Подобно тому как ассигнования на этот проект «интегрировались» с другими статьями военного бюджета, он сам постепенно растворялся или интегрировался с другими, сходными с ним проектами, в числе которых

фигурировали и носящие такие экзотические названия, как, например, «Дикая кошка», «Походная корзинка», «Двойное лезвие», «Крепкая челюсть», «Дипломированный глаз», «Бэби», «Кузнечик», «Садовый нож», «Удар молнии», «Ледяной чум».

В какой степени Пентагон преуспел в этом, показывает скандал, разразившийся в стенах конгресса, после того как подавляющее число его членов, за исключением тех, кого само министерство обороны считало полезным информировать об этом, неожиданно обнаружили, что за их спиной открыто осуществляется одна из «самых обширных» военных программ США.

Невольным виновником этого скандала оказался генерал Уэстморленд. Уязвленный смещением с поста командующего американскими вооруженными силами во Вьетнаме и продолжавшимися на него, как на начальника штаба армии, нападениями со стороны «ястребов», обвинявших командование наземных вооруженных сил в консерватизме, неумении и нежелании воспользоваться плодами научно-технического прогресса, Уэстморленд ждал только случая, чтобы выступить с опровержением столь обидных для него подозрений. И такой случай наконец представился. В середине октября 1969 г. Ассоциация армии США организовала в вашингтонском «Шератон-отеле» свой ежегодный традиционный завтрак. Выступить с обращением к собравшимся был приглашен Уэстморленд.

Если судить по отчетам милитаристски настроенных репортеров — а только такие и были допущены в банкетный зал «Шератон-отеля», — горевшие мрачным огнем глаза генерала, падавший до драматического шепота голос, торжественно-истерическая жестикуляция придавали ему вид пифии, вешающей непреложную волю богов. Однако последовавшая в конце выступления овация не оставляла сомнений: Уэстморленд сказал именно то, что надеялись и хотели услышать от него руководство и активисты ассоциации.

Сейчас было бы неуместным рассматривать все выступление генерала, основным тезисом которого являлось восхваление политики использования силы в международных отношениях. Для нас представляют интерес

прежде всего те из его заявлений, в которых Уэстморленд раскрыл положение дел в осуществлении программы «автоматизации» войны во Вьетнаме и обрисовал ее конечные цели.

Он начал с мягко выраженного сожаления о слепоте присутствующих, которые, находясь в преддверии чуда, не ощущают еще на себе его дыхания. Между тем, утверждал генерал, достаточно внимательно приглядеться к тому, что происходит во Вьетнаме, чтобы увидеть происходящую там, но многими еще не понятую, революцию в военном деле.

Сделав краткий экскурс в историю развития военной техники и указав, что промежутки между появлениями новых систем оружия каждый раз оказываются все более короткими, Уэстморленд сообщил притихшей аудитории, что если США приложат необходимые усилия, то уже через какой-нибудь десяток лет армия получит всеохватывающую систему управления огнем, которая будет базироваться на новейших достижениях в области разведки, связи, автоматического анализа информации и автоматического же наведения оружия. В свою очередь, приобретенная таким образом способность к «практически гарантированному» уничтожению противника позволит США избавиться от необходимости вводить в действие собственные наземные силы, поскольку непосредственное участие в противодействии противнику потеряет свое прежнее значение. Представим себе, продолжал, постепенно повышая голос, Уэстморленд, целые поля сражений, целые районы боевых действий, которые будут находиться в любое время дня и ночи под неусыпным электронным наблюдением. Представим себе, как на этих полях сражений враг гибнет под всеуничтожающим воздействием американской огневой мощи, которая приводится в действие немедленно и автоматически при первом же сигнале о его обнаружении¹.

Речь Уэстморленда, его откровения о планах Пентагона, хотя они и были сделаны с лучшими намерениями, вызвали резкое недовольство в военно-промышленных кругах. Отражающий интересы промышленных монополий журнал «Продакт энджиниринг» отмечал, например, что благодаря выступлению генерала конгрессмены не-

ожиданно открыли, что их еще раз заманили в ловушку финансирования очередной многомиллиардной военной программы, о размерах стоимости или целях которой они абсолютно ничего не знают.

Однако и после этого сенатору Проксмайру потребовалось, например, более полугода скрупулезной работы, чтобы составить более или менее полную картину происходящего. Только в середине 1970 г. он счел себя достаточно подготовленным для первого осторожного выступления в конгрессе с критикой «автоматизации» войны во Вьетнаме лишь с «общегуманистических» позиций, указав, что электронные датчики не делают различия между партизанами и женщинами, солдатами и детьми, а «высевание» с воздуха автоматически действующих взрывных устройств приводит к уничтожению целых поселений.

Однако даже такая критика была воспринята многими как «красная». Проксмайра обвинили в разглашении «государственной тайны» и чуть ли не в «государственной измене». Программа по разработке «автоматизированного» поля боя, заявил, например, сенатор Голдуотер, относится к настолько высокому уровню государственных секретов, что до выступления Проксмайра даже комиссия по делам вооруженных сил не имела случая или возможности ознакомиться с нею на своих закрытых заседаниях.

Голдуотер, однако, подобно генералу Уэстморленду, был слишком уверен во влиянии промилитаристских кругов, чтобы остановиться на этом. Объявив, что выступление Проксмайра освобождает и его от обязательства сохранять молчание, он ринулся в контратаку. Взывая к «патриотизму» сенаторов, к их несомненному стремлению к тому, чтобы бремя войны все больше перекладывалось на автоматы, спасая тем самым жизни «простых американских парней», он ратовал за открытое признание и расширение программы «автоматизации».

В результате этих и последовавших за ними дебатов в нижней палате конгресса было принято решение о создании специальной сенатской подкомиссии, которой поручалось в рабочем порядке ознакомиться и представить свои заключения о программе «автоматизации». Едва ли

есть необходимость говорить, что в эту подкомиссию, которую возглавил сенатор Кэннон, в качестве второго ее члена вошел не Проксмайр, а Голдуотер. Министерство обороны, вполне удовлетворенное этим составом, представило на первое же заседание подкомиссии множество различных электронных боевых устройств, и, цитируя отчеты американской прессы, комната неожиданно превратилась в «волшебную лавку игрушек», среди которых ползали и карабкались «очарованные их блеском мальчики». Один из этих «мальчиков» — сенатор Голдуотер — тут же потребовал записать в протокол: образцы свидетельствуют, что США стоят на пороге одного из величайших преобразований в военном деле, сравнимом разве лишь с изобретением пороха.

Проведя в общей сложности три полных дня в «волшебной лавке», подкомиссия дала восторженный отзыв о пентагоновской программе «автоматизации». Никто в конгрессе особенно не возражал. Проксмайр остался в фактическом одиночестве.

3

Посмотрим теперь, что представляли собой эти новые «игрушки» Пентагона и как собирались «играть» в них другие, одетые в американские военные мундиры «мальчики».

Первые военно-вспомогательные электронные системы в американских войсках во Вьетнаме появились в связи с тем, что в условиях партизанской войны необходимо было найти эффективные средства предупреждения против внезапного нападения противника.

Вначале такие системы сигнализации были весьма примитивны — вокруг объекта охранения протягивался тонкий провод, обрыв которого приводил в действие специальное устройство, подававшее сигнал тревоги. Позднее в системах электронного охранения стали использоваться сейсмические и другие датчики, позволявшие обнаруживать приближение противника за несколько километров, а система передачи сигналов по проводам была заменена автоматической радиосигнализацией.

К концу войны было налажено производство и других электронных систем слежения за противником — многочисленных приборов и приспособлений ночного видения, позволявших тысячекратно усиливать световые импульсы или давать на экранах телевизоров изображение местности, получаемое с использованием инфракрасного, радарного, радиомикроволнового и других участков спектра электромагнитных излучений.

Разнообразнее стал выбор и миниатюрных электронных датчиков, способных вести наблюдение за местностью, передавать текущую или накопленную информацию. Такие датчики устанавливались американскими войсками при отходе с позиций или размещались на местности проамериканскими агентами. Однако наиболее широкое распространение получил метод их «высева» с воздуха, прежде всего вдоль коммуникационных линий противника.

Типичные датчики-информаторы работают по принципу улавливания и усиления акустических или сейсмических колебаний. Далеко не всегда, однако, уровень шумов, которыми сопровождается передвижение ведущего партизанскую войну противника, оказывается достаточно высоким, чтобы акустические датчики могли их легко улавливать. В целях решения возникающих в связи с этим проблем американские конструкторы предложили так называемые «крэкеры» — миниатюрные шарики из специальной ломкой резины или пластмассы. Оказавшись под ногой идущего человека, «крэкеры» издадут достаточно громкий звук, который и улавливается акустическими датчиками. Для обнаружения военной техники служили также магнитные и электромагнитные датчики, чутко реагировавшие на работу зажигательной системы моторов или на изменение естественного магнитного поля, вызываемого присутствием даже относительно небольших металлических предметов.

Создавая «электронные барьеры», американские военные конструкторы встали перед проблемой разработки новых типов мин, специально предназначенных для этих целей. Для того чтобы заминировать с достаточной степенью плотности огромные, тянущиеся иногда на сотни миль поля-ловушки, требовалось создать не только удароустойчивые, но и миниатюрные мины, размеры ко-

торых позволяли бы загружать их в самолетные контейнеры буквально десятками тысяч.

Пентагон ставил себе в заслугу то, что, разрабатывая конструкцию таких мин, он проявил «свежий подход» к решению задачи. Генералы рассудили, что новые мины не обязательно должны наносить смертельные поражения: ранение и потеря крови в условиях партизанской войны в джунглях могут оказаться почти так же смертельны, как и мгновенная гибель. К тому же раненый будет в течение определенного, возможно долгого, времени связывать свободу действий остальных двигающихся с ним партизан. Вот почему, демонстрируя в конгрессе эти мины — «Грэвел» и «Зубы дракона», — представитель министерства обороны подчеркнуто обратил внимание на одну их особенность: они, может быть, и не повредят танку, но оторвут ступню наступившему на такую мину партизану.

Впоследствии к этому милому семейству прибавились и так называемые «паучковые» мины, выбрасывающие из себя после «приземления» длинные нейлоновые усики, малейшего прикосновения к которым достаточно, чтобы «игрушка» взорвалась.

Бомбежка укрывающегося в джунглях противника потребовала разработки также и специальных средств поражения. Были созданы так называемые «бомбы группового сброса», или, как их окрестили сами американцы, «бомбокнопки». По принципу своего устройства «бомбокнопки» схожи с ручными гранатами, но значительно превосходят их по взрывной силе. В этих же целях была разработана и авиационная ракета нового типа. Взрываясь в непосредственной близости от земли, она способна выбрасывать более десятка тысяч микроскопических стальных кубиков, которые, многократно ricochetируя при прохождении сквозь ткани тела, могут проникать в него глубокими зигзагообразными ходами. В результате человек или сразу гибнет от болевого шока, или, если он все же остается в живых, извлечь из его тела такие кубики бывает практически невозможно.

Все эти новые типы оружия и военной техники объединялись в системы с различными уровнями привносимой в их действие автоматизации. Типичной для таких систем была, например, широко применявшаяся во Вьет-

наме система «Ледяной чум», разработанная ВВС США для «ведения войны на территории с тотально враждебным населением».

Очередная боевая операция обычно начиналась в сумерках. В это время где-то в темноте джунглей из укрытий и подземных убежищ выезжали нагруженные боеприпасами и оружием машины народно-освободительной армии. Двигаясь без огней, рискуя каждую минуту подорваться на американских минах, они торопились успеть за короткую тропическую ночь добраться до следующей перевалочной базы и вернуться обратно, чтобы на завтра быть готовыми повторить рейс. Но вот грузовики минуют на своем пути первый вонзившийся своим острием в землю и закамуфлированный под стебель травы электронный датчик. Посланный им сигнал принимается бортовой аппаратурой патрульного самолета-робота и ретранслируется им в командный центр, расположенный в Таиланде, близ Бангкока. Там он поступает в компьютер, и на огромном электронном экране с нанесенной на нем контурной картой местности вспыхивает светящаяся точка. Проходит еще немного времени, и на экране — уже целая пунктирная линия, отмечающая ночной путь машин. К этому же моменту на стол дежурного офицера, который наблюдает за экраном, начинают поступать на широкой бумажной ленте и «предлагаемые» компьютером варианты оперативных планов нанесения удара. Отдавая приказ о вылете, дежурный офицер чаще всего ограничивается лишь выбором одного из них. Боевой приказ экипажам самолетов на аэродромах Южного Вьетнама, Таиланда, авианосцах 7-го флота передается им в виде перфокарт, вкладываемых в бортовые компьютеры. Пилотам фактически не приходится заботиться даже о прокладке курса к цели — он автоматически выдается бортовым компьютером, продолжающим и в полете принимать из центра координирующие данные. Бомбовый груз, когда в соответствии с расчетами компьютера самолет оказывается над целью, сбрасывается также автоматически. Если выполняющий задание самолет оборудован приборами ночного видения или другими электронными средствами обнаружения противника, пилот может убедиться в наличии цели в расчетной точке и вновь передать управление компьютеру, который в этом случае берет на себя обязан-

ности выведения самолета на боевой курс, прицельного бомбометания и пулеметно-пушечного обстрела живой силы и техники противника.

4

Появление на вооружении американских ВВС во Вьетнаме другой категории электронных средств ведения боевых действий — так называемых «умных бомб» — было вызвано не столько стремлением получить в свое распоряжение безотказно поражающее цель оружие, сколько быстро возраставшими мощью и опытом противовоздушной обороны противника. Огромные потери американской авиации, приводившие к тому, что пилоты все чаще предпочитали сбрасывать бомбы со слишком больших высот или же на дальних подступах к цели, заставили Пентагон срочно разработать автоматические средства бомбовой наводки. К ним относятся прежде всего средства лазерного наведения, которые монтируются в головной части специальных или обычных авиабомб. После опознания цели на нее с ведущего атаку самолета сопровождения направляется луч лазера и одновременно производится сбрасывание бомб. При этом их наводящие устройства регистрируют яркие световые пятна-цели и направляют на них падающие бомбы.

Телевизионные системы бомбового наведения отличаются значительно большей сложностью устройства, однако они дают и более высокую точность наведения, так как пилот имеет возможность управлять полетом бомбы, оставаясь сам вне зоны действия большинства средств противовоздушной обороны объекта. Некоторые системы телевизионного наведения дают также пилоту возможность «закрепить» на экране телекамеры изображение цели, после чего бомба направляется на нее автоматически. Использование бомб с телевизионным наведением, как неоднократно подчеркивалось Пентагоном, позволило американским ВВС вывести из строя многие важные объекты на территории ДРВ, остававшиеся ранее недосягаемыми для ударов американской авиации. Новейшие бомбы с телевизионным наведением, например типа «Маверик», фактически представляют собой ракеты с

малым радиусом действия и способны благодаря этому поражать как стационарные, так и движущиеся цели.

Были предприняты и первые энергичные попытки замены пилотируемых боевых самолетов — истребителей и бомбардировщиков — непилотируемыми, подчиняющимися дистанционному управлению и способными вести «беспронизышную» битву в воздухе или с «поражающей воображение» точностью наносить удары по наземным целям.

С технической точки зрения, идея создания самолета-робота не нова. Первые робкие попытки ее осуществления предпринимались еще в ходе первой и второй мировых войн. В послевоенные годы стали широко использоваться самолеты-мишени, управляемые по радио с земли или борта самолета-наблюдателя. В течение последующего десятилетия усовершенствованные модели этих телеуправляемых мишеней, уже в качестве беспилотных разведчиков, появлялись в небе Кубы, стран Юго-Восточной Азии, Китая. С расширением воздушной войны в Индокитае, ростом потерь американской авиации во Вьетнаме перевод на дистанционное управление также и боевых самолетов начинает рассматриваться почти одновременно ВВС, армией и ВМС США в качестве первоочередной и не терпящей отлагательства задачи.

В начале мая 1970 г. руководство ВВС проводит деловую встречу с сотрудниками «Рэнд корпорейшн» в Санта-Монике, после чего, опираясь на научный авторитет этой организации и еще более весомый авторитет аэрокосмического и электронного бизнеса, обращается в конгресс с просьбой выделить средства на создание телеуправляемого бомбардировщика. Примеру ВВС следует и армия. Ей удастся добиться утверждения даже двух программ: по созданию телеуправляемого истребителя-бомбардировщика с системой лазерного наведения бомб и телеуправляемого бомбардировщика одноразового использования. Последний проект вызвал заметный интерес также и у ВМС. Морское командование не забыло еще японских камикадзе. Соответственно и оно запросило ассигнования на разработку такого самолета.

Между тем встречи в Санта-Монике продолжались. Теперь на них присутствовали представители не только

всех трех военных министерств, но и многих промышленных корпораций. Был поставлен вопрос об организации крупномасштабных работ по проектированию и строительству прототипов управляемых самолетов различного назначения. Учитывая это, в октябре 1971 г. в Пентагоне было принято решение о создании специального координационного комитета.

Вскоре были начаты и испытания первых самолетов-роботов. Весной 1971 г. беспилотный «Файрби», переоборудованный под истребитель, одержал первую «победу» над пилотируемым «Фантомом». Эксперимент проводился вблизи штаба ракетного центра ВМС, откуда осуществлялось и управление «Файрби». Пилот-оператор, сидя в затемненной комнате перед телевизионным экраном, имел возможность наблюдать за своим «противником» с большим хладнокровием и более быстро и правильно реагировать на складывавшуюся ситуацию. К тому же его легкой и чрезвычайно маневренной машине требовалось в несколько раз меньше времени для выполнения сложных фигур высшего пилотажа. А в январе 1972 г. и ВМС продемонстрировали свой прототип беспилотного бомбардировщика, управление которым осуществлялось с сопровождавшего его самолета.

Эти и последующие опыты с беспилотными самолетами вызвали в Пентагоне прилив свежих надежд на будущее «всеподавляющее» воздействие американской «превосходящей» военной техники на противника. Многим уже виделось, как самолеты противника атакуются сотнями вооруженных ракетами и лазерными пушками истребителей-роботов, которые, подобно осам, кружат вокруг громоздких и неповоротливых, в сравнении с ними, вражеских машин, нанося смертельные удары своим жалом. Такой же участи подвергнутся и наземные объекты противника. Особый упор в этих прогнозах делался на то, что размеры и вес беспилотных боевых самолетов могут быть значительно снижены, так как отпадает надобность в установке сложных систем обеспечения жизнедеятельности и защиты пилота, а маневрирование может выполняться с использованием ускорений, губительных для человеческого организма. Указывалось также, что в случае необходимости беспилотный самолет сможет стартовать не с аэродрома, а катапультироваться

со специальных ракетных установок, сражаться «до последней капли горючего», хладнокровно таранить воздушного противника или наземную цель.

Ссылаясь на авторитетные источники, американские средства массовой информации сообщали, что появление дистанционно управляемых боевых самолетов будет лишь первым этапом «автоматизации» войны и в воздухе. На следующем ее этапе боевой самолет вновь станет «пилотируемым», но не человеком, а бортовой ЭВМ, которая будет самостоятельно решать задачи по поиску, опознанию и уничтожению намеченных целей.

Короче говоря, дело, казалось, шло к тому, что мечта о придании американским вооруженным силам способности расправляться с противником «как с кроликами» становилась уже практически достижимой реальностью.

5

Однако аналогия с «кроликами» оказалась не слишком удачной. В известной мере это понимали и некоторые американские военные специалисты. Признавая, что США не могут рассчитывать на приобретение неких особых, «опережающих» результатов в развитии военной техники по отношению к СССР, они не слишком оптимистично относились и к надеждам на достижение через «автоматизацию» войны «подавляющего превосходства» и над возможным менее технически развитым противником. Их основным аргументом при этом были ссылки на то, что вооруженные силы революционных и национально-освободительных движений обычно пользуются идеологической, моральной и материальной поддержкой социалистических стран и предоставляемая им благодаря этому военная помощь способна свести на нет американское военно-техническое «превосходство».

Обоснованность этих выводов была особенно наглядно подтверждена двумя эпизодами, имевшими место: один — во время вьетнамской войны, другой — в обострившейся ситуации на Ближнем Востоке в октябре 1973 г.

В первом случае Пентагон испытал «непередаваемый ужас» от неожиданного для него исхода резкого наращивания воздушной войны против ДРВ с использованием

стратегических бомбардировщиков «Б-52». Эта операция имела своей целью подорвать волю вьетнамского народа к сопротивлению агрессии и обеспечить США позиции фактического диктата на мирных переговорах в Париже. Ее же действительным результатом оказалась еще одна демонстрация неспособности американской военной машины обеспечить для США дипломатические или политические преимущества.

Выделенные для проведения бомбежек «Б-52» были незадолго до этого оборудованы усовершенствованной электронной аппаратурой защиты, которая, как считалось, должна была обеспечить им надежное прикрытие от ПВО противника путем сбоя работы его систем наведения ракет. Однако в ходе первых же налетов на районы Ханоя и Хайфона американским пилотам пришлось убедиться, что о «спокойной работе» не может быть и речи. Предоставленные ДРВ советские ракеты ПВО уверенно находили свои цели, и «неуязвимые» «Б-52» один за другим становились их жертвами. Потеряв значительное число стратегических бомбардировщиков, США были вынуждены отказаться от их дальнейшего массированного использования против объектов, расположенных в районах, охраняемых противовоздушными ракетными установками советского производства.

Другое наглядное подтверждение того, что советская электроника в руках получающей от СССР военную помощь страны может не только не уступать, но и превосходить американскую, было дано на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. Многие военные и политические комментаторы в США назвали это «сенсацией мирового значения», произведшей тем большее впечатление, что после израильской агрессии 1967 г. они же сами настойчиво навязывали общественному мнению представление об отставании советской военной техники.

Огромные потери израильских вооруженных сил в танках и самолетах свидетельствовали, что тель-авивские стратеги оказались неподготовленными к тем «сюрпризам», которые ожидали их на поле боя. Так же, как и в 1967 г., израильское военное командование в 1973 г. строило свои расчеты на том, что оно сможет в первые же часы боевых действий добиться неоспоримого превосходства в воздухе и, опираясь на это превосходство,

нанести быстрое и сокрушительное поражение вооруженным силам арабских государств. Во исполнение этих планов израильские ВВС позаботились пометить на своих планшетных картах точное месторасположение всех батарей ракетных установок ПВО арабов, считая их легкой и верной целью из-за «громоздкой и малоэффективной» системы электронного наведения. Однако эти батареи оказались неожиданно не только высококомобильными, но и способными обнаруживать и уничтожать сверхзвуковые самолеты израильтян даже на малых высотах.

С подобными же «неожиданностями» столкнулись и израильские танковые части. К удивлению их экипажей, арабские противотанковые ракеты оказались управляемыми и находили свои цели с поразительной точностью. Израильские танки, отмечала американская пресса, стали жертвой «огромного и беспощадного побоища».

Годы войны во Вьетнаме, писал, подытоживая ее уроки, бюллетень «Индочайна кроникл», убедительно говорят о том, что Соединенным Штатам приходится теперь иметь дело не с туземцами времен становления колониальных империй, а с «коммунистическими вооруженными силами», которые не только получают самые совершенные образцы оружия, но и прекрасно владеют этим оружием².

6

Отчасти именно поэтому преодоление «вьетнамского синдрома» сопровождалось в Вашингтоне возвратом к идеям о создании и использовании в неядерных войнах различных видов оружия особо массового и разрушительного действия. Признанное ранее, как уже отмечалось выше, малоперспективным выходом, с точки зрения преодоления ситуации «ядерного тупика» на альтернативном, но также «тотальном» уровне, такое оружие начинает привлекать все большее внимание в качестве многообещающих боевых средств ведения военных действий в «ограниченных» конфликтах, особенно в странах Азии «с их неисчислимыми миллионами и пренебрежением к человеческой жизни», где, по утверждению американских

военных теоретиков, вооруженные силы США всегда будут оказываться в проигрыше, несмотря на любое техническое «превосходство», если только это превосходство не будет выражаться в способности к сверхмассированному уничтожению противника.

В ряду уже существующих образцов такого оружия можно, например, назвать испытанную еще в опытном исполнении на завершающем этапе войны во Вьетнаме бомбу «БЛ-У82» — «Прыжок коммандос». По своей силе взрыв такой бомбы уступает только ядерному и так же, как при ядерном, сопровождается образованием огромного грибообразного облака. Имеющиеся сведения подтверждают и ее сверхразрушительный характер — она способна уничтожить все живое в радиусе до одного километра. Американское военное командование предпочло перекрыть «просачивание» какой-либо дополнительной информации о бомбе в дальнейшем. Представителем Пентагона было заявлено, что военное ведомство предпочитает молчать о ней, так как опасается «нежелательного» возбуждения общественного мнения.

Одним из офицеров ВВС США в руки сторонников мира была также передана кинопленка с заснятой на ней экспериментальной бомбежкой с использованием так называемых «газотопливных» бомб. На экране было видно, как идущие на большой высоте стратегические бомбардировщики «Б-52» открыли люки и сотни таких бомб устремились вниз. Достигнув земли, каждая из них выбрасывала из себя пылевидное облако вещества особого состава, и эти облака, соединяясь друг с другом, вскоре образовали покрывший всю видимую местность «туман». Затем со специального самолета сопровождения была сброшена еще одна бомба-детонатор, со взрывом которой волны «тумана» мгновенно превратились в волны пламени, залившие все от горизонта до горизонта. Казалось — это конец всему живому. Так оно и было, как показал осмотр трупов овец подопытного стада. На каждую из них обрушилась даже не одна, а сразу несколько смертей. Их убила ударная сила взрыва; их убило его огненное воздействие; их убило удушье, так как взрыв «тумана» поглотил весь кислород из окружающего воздуха; их, наконец, убили тысячи разрывов кровеносных сосудов в теле, образовавшиеся вследствие резкого падения атмосферно-

го давления после изъятия кислорода из воздуха. И, учитывая все это, их не спасли бы никакие укрытия или защита.

Все больше появляется свидетельств, что и лазерное оружие приспособляется для ведения войны не только в космосе или из космоса. Давно уже прошли времена, когда в Пентагоне мечтали о лазерных ружьях и пушках, которые были бы способны ослепить на время или полностью солдат противника. Создающееся сейчас лазерное оружие для наземных войск претендует на нечто большее: выстрел — и противник «испарился», превратился в «облачко дыма» в миллионные доли секунды. До этого еще далеко, но важно то, что в американских военных лабораториях стремятся именно к этому.

Но по-настоящему большие надежды связываются все же с химическим и бактериологическим оружием. В американских арсеналах и без того уже имеется более 3 миллионов бомб, мин и снарядов, начиненных готовой смесью нервно-паралитических газов, произведенных в предыдущие годы. Их общий вес составляет 150.000 т, и этого достаточно, чтобы четырежды уничтожить все население нашей планеты.

Однако Вашингтону это кажется недостаточным. Во всяком случае, 8 февраля 1982 г. президент Рейган официально объявил о том, что США приступают к широкомасштабному производству еще одного, нового поколения химического оружия — бинарного, теоретически разработанного еще в те годы, когда в Вашингтоне любили поговорить о том, что США, возможно, и откажутся от производства ОВ «как таковых». Общая стоимость всей пятилетней программы на 1983—1987 гг. составит более 10 млн. долларов, и после ее выполнения в арсенале США будет уже 5 млн. единиц различных химических средств поражения.

Отличительная особенность бинарных ОВ — это относительная безвредность составляющих их компонентов, когда последние хранятся отдельно друг от друга. Смертоносная смесь образуется лишь при сбрасывании с самолета бомбы, начиненной этими компонентами. Во время полета бомбы находящийся внутри ее газогенератор нагнетает давление до тех пор, пока не лопаются тонкие металлические мембраны, отделяющие ядро бомбы от

окружающей его жидкости. После этого специальное, также вмонтированное в бомбу устройство перемещивает эту смесь, и, когда она готова, крошечные заряды в стенках бомбы «отстреливают» сквозные отверстия, через которые, под воздействием проникающего в них встречного воздуха, отравляющее вещество выбрасывается в атмосферу и затем выпадает на землю в виде мельчайших капель.

Куда бы ни попали подобные отравляющие вещества, например бинарные нервно-паралитические газы типа «ВХ», они будут способны уничтожать миллионы людей. Если на кожу человека попадет хотя бы микроскопическая частица этого яда, жить ему останется недолго. Одышка, испарина, рвота и потеря зрения — таковы первые симптомы отравления. Затем наступает паралич органов дыхания и смерть.

Пятнадцатого марта 1982 г. помощник министра обороны США Г. Вагнер, выступая в сенатской комиссии по делам вооруженных сил, заявил, что развертывание массового производства бинарных ОВ и химических боеприпасов в бинарном снаряжении направлено на повышение готовности американских вооруженных сил к ведению возможно длительных боевых действий с применением химического оружия также и в Европе. И, конечно, как выразился в интервью официозу армии США журналу «Армд форсиз» помощник заместителя министра обороны Дж. Уайд, это нужно для того, чтобы иметь возможность вести крупномасштабную войну против стран Варшавского Договора, которые могут «напасть» на американских союзников по НАТО в Европе. Что ж, знакомые мотивы! Интересно только, что, по словам другого помощника министра обороны Р. Перла, Вашингтон оставляет за собой право принимать решения на этот счет самостоятельно, без предварительных консультаций с этими самыми «союзниками».

Бактериологическое оружие, для применения которого не требуется разработки и накопления столь трудно скрываемых от постороннего глаза военно-технических средств, привлекает, как правило, меньше внимания мирового общественного мнения. Однако возможные последствия его использования могут быть не менее трагичны для человечества.

Подобно тому как американское военное ракетостроение развивалось на основе ракетостроения фашистской Германии, подготовка бактериологической войны США в основном опирается на опыт и практику бактериологических отрядов милитаристской Японии. По прямому указанию Вашингтона американское оккупационное командование не только не преследовало как военных преступников оказавшихся в его руках японских бактериологов, но вошло с ними в сговор, обещав и впредь воздерживаться от привлечения их к ответственности в обмен на «чистосердечное» раскрытие всех известных им секретов. А с точки зрения Пентагона, эти секреты были тем более ценными, что, как доносили знакомившиеся с ними американские специалисты, они не могли быть получены ни в одной американской лаборатории ввиду ненужно проявляемой на Западе «щепетильности» в отношении постановки бактериологических опытов над живыми людьми.

Собственный бактериологический «дебют» США состоялся летом 1951 г. в разгар войны в Корее. Американская авиация сбросила тогда на Северную Корею и Северо-Восточный Китай бактериологические бомбы, начиненные возбудителями «лихорадки Сонго». В годы войны во Вьетнаме американские вооруженные силы также постоянно держали наготове бактериологическое оружие на своих складах в Таиланде.

С окончанием войны в лабораториях Форт-Детрика и многих других явных и тайных американских военных бактериологических центрах работы по подготовке бактериологической войны принимают все более широкомасштабный характер. Одновременно разрабатываются и новые, более совершенные средства доставки бактериологического оружия — авиационные распылители, бомбы, ракеты различных специфических назначений и дальности действия.

Недавно опубликованные документы подтверждают, что в ряде случаев, как, например, на Кубе, США уже сейчас пробуют прибегать к использованию бактериологического оружия. Об этом же говорил в своем выступлении в конце июля 1981 г. на массовом митинге в Лас-Тунасе Председатель Государственного совета Республики Ф. Кастро. Он напомнил об отмеченных в предыдущие два года необычных для Кубы вспышках опасных забо-

леваний сахарного тростника и табака, а также эпидемии африканской чумы, нанесшей большой урон животноводству. Сейчас, сказал он, на Кубе распространилась эпидемия денге — опасной лихорадки, которая сопровождается высокой температурой, кровотечением из рта и ушей. Только за последние семь недель, подчеркнул Ф. Кастро, было зарегистрировано свыше 270 тыс. случаев заболевания.

Стараниями Вашингтона современное неядерное оружие все более перестает быть «обычным». Грозящие всеобщим уничтожением химическая и бактериологическая войны или катящийся от горизонта до горизонта апокалипсический огненный вал — так ли уж они будут отличаться от апокалипсиса ядерного? А ведь все это — только первые ступени той бесконечной лестницы вооружений, взобраться на вершину которой вознамеривается сейчас Вашингтон.

х х х

Раздумывая над судьбами войны и мира, В. И. Ленин предвидел, что «будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной»³. К сожалению, высказанная в устной форме, эта примечательная мысль не получила развития в его философских и военных работах. Очевидно, однако, что было бы неправильно понимать ее недиалектически, вне исторической обстановки, против чего всегда протестовал сам В. И. Ленин⁴.

В свое время Ф. Энгельс, давая оценку возможным последствиям предшествовавших франко-прусской войне усовершенствований огнестрельного оружия, писал с полной уверенностью: «Оружие теперь так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, из которых с таким же успехом в пределах видимости можно целить и попадать в отдельного человека, причем на заряжение требуется меньше времени, чем на прицеливание, — то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом на-

правления эра развития в существенных чертах закончена»⁵.

Новое нарезное оружие при его появлении, когда сражавшиеся армии использовали еще старую тактику передвижения сомкнутым строем, создало на какое-то время у Ф. Энгельса впечатление предельно разрушительного. Однако достаточно было появиться первым окопам, чтобы оно полностью рассеялось. Таким образом, изменение одного из факторов, определяющих эффективность поражающего воздействия того или иного оружия,— в данном случае включение в оборону новых методов и средств защиты— резко изменило и сами возможности боевого воздействия этого оружия.

История развития военной техники изобилует и другими подобными же примерами. В памяти тех, кто был свидетелем событий первой мировой войны, сохранились воспоминания об «окопном» характере, который эта война приобрела после своего первого, маневренного, этапа. На этот раз преобладающие возможности оказались на стороне системы обороны— пусть она была и «пассивной». Однако появление нового наступательного оружия— танков— вновь изменило это положение не в пользу возможностей оборонительного оружия.

Известные параллели с существующим сейчас положением в области соотношения возможностей предотвращения или, наоборот, развязывания войны напрашиваются сами собой.

Огромная разрушительная мощь ядерного оружия и, главное, отсутствие у агрессора какой-либо возможности избежать полностью неприемлемого для него ответного удара до сих пор служили и служат, может быть, не лучшей, но очевидной гарантией того, что результаты развязывания ядерной войны не могут не мыслиться в иных категориях, кроме как «катастрофические», также и им самим. И это полностью совпадает с упомянутым выше предвидением В. И. Ленина.

В подобной ситуации вместе с другими источниками возникновения такой войны могут быть также и случайные факторы, которые, конечно, нельзя сбрасывать со счетов, но которые все же не определяют существующие в этом плане военно-политические установки Вашингтона.

Однако уже теперь это положение начинает угрожающе меняться к более опасному. По мере создания новых, качественно более совершенных систем ракетно-ядерного оружия и возникающих в связи с этим у Вашингтона представлений о выходе на все более высокие уровни «преобладающей» силы, возрастают и его иллюзии о вновь появляющихся возможностях ведения различно «ограничиваемых» ядерных войн. На определенном этапе они могут привести к принятию Белым домом иррационального решения о постановке соответствующего «эксперимента». Более отдаленная, но несравнимо более серьезная угроза заключается в предвидимом появлении принципиально новых систем оборонительного стратегического оружия. В руках агрессора оно может стать тем щитом, который придаст ему уверенность в развязывании всеобщей ядерной войны под влиянием ложно понимаемых представлений о свершившемся наконец приобретении способности к достижению «победы» над противником.

В своей речи на церемонии вступления в должность президент Р. Рейган угрожающе заявил, что, когда придет время действовать, США не проявят отсутствия воли и в предвидении этого будут поддерживать свою военную мощь на таком уровне, который позволит «одержать верх»⁶. Теперь уже очевидно, что вся политика США оказалась полностью подчиненной этому программному заявлению.

«Стратегия» США ставит своей задачей достижение «полного и неоспоримого» военного превосходства над СССР, активное противодействие ему во всех регионах мира. Она нацелена на одержание победы в ядерной войне против СССР на всех уровнях — от различных степеней «ограниченности» до массовой конфронтации. Все это к тому же сопровождается самыми грубыми и разнуданными нападка на СССР в идеологическом плане.

Годы разрядки сменяются вновь навязываемым Советскому Союзу военным соперничеством. Советский Союз будет, как и раньше, делать все возможное, чтобы противодействовать этой тенденции. Но наше стремление к миру не равнозначно готовности пойти на одностороннее разоружение. Мы не наивные люди. И Вашингтону пора понять эту простую истину.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первое, на что, вероятно, обратят внимание читатели книги Ю. Листвинова,— это ее поразительная злободневность. Поразительная — поскольку речь не идет о брошюре-однодневке или расширенной газетной статье. Нет, перед нами основательная книга, написанная на большом фактическом и историческом материале, охватывающая, по существу, весь послевоенный период в военной политике крупнейшей державы западного мира. Особая актуальность книги объясняется тем, что выходит она в период современной мировой истории, который может стать переломным.

Один из самых существенных признаков этого состоит в том, что Вашингтон реализует свой план по размещению в Западной Европе новых американских ядерных ракет средней дальности и тем самым пытается нарушить стратегическое и региональное равновесие сил. Действия американцев дают толчок к новому, крайне опасному витку гонки ядерных вооружений.

Воинственные страсти охватили США. Речи о необходимости военных приготовлений подкрепляются соответствующими решениями и действиями. Перелистаем газеты хотя бы за одну неделю осени 1983 г. Вот отдельные штрихи сообщений, которые говорят сами за себя.

Сенат конгресса США одобрил законопроект о военных ассигнованиях в 1983/84 финансовом году на небывало высокую сумму — 252 млрд. долл.¹. Несколько днями позднее тот же орган проголосовал за выделение в рамках военного бюджета в текущем финансовом году более 124 млн. долл. на производство бинарных химических боеприпасов, снаряженных отравляющими веществами нервно-паралитического действия². Примерно в это же время сенат одобрил планы производства межконтинентальной баллистической ракеты первого удара «МХ»³.

Поскольку до этого запрос об ассигнованиях на программу «МХ» был проштампован и палатой представителей, итоги голосования означали, что Пентагон может уже приступать к производству ракет.

Все эти сообщения читаются как прямое продолжение анализа внешнеполитического курса Вашингтона, сделанного Ю. Листвиновым.

А вот какие выводы делают из таких и подобных фактов коммунисты США на прошедшем в ноябре 1983 г. XXIII съезде своей партии: «Впервые в ходе борьбы между двумя мировыми системами — социализмом и капитализмом — налицо огромная опасность, что исход классовой борьбы в мировом масштабе не будет решен путем мирного сосуществования и соревнования. Империализм США вступил на ведущий к катастрофе путь ядерной конфронтации в своем безумном стремлении восстановить господство над миром, вновь изменить мировое соотношение сил в пользу империализма, сломать сложившееся ныне военное равновесие и пойти на риск ядерной войны для достижения его глобальных целей», — подчеркнул в отчетном докладе Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл⁴.

Он отметил, что главная глобальная цель империализма США — уничтожение мирового социализма, и в первую очередь Советского Союза. Именно эта цель предопределяет каждый шаг и решение администрации Рейгана. Это фундамент, на котором основывается ее безумная доктрина первого ядерного удара. Это побуждает ее игнорировать требования десятков миллионов людей во всем мире и в самих США, выступающих за разоружение, ядерное замораживание и разрядку.

Политика Вашингтона видится в столь мрачных тонах не только в классовых оценках коммунистов США. От них часто не слишком отличаются характеристики, которые дают нынешней администрации Рейгана люди весьма далекие от коммунистического мировоззрения. Вот что писал, к примеру, поздней осенью 1983 г. в газете «Нью-Йорк таймс» Джон Оукс: «Рейган не боится идти на риск из-за войны, но он абсолютно не способен чем бы то ни было рисковать ради мира... Рейган на протяжении последних трех лет культивирует милитаристскую психологию». Эта статья была опубликована

под многозначительным заголовком: «Рейган скатывается к войне».

Опасность велика, отмечалось на упомянутом съезде Компартии США, однако мы не живем в так называемый «предвоенный период». Утверждать это — значило бы согласиться с тезисом о том, что война, в том числе ядерная война, является неизбежной. Такой фаталистский подход лишь увеличил бы опасность войны, поскольку он исходит из того, что ее нельзя предотвратить. Правда состоит в том, что, хотя угроза возрастает, сама острота этой опасности привела к возникновению в мире мощной оппозиции агрессивной политике.

В самом деле, беспрецедентные масштабы приняло антивоенное движение в странах Западной Европы, да и в самих США за всю их историю никогда еще столь значительное число американцев не выражало протест против политики войны, проводимой их правительством.

И, как всегда, главной преградой на пути опасных милитаристских планов американского империализма была и остается миролюбивая политика Советского Союза и других социалистических государств. «Самый сильный аргумент в пользу социализма, — подчеркнул товарищ Гэс Холл, — это рассказывать о десятках и десятках конкретных предложений в области ядерного разоружения, выдвинутых Советским Союзом».

Действительно, речь идет об одном из важнейших факторов в антивоенной борьбе наших дней. Ведь пропагандистское «обеспечение» курса США на беспрецедентную гонку вооружений призвано подкрепить миф о «советской угрозе», происхождение и эволюция которого подробно анализируются в книге Ю. Листвинова. Но для того чтобы запугивание граждан США и западноевропейских стран «советской угрозой» приносило желаемый эффект, нужно добиться, чтобы эти граждане как можно меньше знали правды о советской мирной политике. Утаиванием этой правды и занимаются буржуазные средства массовой информации.

Но делать это им становится все труднее. И в том, что антивоенное движение на Западе приняло такие масштабы, можно усмотреть серьезную неудачу профессиональных дезинформаторов. Ведь это движение свидетельствует, кроме прочего, и о том, что все больше людей

узнает о содержании советских мирных инициатив, советских предложений, направленных на ограничение и сокращение вооружений, а в конечном счете — на всеобщее полное разоружение, которое является идеалом социализма.

Что это именно так, что Советское государство с момента своего зарождения рассматривало разоружение как важнейшую цель своей внешней политики, свидетельствуют вполне конкретные и беспрецедентные для того времени шаги молодой республики, начиная с ленинского Декрета о мире — ее первого законодательного акта. Уже в 1922 г., на международной конференции в Генуе советская делегация по прямому указанию В. И. Ленина представила план всеобщего сокращения вооружений.

Шесть лет спустя, в 1928 г., СССР подготовил проект Конвенции о полном и всеобщем разоружении и представил его на рассмотрение подготовительной Комиссии Конференции по разоружению, созданной Лигой наций.

В 30-е годы наша страна предложила эффективную систему коллективной безопасности в Европе. Но капиталистические государства отвергали советские предложения одно за другим. Многие из них уже готовились к войне, которая принесла неисчислимые бедствия народам.

СССР явился одним из инициаторов создания Организации Объединенных Наций. Вместе с другими державами антигитлеровской коалиции он участвовал в разработке Устава ООН.

Казалось, опыт антигитлеровской коалиции, опыт борьбы народов против фашизма создавал условия для установления долгосрочного международного сотрудничества. Но западные державы, прежде всего США, рассудили иначе. Они развернули крупномасштабные милитаристские приготовления, взяли курс на противоборство с Советским Союзом.

СССР, не забывая в этих условиях об укреплении своей безопасности, в то же время развернул в послевоенное время беспрецедентно энергичную борьбу за ограничение гонки вооружений и разоружение. Основные усилия он сосредоточил на устранении угрозы ядерной войны.

В 1947 г. СССР предложил другим великим державам заключить Пакт мира, предусматривавший объединение усилий в предотвращении угрозы ядерной войны.

На протяжении 50-х годов СССР четырежды осуществлял крупные сокращения своих вооруженных сил, причем в одностороннем порядке, рассчитывая, что западные державы последуют этому примеру (тем, кто сегодня неоправданно ждет от Советского Союза новых «односторонних» шагов по сокращению вооружений, полезно было бы знать, что СССР предпринимал такие шаги не только в последние годы, но и вскоре после войны, но Запад неизменно отвечал на это дальнейшим наращиванием вооружений).

За запрещение и уничтожение атомного оружия наша страна выступила с момента его появления. 19 июня 1946 г. СССР внес проект международной Конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения. Этот проект был выдвинут на одном из первых заседаний Комиссии по атомной энергии ООН. Но США отвергли это предложение. Поступи они иначе, наша планета была бы избавлена от угрозы ядерного апокалипсиса. И нельзя сказать, что Вашингтон не ведал, что творил. Ведь варварский характер нового оружия был очевиден уже тогда, после Хиросимы и Нагасаки.

10 мая 1955 г. Советский Союз выдвинул комплексный план разоружения, включавший и вопрос о запрещении ядерного оружия. Затем на протяжении 60-х и 70-х годов наша страна неоднократно вносила конкретные, детально разработанные предложения о частичных мерах разоружения — поскольку Запад не проявлял готовности идти на радикальные шаги, направленные на всеобщее и полное разоружение.

Более 100 различных предложений, направленных на ограничение гонки вооружений и разоружение, было выдвинуто Советским Союзом за послевоенное время. И если не удалось заметно продвинуться к решающей цели, то это отнюдь не означает, что наши усилия не принесли плодов. Только за последние 15 лет по инициативе Советского Союза было заключено около 30 действующих ныне многосторонних и двусторонних договоров и согла-

шений в области разоружения. При самом активном участии СССР были заключены Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия, Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны, Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны и т. д.

В самые последние годы, как уже подчеркивалось, угроза ядерной войны резко возросла. Причиной этому стал курс, проводимый в международных делах нынешней администрацией США. Если определить его коротко, то это — милитаристский курс, представляющий серьезную угрозу миру. Суть его — не считаясь с интересами других государств и народов, попытаться обеспечить Соединенным Штатам Америки доминирующие позиции в мире.

Какую линию занял СССР в этой заметно осложнившейся обстановке? Он предупредил зарвавшихся милитаристов: обороноспособность нашей страны находится на таком уровне, что мы никому не советуем бы устраивать пробу сил. В то же время было подчеркнуто, что со своей стороны мы такой пробы сил не ищем. Нам чужда сама мысль об этом. Благополучие нашего народа, безопасность Советского государства мы не отделяем, а, тем более, не противопоставляем благополучию и безопасности других народов, других стран.

«У советского руководства, — подчеркнул в своем Заявлении Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, — не возникает вопроса, какой линии следовать в международных делах и в нынешней острой обстановке. Наш курс по-прежнему нацелен на сохранение и упрочение мира, на разрядку напряженности, на обуздание гонки вооружений, на расширение и углубление сотрудничества между государствами. Такова неизменная воля Коммунистической партии Советского Союза, всего советского народа. Таковы, мы убеждены, и чаяния всех народов»⁵.

На борьбу за предотвращение ядерной катастрофы и были в первую очередь направлены предложения СССР и других социалистических стран, вносившиеся в последнее время на различных международных форумах.

В 1981 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР выступил с Декларацией «Предотвратить ядерную катастрофу», которая была одобрена Ассамблеей. Летом 1982 г. на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН наша страна сделала шаг поистине исторического значения: приняла на себя торжественное обязательство не применять первой ядерное оружие. Она призвала другие ядерные государства последовать этому примеру.

На XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи, осенью 1983 г., СССР предпринял ряд новых значительных инициатив в том же направлении. На рассмотрение Ассамблеи был внесен проект Декларации об осуждении ядерной войны. Было предложено, чтобы Генеральная Ассамблея ООН навсегда осудила ядерную войну как самое чудовищное из преступлений, которые могут быть совершены против народов, как грубое попрание первейшего права человека — права на жизнь.

Кроме того, Советский Союз обратился к правительствам США, Великобритании, Франции и Китая с предложением, чтобы все державы, обладающие ядерным оружием, заморозили имеющиеся у них ядерные вооружения в количественном и качественном отношениях.

На той же сессии нашей страной была выдвинута еще одна крупная инициатива: предложение заключить Договор о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Был представлен и проект такого договора.

Таковы факты. Они показывают, что СССР никогда, ни при каких условиях не прекращал упорной борьбы за разоружение.

Колоссальную настойчивость проявила советская сторона в стремлении добиться справедливой договоренности на переговорах в Женеве — как по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ), так и по ограничению ядерных вооружений в Европе.

На переговорах по ОССВ Советский Союз предложил сократить поэтапно к 1990 г. общее число стратегических носителей более чем на четверть. Это привело бы к тому, что из арсеналов обеих сторон было бы изъято

более тысячи единиц таких средств. СССР предложил сократить до равных уровней и число ядерных зарядов. Это был бы крупный шаг по пути снижения ядерного противостояния. При этом СССР и США на всех этапах сокращений оставались бы в равном положении с точки зрения обеспечения их безопасности. Равенство между ними в стратегической области сохранялось бы — а это очень важное обстоятельство.

В области ядерных вооружений в Европе СССР внес несколько крупных предложений. Самое радикальное из них — это предложение полностью избавить Европу от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Это был бы подлинно нулевой вариант.

Поскольку Запад не проявил готовности пойти на столь решительный шаг, Советский Союз выступил с другими предложениями, которые привели бы к крупному количественному сокращению ядерных вооружений. Обе стороны — СССР и блок НАТО — имели бы ракет, боеголовок на них и самолетов средней дальности равное, но минимальное количество.

Эти предложения не ущемляли ничьих интересов. СССР всегда стремился учитывать в своих предложениях мнения и пожелания партнера по переговорам. Он проявлял и проявляет гибкость в поисках конкретных решений. Единственное, чего требовала советская сторона — это соблюдения одного условия: равновесие сил в Европе по ядерным вооружениям средней дальности не должно быть нарушено. Это означало, во-первых, что в Европе не должны размещаться новые американские ракеты, поскольку это резко изменило бы к выгоде НАТО всю военно-стратегическую ситуацию. Во-вторых, на той и другой стороне должны были учитываться все ядерные средства соответствующей дальности, без всяких изъятий.

Как было заявлено представителям США и НАТО, от этого справедливого требования мы не отступим. Но в рамках подобного принципиального подхода СССР готов проявлять гибкость.

Так, например, как указал Ю. В. Андропов, при отказе США от размещения своих ракет в Европе и выравнивании уровней по самолетам — носителям средней дальности

сти СССР выразил согласие оставить в европейской зоне только 140 ракет СС-20, а остальные уничтожить. Это было бы намного меньше, чем в 1976 г., когда все признавали, что имело место равенство.

Но США отвергли и это предложение Советского Союза. Тем самым они еще раз показали, что не хотят никаких договоренностей. Не дожидаясь окончания переговоров в Женеве, Пентагон начал практическую переброску в Европу новых ракет и форсировал подготовку к их развертыванию.

Таким образом США и НАТО бросают социалистическому содружеству открытый вызов. Как уже подчеркивалось, СССР не стремится к ядерному превосходству, но он и не позволит, чтобы американская администрация использовала ядерный шантаж для осуществления против него политики силы. «Если, несмотря на миролюбивые предложения Советского Союза, протесты прогрессивной общественности всего мира, такое развертывание состоится, — подчеркнул член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — страны социалистического содружества примут эффективные ответные меры»⁶.

В крайне сложной международной обстановке советское руководство проявляет большую выдержку, твердость и принципиальность, осуществляя курс на сохранение мира, обеспечение международной безопасности. СССР никогда и никому не угрожал, он ни на кого не нападал и не собирается нападать. Но укрепление обороноспособности Советского Союза и союзных нам государств в условиях возрастания военной угрозы со стороны США — объективная жизненная необходимость.

У Советского Союза достаточно доброй воли шаг за шагом идти к укреплению безопасности, оздоровлению мировой политической атмосферы. Но он имеет и необходимые силы, чтобы противостоять любой военной угрозе.

Это с новой силой было продемонстрировано всему миру в опубликованном в конце ноября 1983 г. Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. В Заявлении было отмечено, что Вашингтон, Бонн, Лон-

дон и Рим не прислушались к голосу разума, — на территории ФРГ, Великобритании и Италии началось размещение американских ракет средней дальности. Таким образом, появление на европейском континенте американских «Першингов» и крылатых ракет стало свершившимся фактом.

США и НАТО в целом предприняли шаг, чтобы нарушить сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора.

Размещая американские «Першинги» и крылатые ракеты на европейском континенте, в непосредственной близости от границ Советского Союза и его союзников, те, кто принял такое решение, видимо, рассчитывали на то, что таким образом удастся создать ракетно-ядерную основу для проведения объявленного Вашингтоном «крестового похода» против социализма как общественной системы.

Однако иллюзорность подобных расчетов очевидна. Ю. В. Андропов напомнил, что еще 28 июня 1983 г. высшие партийные и государственные деятели семи социалистических стран заявили на встрече в Москве, что они ни при каких обстоятельствах не допустят военного превосходства блока НАТО над странами Варшавского Договора. Подтверждением тому стали ответные меры СССР и его союзников.

В Заявлении Ю. В. Андропова было подтверждено, что Советский Союз считает невозможным свое дальнейшее участие в женеvских переговорах по ядерным вооружениям в Европе — ведь в создавшихся условиях они были бы лишь прикрытием для направленных на подрыв европейской безопасности действий США и ряда других стран НАТО.

В Заявлении были перечислены конкретные решения, принятые советским руководством:

— Отменяется мораторий на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР.

— По согласованию с правительствами ГДР и ЧССР будут ускорены работы по размещению на территориях

этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности.

— Поскольку США, размещая свои ракеты в Европе, повышают ядерную угрозу для Советского Союза, соответствующие советские средства будут развертываться в океанских районах и морях. Они будут адекватны угрозе, которую создают для СССР и его союзников американские ракеты, размещенные в Европе.

Будут, разумеется, приняты и другие меры, направленные на обеспечение безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

В то же время было подчеркнуто, что эти ответные меры выдерживаются строго в тех пределах, которые диктуются действиями стран НАТО. Было четко сказано, если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Европе американских ракет средней дальности, Советский Союз будет также готов сделать это. В таком случае вновь обрели бы силу и ранее внесенные СССР предложения по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений в Европе. Возобновили бы свое действие и отмененные односторонние обязательства СССР в этой области.

Советские люди, люди доброй воли во всем мире с большим удовлетворением восприняли Заявление товарища Ю. В. Андропова. Они высоко оценили твердую и принципиальную позицию СССР, которая в сжатой форме была выражена в завершающих словах Заявления: «Советское руководство заявляет, что, выполняя волю советского народа, оно и впредь будет делать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений».

В конце 1983 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О международном положении и внешней политике Советского государства». Высший орган власти нашей страны обратился к конгрессу США и парламентам других стран НАТО с призывом использовать все свои возможности с тем, чтобы правительства этих стран отказались от проведения опасной для дела мира политики «с позиции силы», от попыток достижения военного превосходства. Верховный Совет СССР торжественно

заявил, что Советский Союз не посягает на безопасность ни одной страны—будь то на Западе или на Востоке. Советский парламент вновь во всеуслышание подтвердил: СССР неизменно придерживается линии на сохранение и упрочение мира, обуздание гонки вооружений, расширение и углубление сотрудничества между государствами. Разум может и должен уберечь человечество от ядерной катастрофы.

Карен Карагезьян

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Ю. В. Андропов. Коммунист, 1983, № 3, с. 23.
2. Ю. В. Андропов. Коммунист, 1982, № 17, с. 19.

Вместо введения

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48.
2. R. Baker. What Wilson Did at Paris. N. Y., 1919, p. 18
3. F. Palmer, N. Baker. America at War. N. Y., 1931, v. 2, p. 409
4. "Foreign Relations of the United States. Russia, 1919", v. 2, p. 14
5. J. Thompson. Russia, Bolsheviks and the Versailles Peace. Princeton, 1967, p. 204
6. "The New York Times", June 24, 1941

Часть первая. «ТОТАЛЬНАЯ» ЯДЕРНАЯ

Глава I. Восторги силы

1. J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom. N. Y., 1970, p. 459
2. W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959, p. 159
3. H. S. Truman. Memoirs, v. I, p. 415
4. M. Sherry. Preparing for the Next War. Yale University, 1977, pp. 201, 205, 459
5. Dropshot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A. Brown. N. Y., 1978, p. 3
6. Containment. Documents on American Policy and Strategy. 1945—1950. Ed. by T. Ethold and J. Gaddis. N. Y., 1978, pp. 66—68
7. Containment... pp. 175—202
8. Dropshot... p. 6
9. Containment... pp. 359—360
10. Там же, с. 360—365.

11. Г. Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1959, с. 79.
12. Dropshot... p. 5
13. H. York. The Advisers. San Francisco, 1976, p. 34
14. H. Stimson, M. Bundy. On Active Service in Peace and War. Wash., 1948, p. 217
15. W. Millis, H. Mansfield, H. Stein. Arms and the State. N. Y., 1958, pp. 229, 246
16. J. F. Dulles. War or Peace? N. Y., 1957, p. 75
17. Там же, с. 46—246.
18. Там же.
19. D. Eisenhower. Mandate for the Change: the White House Years, 1953—1956. N. Y., 1963, pp. 453—454
20. J. Scott. Political Warfare. N. Y., 1955, p. 19
21. "The Department of State Bulletin", February 3, 1958, p. 159
22. R. Strausz-Hupe, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 142
23. H. Kahn. On Thermonuclear War. Princeton, 1961, p. 559
24. "The New York Times", June 10, 1963

Глава II. «Первый удар»

1. "Department of State Bulletin", October 9, 1967, p. 444
2. "Foreign Affairs", July, 1968, p. 668
3. "The New York Times", October 9, 1967
4. "Congressional Record", September 3, 1969, p. H7471
5. "Air Force Magazine", April 1965, p. 51
6. P. J. Klass. Secret Sentries in Space. N. Y., 1971, p. 51
7. "Fortune" June 1967, p. 85

Глава III. «Интегрированное оружие»

1. T. C. Schelling. Arms and Influence. New Haven, 1966, p. 249
2. "Business Week", March 15, 1969, p. 37
3. "Congressional Record", February 22, 1970, p. S2162
4. "Department of State Bulletin", October 9, 1967, p. 447
5. "The New York Times", September 19, 1967
6. "The New York Times Magazine", May 4, 1969, p. 123
7. "Congressional Record", November 18, 1969, p. S14520
8. "Cuter Report", California, 1972, v. V, N. 2, p. 6

Часть вторая. КАЧЕНИЕ МАЯТНИКА

Глава IV. «Игра по правилам»

1. W. Kaufmann. The McNamara Strategy. N. Y., 1964, p. 97
2. W. Kintner. Peace and Strategy Conflict. N. Y., 1967, p. 46
3. "Orbis", 1974, v. XVIII, N 3, p. 659
4. "Department of Defence Annual Report, F. Y. 1981". Wash., 1980, p. 90
5. "Congressional Record", June 2, 1969, p. H4383
6. "Department of Defence Annual Report, F. Y. 1981", p. 66
7. "The New York Times", June 18, 1981
8. Там же, май, 22, 26, 27, 31, 1982.
9. "The Washington Post", October 10, 1977

Глава V. Чужими руками

1. Проблемы мира и социализма, 1978, № 7, с. 72.
2. "The New York Times", April 26, 1978
3. "Unita", Sept. 13, 1977

Глава VI. Пентагоновские провидцы

1. "Air Force Magazine", June 1968, p. 127
2. Ibid., March 1967, p. 49
3. H. W. Baldwin. Strategy for Tomorrow. N. Y., 1970, p. 89
4. "Congressional Record", April 3, 1963, p. 5337
5. "U.S. News and World Report", March 26, 1958, p. 4912
6. "Congressional Record", March 26, 1958, p. 4912
7. Там же, 6 февраля, 1958, с. 1552.
8. Там же, 2 мая, 1968, с. H3250.
9. W. R. Kintner. Peace and Strategy Conflict. N. Y., 1967, p. 44
10. "Air Force Magazine", September 1963, p. 71
11. "The Washington Post", September 2, 1963
12. "The New York Times", September 7, 1962
13. "Aviation Week and Space Technology", September 30, 1963, p. 18
14. R. Salkeld. War and Space. Englewood Cliffs, N. Y., 1970, p. 10
15. "The New York Times", February 26, 1972
16. "New Scientist", July 13, 1972, p. 19
17. "NAM Reports", 1971, v. 17, N. 11, p. 6
18. "Air Force Magazine", January 1969, p. 81
19. "The New York Times", July 5, 1982
20. Там же, 6 апреля, 1977.

Часть третья. ВАШИНГТОНСКИЕ «МИРОЛЮБЦЫ»

Глава VII. ОСВ и нечто

1. Dropshot... pp. 12—13
2. Foreign Relations of the United States. 1950, v. I, p. 274
3. H. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, pp. 142—143
4. "Foreign Affairs", April 1967, p. 403
5. "Air Force Magazine", November 1967, p. 44
6. "The New York Times", June 25, 1978
7. "Department of State Bulletin", October 15, 1973, p. 474
8. "The New York Times", August 24, 1978
9. "Foreign Affairs", spring 1982, p. 754
10. L. Beilenson. Survival and Peace in Nuclear Age. Chicago. 1980, p. 38
11. "Department of State Bulletin", September 1981, p. 18
12. "Newsweek", April 20, 1981, p. 13
13. Freeze! How You Can Help Prevent Nuclear War, by Senator E. Kennedy and Senator M. Hatfield, N. Y., 1982, p. 1
14. "International Herald Tribune", January 30—31, 1982
15. Ю. В. Андропов. Правда, 1983, 29 сентября.
16. Ю. В. Андропов. Правда, 1983, 25 апреля.
17. Ю. В. Андропов. Правда, 1982, 22 декабря.
18. Ю. В. Андропов. Правда, 1983, 29 сентября.

Глава VIII. «Советская опасность»

1. W. Corson. The Armies of Ignorance. N. Y., 1977, p. 302, 432—433
2. Foreign Relations of the United States. 1947, v. 1, p. 772
3. "The New York Times", November 29, 1957
4. H. York. Race to Oblivion, p. 176
5. "The New York Times Magazine", May 4, 1969, p. 124
6. "Department of State Bulletin", March 31, 1969, p. 273
7. "Congressional Record", July 10, 1969, p. S7865; "Department of State Bulletin", July 7, 1969, p. 390
8. "Foreign Affairs", July 1968, p. 761
9. "The New York Times", December 26, 1981

Часть четвертая. «ОБЫЧНОЕ ОРУЖИЕ»

Глава IX. «Вьетнамский синдром»

1. D. Eisenhower. Mandate for the Change, p. 454
2. "Orbis", 1971, v. XV, N.1, p. 179

3. A. Schlesinger. A. Thousand Days. Boston, 1965, p. 992
4. "Newsweek", July 12, 1971, p. 31
5. "Congressional Record", June 13, 1967, p. H7073
6. Там же, 18 февраля, 1969, с. E1082.
7. "Indochina Chronicle", October 15, 1971, p. 13
8. Ibid... p. 15

Глава X. От «реагирования» к «развертыванию»

1. "Congressional Record", November 6, 1969, p. E9417
2. "Department of State Bulletin", March 22, 1971, p. 345, June 25, 1973, pp. 932—935
3. "Statement of Secretary of Defence M. R. Laird on the F. Y. 1972—76 Defence Program and the F. Y. 1972 Defence Budget", Wash., 1971, p. 2
4. "Foreign Affairs", April 1971, pp. 430, 436
5. H. Baldwin. Strategy for Tomorrow, p. 8, 10, 27
6. Там же, с. 292.
7. "Sea Power", April 1972, p. 17
8. Там же, с. 18—23.
9. Nguyen Cao Ky. Twenty Years and Twenty Days. N. Y., 1976, p. 7
10. "Military Review", March 1970, p. 8
11. "The New York Times", May 31, 1982
12. H. Baldwin. Strategy for Tomorrow, p. 26

Глава XI. «Как кроликов...»

1. "U.S. News and World Report", December 15, 1969, p. 13
2. "Indochina Chronicle", August 17, 1969
3. Крупская Н. К. О Ленине. М., 1965, с. 57.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 174.
6. "The Washington Post", January 21, 1981

Послесловие

1. Правда, 1983, 11 ноября.
2. Правда, 1983, 18 ноября.
3. Правда, 1983, 9 ноября.
4. Правда, 1983, 12 ноября.
5. Правда, 1983, 29 сентября.
6. Правда, 1983, 19 ноября.

Оглавление

Предисловие

5

Вместо введения

8

Часть первая

«ТОТАЛЬНАЯ» ЯДЕРНАЯ

13

Глава I

ВОСТОРГИ СИЛЫ

15

Глава II

«ПЕРВЫЙ УДАР»

37

Глава III

«ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОРУЖИЕ»

52

Часть вторая

КАЧЕНИЕ МАЯТНИКА

69

Глава IV

«ИГРА ПО ПРАВИЛАМ»

71

Глава V

ЧУЖИМИ РУКАМИ

95

Глава VI

ПЕНТАГОНОВСКИЕ ПРОВИДЦЫ

115

Часть третья
ВАШИНГТОНСКИЕ «МИРОЛЮБЦЫ»

145

Глава VII
ОСВ И НЕЧТО

146

Глава VIII
«СОВЕТСКАЯ ОПАСНОСТЬ»

175

Часть четвертая
«ОБЫЧНОЕ ОРУЖИЕ»

203

Глава IX
«ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ»

205

Глава X
ОТ «РЕАГИРОВАНИЯ» К «РАЗВЕРТЫВАНИЮ»

225

Глава XI
«КАК КРОЛИКОВ...»

245

Послесловие

269

Примечания

281

Юрий Николаевич Листвинов
АПОКАЛИПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА
США: оружие и политика

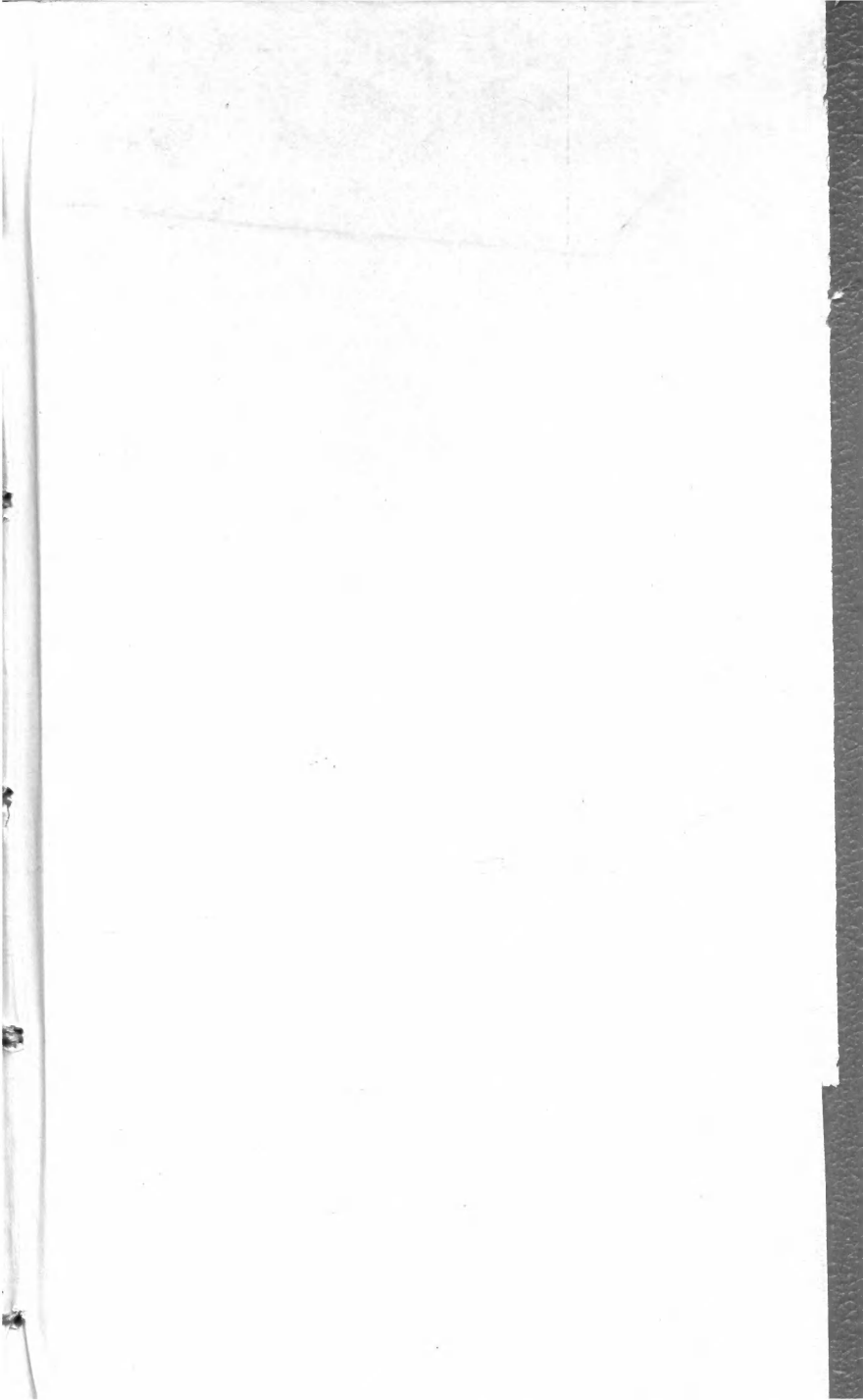
Редактор *А. Петров*
Художественный редактор *С. Семенов*
Фоторедактор *О. Баранова*
Технический редактор *Л. Крюкова*
Корректор *Л. Лебедева*
Технолог *Л. Пчелникова*
ИБ №7047

Сдано в набор 19.07.83. Подписано в печать 04.01.84. Т03501.
Формат 84х108/32. Объем 9,0 печ.л. текста+0,5 печ.л., илл., 15,96 усл. л.,
15,79 уч.-изд. л.

Тираж 75000 экз. Зак. 961 Изд. №6569. Цена 1 р. 20 к.

Издательство Агентства печати Новости.
Типография Издательства Агентства печати Новости.
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Ю.ПІСТВІНОВ

АПОКАЛІПСИС ИЗ ВАШИНГТОНА

